

ИЗУЧЕНИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

Изучение воспроизводства населения

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

«УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПО СТАТИСТИКЕ»,
ТОМ XIV

В томе XIV помещены статьи по актуальным вопросам теории и методологии демографической науки. В них рассматриваются проблемы социалистического закона народонаселения, оптимальных темпов роста населения, демографической политики. Излагаются новые методы изучения демографических процессов и результаты анализа воспроизводства населения в некоторых районах страны.

Несколько работ касается нового направления демографических исследований — изучения мнений родителей о желаемом и идеальном числе детей в семье.

Редакционная коллегия:

Т. В. РЯБУШКИН (ответственный редактор),
Г. И. БАКЛАНОВ, А. Г. ВОЛКОВ, Ф. Д. ЛИВШИЦ,
Л. Е. МИНЦ (ученый секретарь),
В. М. СИМЧЕРА

Научный редактор тома
А. Г. ВОЛКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник продолжает линию, начатую двумя предыдущими томами «Ученых записок по статистике» АН СССР, посвященными демографическим проблемам¹. Однако в отличие от предыдущих материалы этого тома касаются не только и не столько методологии статистического изучения населения. Они соответствуют современному пониманию демографии как самостоятельной общественной науки, не ограничивающей сферу своих интересов только сбором и обобщением сведений о населении, но и пытающейся истолковать содержание и направленность демографических процессов, вскрыть их закономерности и проанализировать их взаимообусловленность и взаимосвязь с развитием общества во многих разнообразных ее аспектах. До сих пор перечисленные направления исследований проходили, так сказать, по разным ведомствам и лишь теперь, в ответ на требования нашей развивающейся науки и хозяйственного строительства, синтезируются в едином научном направлении.

Главное на этом направлении — изучение процесса воспроизводства населения и его закономерностей. Сам этот термин ввиду своей «неодушевленности» вызывает иногда возражения. Между тем привычка связывать со словом «воспроизводство» всегда воспроизводство общест-

¹ «Проблемы демографической статистики». М., Госстатиздат, 1959 и М., изд-во «Наука», 1966.

венного продукта, производство промышленной продукции, вообще создание неживых объектов не должна липить этот термин его прямого значения — *возобновление*. Именно в этом значении употребляется в политической экономии термин «воспроизводство рабочей силы».

Дело, однако, не только в терминологии, но и в содержании самого понятия «воспроизводство населения». До сих пор в это понятие вкладывалось весьма узкое содержание — процессом воспроизводства населения считалось лишь возобновление его численности и возрастно-полового состава вследствие естественной смены поколений, т. е. рождаемости и смертности. Тем самым дело сводилось, собственно, к биологическому воспроизводству человеческих популяций. Именно этот подход вызывает несоответствие термина содержанию понятия.

Разумеется, возобновление человеческого вида не может совершаться иначе как путем естественной смены поколений. С возникновением общества люди не стали и никогда не станут, конечно, размножаться, например, почкованием. Однако возникновение и развитие человеческого общества, изменение действующих в нем законов, равно как и развитие производительных сил, вносят существенные коррективы в естественный ход демографических процессов. Будучи общественными существами, люди стали в своем поведении руководствоваться не только инстинктами продолжения рода и самосохранения. Вступили в действие мощные социальные факторы, хотя и не меняющие природы человеческой популяции, но во всяком случае весьма существенно воздействующие на нее. Особенно ясно видно это при рассмотрении влияния на воспроизводство населения различных социальных форм семьи и брака. Сейчас трудно назвать какую либо область социальных отношений, которая так или иначе не влияла бы на воспроизводство населения. Население, таким образом, нужно рассматривать и как *социальную* совокупность.

Не странно ли поэтому, что, принимая за аксиому социальную обусловленность всех демографических процессов, мы тем не менее, говоря о воспроизводстве населения, имеем в виду обычно лишь биологическую его сторону?

Воспроизводство населения следует рассматривать не только как возобновление его численности и возрастно-полового состава вследствие естественной смены поколений, но и как возобновление его состава по всем тем признакам, носителями которых являются люди как существа общественные, т. е. как изменение распределения населения по занятиям, национальностям, семейному состоянию и т. д. Тогда правомерно говорить о воспроизводстве социальной, национальной, семейной, профессиональной и других структур населения, а процессы изменения этих структур считать демографическими процессами.

Социальная обусловленность демографических процессов еще не дает оснований, конечно, отождествлять население и общество при их научном исследовании. Нам представляется правомерным считать разными, хотя и тесно связанными, объектами исследования совокупности людей, наделенных теми или иными характеристиками, и совокупности социально-экономических институтов, действующих в этих совокупностях людей. Первое — объект демографии, второе — объект социологии. Разумеется, изучение общества немыслимо без изучения совокупности людей, его составляющих, а изучение населения никогда не будет научным, если отвлечься от социальных условий, в которых находится это население. Так что известная условность разделения этих двух подходов свидетельствует лишь о близости упомянутых наук. Тем не менее оно необходимо в силу специфики обоих направлений исследования. Ведь разница все-таки есть: от человека к населению — в демографии, от личности к обществу — в социологии.

Широкое понимание воспроизводства населения не нашло еще пока адекватного отражения в демографиче-

ских исследованиях (по-видимому, недостаточно выражено оно и в статьях сборника). Это особенно заметно на малочисленности попыток найти методику измерения воспроизводства других структур, кроме возрастно-половой, приемы анализа которой сейчас уже разработаны достаточно хорошо, а также изучения воспроизводства квалифицированной рабочей силы. Однако некоторые попытки в этом направлении уже делаются; мы имеем в виду, в частности, исследования брачности, изучение развития этнических структур, миграции и социальной мобильности, измерение воспроизводства экономической структуры населения и т. д. Нужно надеяться, что со временем все эти направления займут достойное место в демографических исследованиях.

Интерес к проблемам воспроизводства населения как в мире, так и в нашей стране сейчас чрезвычайно велик. Не удивительно поэтому возникновение многих научно-исследовательских групп, изучающих население, расширение преподавания специальных дисциплин, созыв конференций специалистов, широкое, хотя и не всегда, к сожалению, достаточно квалифицированное, освещение этих проблем в печати.

Последние два-три года были временем новых интересных исследований, мобилизации и консолидации научных сил в этой области. Перемены, может быть, не очень заметны, ибо многие исследования еще ждут публикации, другие — завершаются, третьи — только начаты и требуют времени на завершение. Несомненно, однако, что демографическая наука в нашей стране развивается, причем весьма интенсивно. Нужно надеяться, что со временем будут окончательно преодолены и трудности, с которыми мы сейчас встречаемся, — недостаток подготовленных кадров, отсутствие глубоких методических пособий, часто и отсутствие материалов для углубленных демографических исследований.

Сейчас уже наметились определенные направления ис-

следований, очерчен круг вопросов, требующих изучения, и более или менее ясна программа демографической работы на ближайшие годы. Важное место в ней занимают проблемы, связанные с подготовкой к Всесоюзной переписи населения 1970 г. и последующей обработкой и анализом ее материалов.

Естественно, что от этого небольшого сборника нельзя ожидать полного изложения ни всего, что сделано, ни того, что делается сейчас в этой области. Однако, составляя его, мы пытались представить работы в тех направлениях, на которых ведут исследования советские демографы.

Прежде всего — это изучение теоретических проблем воспроизводства населения. Теоретические исследования сейчас сосредоточиваются главным образом на попытках раскрыть сущность закона народонаселения социалистического общества, характер воздействия на воспроизводство населения в современных условиях развития производительных сил, роль в этом различных социальных институтов и производственных отношений вообще, пути оценки демографических процессов с позиций интересов общества. Это направление представлено в сборнике четырьмя статьями первого раздела. По традиции «Ученых записок по статистике» страницы этого тома представлены авторам, придерживающимся разных точек зрения на указанные проблемы. Надеемся, что дискуссионный характер этих статей привлечет внимание читателя к поставленным в них вопросам, а само обсуждение их будет способствовать продвижению исследований в этой области. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что хотя успех всякого научного исследования и зависит от того, насколько правильны теоретические позиции ученого, установление тех или иных закономерностей возможно лишь на основе всестороннего и глубокого анализа фактического материала. Поэтому разработка теоретических вопросов демографии должна быть неразрывно связана с изучением конкретных особенностей демографических процессов.

Как и прежде, в сборнике представлены работы методологического характера. Хотелось бы отметить новизну некоторых из них. Таблицы брачности для СССР в целом, которым посвящена статья Л. Е. Дарского, построены впервые после таблиц Ю. А. Корчака-Чепурковского для Украины. До сих пор не была исследована в нашей литературе проблема темпов формирования семьи, которая рассматривается в статье Р. И. Сифман. Существенным вкладом в демографическую науку нужно считать и работу скончавшегося недавно старейшего советского демографа Ю. А. Корчака-Чепурковского, посвященную исследованию аналитических возможностей показателя средней продолжительности жизни.

В третьем разделе представлены работы, содержащие конкретный анализ демографических процессов на материалах, относящихся к стране в целом и разным районам. Несколько особняком здесь стоит лишь работа В. И. Козлова, которую можно считать одним из первых шагов на пути к изучению социально-психологических факторов рождаемости и закономерностей формирования этнической структуры населения.

Учитывая большой интерес к изучению мнений, как средству анализа социальных факторов воспроизводства населения, мы поместили в сборнике три работы на эту тему, написанные разными исследователями на специфическом материале. Несмотря на неоднородность методики и разные масштабы исследований, их результаты должны принести определенную пользу в развитии этой сравнительно молодой области демографических исследований.

А. Г. Волков

I. Теоретические вопросы демографии

Я. Н. Гузеватый

Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Исторические решения мартовского и сентябрьского (1965 г.) Пленумов ЦК КПСС и XXIII съезда КПСС, направленные на дальнейшее укрепление научных основ коммунистического строительства, помогают покончить с вредной для нашего хозяйства недооценкой проблем народонаселения и способствуют возрождению демографической науки. За короткий срок со времени принятия этих решений состоялось несколько весьма плодотворных все-союзных научных совещаний по проблемам населения Средней Азии (Ташкент, сентябрь 1965 г.), формирования населения и использования трудовых ресурсов в районах Крайнего Севера (Магадан, декабрь 1965 г.), расселения и поселений в СССР (Москва, февраль 1966 г.), демографической науки на Украине (Киев, октябрь 1966 г.), марксистско-ленинской теории народонаселения (Москва, ноябрь 1966 г.), географии населения (Москва, январь-февраль 1967 г.), размещения и миграции населения (Ростов-на-Дону, май 1967 г.). Эти совещания обсудили демографическую ситуацию в стране, определили главные задачи в изучении проблем народонаселения, наметили пути к достижению более рационального и эффективного использования трудовых ресурсов.

Признание актуальности наших внутренних проблем народонаселения, увеличение внимания к ним со стороны как научных кругов, так и административно-хозяйственных органов облегчает их практическое решение и способствует более глубокому теоретическому осмыслению демографических процессов.

* * *

Существовавшая до недавних пор недооценка демографических проблем проистекала прежде всего из вульгаризированного, догматического толкования законов народонаселения капитализма и социализма.

Не имелось даже единой, общепризнанной формулировки закона народонаселения социализма. Правда, различия в определениях не были принципиальными и в целом социалистический закон народонаселения обычно характеризовался двумя группами признаков: во-первых, полной и рациональной занятостью всего трудоспособного населения общественно полезным трудом при неуклонном повышении материального и культурного уровня народа и, во-вторых, расширенным естественным приростом населения при высокой рождаемости, низкой смертности, увеличивающемся долголетии. Типично определение, данное в Большой Советской энциклопедии в статье «Политическая экономия»: «При социализме потерял свою силу капиталистический закон народонаселения. Здесь действует иной, социалистический закон народонаселения, важнейшими чертами которого являются быстрый рост населения, полное и рациональное использование его трудоспособной части, постоянное повышение уровня материального благосостояния народа, низкие заболеваемость и смертность населения»¹.

Жизнь, однако, не подтвердила мнения, будто для социализма имманентны высокая рождаемость и расширяющееся воспроизводство населения. Так, на современном этапе основной демографической тенденцией как в Советском Союзе, так и в большинстве европейских социалистических стран наряду с уменьшением смертности и ростом продолжительности жизни является *снижение рождаемости*. Оно вызвано быстрым экономическим и культурным прогрессом, и прежде всего распространением всеобщего школьного обучения, широким вовлечением молодежи в систему среднего профессионального и высшего образования, все более активным участием женщин в труде, в общественной и политической деятельности. В 60-х годах дополнительным, временным фактором снижения

коэффициента рождаемости явилось вступление в плодотворный возраст относительно малочисленного контингента женщин, родившихся в годы второй мировой войны.

Естественное движение населения в СССР характеризуют следующие данные (в среднем за год на 1000 жителей)²:

Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1913	45,5	29,1	16,4
1940	31,2	18,0	13,2
1950	26,7	9,7	17,0
1960	24,9	7,1	17,8
1965	18,4	7,3	11,1
1966	18,2	7,3	10,9

Процесс снижения рождаемости ускоряется с подъемом народного благосостояния. Быстро растущие материальные и культурные запросы трудящихся находят новые объективные возможности своего удовлетворения. В продажу поступает все больше потребительских товаров, улучшается их качество и ассортимент, ширится жилищное строительство, массовый характер приобретает туризм, в деревенский быт прочно входят телевизоры, мотоциклы, современная фабричная мебель и т. п. Все это побуждает семьи, причем не только городские, но, что особенно важно, и сельские, более тщательно рассчитывать свой бюджет, более осознанно определять желаемое число детей. Исследования советских демографов установили, что снижение рождаемости обусловлено не столько структурными сдвигами в возрастно-половом составе населения, сколько стремлением брачных пар иметь малодетную семью и формировать ее в молодом возрасте.

Конечно, в Советском Союзе, как, впрочем, и в некоторых европейских социалистических странах, наблюдаются большие районные различия в уровне рождаемости и темпах ее снижения. Обычно эти различия определяются неодинаковой степенью урбанизации населения, его подвижности, разным культурным уровнем и т. п. И поэтому никак нельзя согласиться со все еще довольно распространенным мнением, будто высокая рождаемость в некоторых районах есть результат действия социалистического

² «СССР в цифрах в 1966 году. Краткий статистический сборник». М., изд-во «Статистика», 1967, стр. 14.

¹ ВСЭ, т. 33, стр. 586.

закона народонаселения. Такое мнение высказывали, в частности, некоторые участники конференции по проблемам народонаселения Средней Азии. Однако приведенные на той же конференции фактические материалы убедительно показали, что на самом деле высокая рождаемость в среднеазиатских республиках, вдвое превышающая средний ее уровень в РСФСР, есть результат относительно меньшего по сравнению с другими районами страны вовлечения женщин в общественное производство, результат сохранения в сельской местности довольно сильных еще пережитков отсталых традиций, результат малой подвижности сельского населения, в частности сельской молодежи, из-за недостаточно хорошего знания русского языка и т. п. Тем не менее и в республиках Средней Азии можно проследить тенденцию к снижению рождаемости, которая в дальнейшем будет, несомненно, усиливаться.

Вместе с тем, говоря о закономерности снижения рождаемости в ходе экономического и культурного прогресса, следует предостеречь от абсурдного вывода, будто неуклонный рост материального благосостояния может привести в конце концов к полному прекращению воспроизводства населения. Хотя условия размножения человека непосредственно зависят от социально-экономических факторов, сам по себе процесс размножения основывается на биологическом законе — естественной потребности продолжения человеческого рода. «Нити, проходящей через всю органическую природу вплоть до человека, теория Маркса нисколько не прерывает...» — писал В. И. Ленин³. Если рассматривать вопрос в широком плане, то совершенно ясно, что никакие экономические блага не в состоянии заменить человеку родительского счастья. Снижение рождаемости от высокой к умеренной закономерно, но слишком низкий ее уровень есть временное, переходящее явление. В частности, дальнейшее улучшение материального благосостояния трудящихся, решение жилищной проблемы, создание хорошо развитой системы бытового обслуживания, максимально сокращающей затраты времени на домашнее хозяйство, полное удовлетворение потребности населения в яслях и детских садах, очевидно, могут приостановить слишком быстрое снижение рождаемости и даже привести к некоторому ее повышению.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 477.

То обстоятельство, что постулат о высокой рождаемости и расширенном воспроизводстве населения социалистических стран в действительности не получает подтверждения и остается еще не решенной до конца проблема рациональной занятости трудоспособного населения, в последнее время породило у некоторых ученых-марксистов сомнение в возможности дать сейчас подлинно научную формулировку социалистического закона народонаселения.

Со столь пессимистическим представлением, конечно, нельзя согласиться. Социалистический закон народонаселения существует, он действует в условиях нашей социалистической экономики, и его можно и нужно научно сформулировать. Но для этого прежде всего следует отказаться от бесплодных попыток найти какой-то всеобъемлющий закон, в котором бы эклектически объединялись и экономические и демографические признаки.

Как известно, К. Маркс следующим образом изложил в «Капитале» закон народонаселения, свойственный капиталистическому способу производства: «...Рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»⁴. Речь здесь идет о взаимодействии в процессе производства двух его основных компонентов — средств производства и живой рабочей силы, об относительном вытеснении рабочей силы из процесса производства и образовании избыточного по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании, а потому излишнего рабочего населения. Формулируя капиталистический закон народонаселения, К. Маркс подчеркивал, что всякому особому историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер, законы населения.

Такой особенный закон народонаселения имеет и социалистический способ производства. Этот закон также ограничен сферой взаимодействия функционирующих в процессе производства средств производства и рабочей силы и выясняет влияние роста производительности труда на судьбу рабочего. Его отличие от капиталистического закона народонаселения определяется прежде всего тем, что переход средств производства в общественную собст-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 645.

венность ведет к ликвидации всех видов эксплуататорских отношений и диаметрально меняет цель производства. Если при капитализме этой целью была погоня за прибылью, то при социализме ею становится наиболее полное удовлетворение постоянно растущих потребностей членов общества и их всестороннее развитие.

В условиях плановой социалистической экономики увеличение производительности труда и технический прогресс, хотя они и означают относительное уменьшение занятой в производстве массы труда по отношению к массе средств производства, не ведут, как при капитализме, к росту безработицы а, напротив, способствуют наиболее полной и рациональной занятости трудоспособного населения, повышению его благосостояния при постепенном сокращении продолжительности рабочего дня. Иными словами, закон народонаселения социализма состоит в том, что *рабочее население, участвуя в процессе социалистического производства, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые обеспечивают его наиболее полную и рациональную занятость.*

Таким образом, на наш взгляд, демографические процессы не входят в сферу действия социалистического закона народонаселения⁵. Хотя рождаемость, смертность и другие демографические явления безусловно зависят от экономического строя общества, эта зависимость опосредствована рядом факторов надстроечного порядка, такими, как национальные традиции и обычаи, правовые институты, социальные установки. При этом для определения демографических закономерностей весьма важное значение

⁵ Попытку сформулировать чисто экономический закон без указания на характер изменения демографических показателей предпринял Н. С. Есипов в докладе «О законе народонаселения социалистического общества», опубликованном в качестве основного материала для обсуждения на Всесоюзном симпозиуме по вопросам марксистско-ленинской теории народонаселения (Москва, 24—26 ноября 1966 г.). Согласно предложенному им определению, сущность закона составляет «обеспечение устойчивого улучшения жизненных условий трудящихся на основе полной занятости и использования общественных фондов потребления для достижения наибольшей всесторонности развития и жизнедеятельности людей, включая сюда и воспроизводство населения как источник трудовых ресурсов». Нетрудно заметить, что это определение страдает чрезмерной широтой и исходит из иных методологических принципов, нежели данное Марксом определение капиталистического закона народонаселения.

имеют биологические факторы в развитии населения, которые отнюдь не изучаются политической экономией. Демографические процессы, закономерности взаимной связи и взаимозависимости биологических и социальных сторон в развитии населения составляют предмет науки демографии.

К сожалению, в ходе острой идеологической борьбы с антинаучными буржуазными теориями населения, абсолютизирующими биологические законы развития человеческого общества, наши социальные науки впали в другую крайность: сосредоточили все свое внимание на экономических факторах и по существу перестали интересоваться биологическими закономерностями. В результате демография как наука оказалась «не у дел» и была низведена до уровня только статистики населения, а демографические явления неправоммерно стали рассматриваться политической экономией в рамках экономических по своему характеру законов населения. На практике такое положение привело, в частности, к тому, что были свернуты демографические исследования, перестали выходить научные издания по демографии, сузился круг публикуемых показателей по статистике населения. Все это затруднило прогнозирование демографических процессов и, как следствие, отрицательно сказалось на эффективности народнохозяйственного планирования.

Так обстоит дело с неправомерной попыткой включить в сферу действия экономического закона народонаселения социализма демографические показатели.

Другая принципиальная ошибка в существовавших до сих пор определениях закона населения при социализме происходила из неправильного, догматического убеждения, будто он автоматически вступает в действие со свержением капитализма. Отсюда и кажущееся противоречие между существом закона и сегодняшней демографической действительностью.

Социалистическая революция создает лишь основу, необходимые предпосылки для развития социалистического закона народонаселения. Он развивается в ходе строительства социализма постепенно и свое полное выражение получает только при коммунизме, когда утверждается единая форма общественной собственности, устраняются различия между классами рабочих и крестьян, между городом и деревней, между умственным и физическим тру-

дом, когда изобилие продуктов способно удовлетворить материальные и культурные потребности всех членов общества. Иными словами, определение социалистического закона населения должно выражать закономерности коммунистической формации, как таковой, абстрагированной от временных, географических, национальных и других частных признаков. А между тем вплоть до сего дня при формулировании этого закона его неправомерно пытаются отождествлять с конкретными социально-экономическими явлениями в Советском Союзе, а также в других социалистических странах, находящихся на самых различных этапах коммунистического строительства.

На первой, низшей фазе коммунистического общества — при социализме, а тем более в период строительства социализма, социалистический закон народонаселения действует как нарастающая, господствующая тенденция среди еще возможных нарушений народнохозяйственных пропорций и, следовательно, возможных недостатков в использовании трудовых ресурсов. Познание объективных экономических закономерностей дает возможность социалистическому государству устранять эти нарушения и недостатки в планомерном, пропорциональном развитии экономики путем осуществления правильной, научно обоснованной политики.

В ходе научно-технического прогресса неизбежно возникают определенные трудности в деле дальнейшего улучшения использования трудовых ресурсов. Появление новых, более эффективных отраслей производства и техническое перевооружение старых отраслей, внедрение в производство новых видов энергии и материалов все время требуют перераспределения рабочей силы между различными сферами народного хозяйства и экономическими районами, непрерывного повышения общей профессионально-технической подготовки трудящихся, переквалификации работников отживающих свой век профессий и формирования кадров новых специальностей. Этим задачам отведено важное место в программе экономического строительства в Советском Союзе. В частности, они широко отражены в принятых XXIII съездом КПСС Директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг.

Вместе с тем следует отметить специфическую сложность проблемы достижения наиболее полной и радио-

нальной занятости трудоспособного населения в СССР, связанную с тем, что эту проблему приходится решать на обширных просторах страны с самыми различными природно-климатическими условиями, с многочисленным и неравномерно размещенным населением, с порайонными национальными особенностями и различиями в составе населения и характере его воспроизводства и, что особенно важно, с различными материальными и культурными условиями жизни. Учитывая эти обстоятельства, мероприятия по дальнейшему улучшению использования трудовых ресурсов в Советском Союзе осуществляются по следующим основным направлениям.

В индустриальных центрах первоочередное значение имеют меры, направленные на достижение более рационального размещения и более рациональной структуры производства, на введение комплексной механизации и автоматизации производственных процессов. Более рациональное размещение производства означает, в частности, ограничение чрезмерной концентрации промышленности в крупных городах, из-за которой растут экономические потери от расширяющейся маятниковой миграции, ухудшаются санитарно-гигиенические условия жизни населения и снижается экономичность городского хозяйства.

Другая задача состоит в постепенной ликвидации односторонней специализации ряда индустриальных центров в одних случаях на отраслях с абсолютным преобладанием мужского труда (отрасли тяжелой, горнодобывающей промышленности, например, в Кемеровской, Читинской областях, на Урале и в некоторых других районах) и в других случаях на отраслях производства с абсолютным преобладанием женского труда (например, текстильное производство в городах Ивановской области).

Для более рационального использования рабочей силы, уже занятой в производстве, необходимы дальнейшие меры по научной организации труда путем механизации вспомогательных работ, обеспечения ритмичности производства, устранения простоев. Это большой резерв повышения эффективности общественного производства, так как сейчас из-за недостатков в организации труда некоторые предприятия теряют до 30% и более рабочего времени. Высвобождающаяся в ходе технического прогресса рабочая сила будет занята как на самих предприятиях путем введения дополнительных смен и перехода на

пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями, так и с помощью перераспределения ее между отраслями, прежде всего в сферу обслуживания.

Расширение сферы обслуживания имеет важное значение для более полного использования трудовых ресурсов даже там, где занятость населения уже высока. Расширение сети предприятий общественного питания и бытовых услуг, увеличение числа дошкольных детских учреждений и школ-интернатов вместе с созданием для желающих возможности работать дома, или неполный рабочий день, или неполную рабочую неделю — все это даст возможность дополнительно привлечь в общественное производство домашних хозяек, пенсионеров, дольше сохранит для государства богатый производственный опыт старых специалистов.

Решение задачи рационального использования трудовых ресурсов, занятых в промышленном производстве, предусматривает также широкий комплекс медицинских и санитарно-гигиенических мероприятий с целью уменьшения заболеваемости, травматизма, предотвращения преждевременного старения трудящихся, повышения производительности труда путем создания наиболее гигиеничных условий на производстве.

Трудовые ресурсы малых и средних городов, не получивших промышленного развития, активизируются путем преобразования некоторых из этих городов в курорты, центры туризма. Это требует расширения сети бытового обслуживания, организации производства сувениров, возрождения местных художественных ремесел. Новое промышленное строительство в стране также во все большей степени переориентируется на свободные, слабо используемые трудовые ресурсы малых и средних городов. Помимо легкой, прежде всего пищевой, промышленности, здесь разместятся филиалы и специализированные цехи крупных радиотехнических, приборостроительных и подобных им заводов, иначе говоря, небольшие трудоемкие предприятия со сравнительно небольшой потребностью в капитальных затратах, в сырье и транспортных расходах, но высокой стоимостью готовой продукции. Строительство таких предприятий должно сочетаться с работой по профессиональной подготовке местных кадров, особенно среди молодежи.

Большое значение имеют меры по улучшению использования трудовых ресурсов в сельских районах. Интенси-

фикация сельского хозяйства в немалой степени зависит от того, насколько удастся сократить трудовые потери, вызванные сезонностью сельскохозяйственного производства: в большинстве сельских районов трудовые ресурсы колхозов и совхозов полностью заняты лишь на протяжении 6—7 месяцев в году. Это положение может быть исправлено путем создания агропромышленных комплексов на базе совхозов, колхозных и межколхозных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья и промышленных отходов, по производству стройматериалов и т. п., путем организации строительных бригад, развития подсобных промыслов с учетом местных сырьевых ресурсов и национальных традиций.

В тех сельских районах, где наблюдается избыток трудовых ресурсов (в Средней Азии, на Северном Кавказе, в Западной Украине и в некоторых других районах), получают дальнейшее развитие трудоемкие отрасли сельскохозяйственного производства: виноградарство, садоводство, овощеводство, производство технических культур, мясомолочное животноводство. В районах с избытком трудовых ресурсов также намечается более интенсивное промышленное строительство, преимущественно предприятий с повышенной трудоемкостью и малой энергоемкостью, а также организация профессиональной подготовки кадров и набора рабочей силы для предприятий и строек в труднедостаточных районах.

В сельской местности труднедостаточных районов особое внимание необходимо уделять максимальной механизации сельскохозяйственных работ, широкому культурно-бытовому и жилищному строительству. Большой трудовой резерв составляют женщины, занятые только в домашнем и личном приусадебном хозяйстве. Для вовлечения их в общественное производство требуется увеличить строительство яслей, детских садов, школ-интернатов, столовых, прачечных и т. д. Разумеется, очень важно, чтобы труд в общественном производстве был не менее выгоден, чем в личном хозяйстве.

Нехватка рабочей силы, большая текучесть кадров затрудняют развитие производства в неблагоприятных по природно-климатическим условиям районах Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока. Чтобы решить эту проблему, увеличить здесь трудовые ресурсы и сделать их постоянными, в ближайшем пятилетии будут предприняты

дальнейшие меры по улучшению жилищных и культурно-бытовых условий переселенцев. Все работающие в этих районах получают дополнительные льготы и постоянную надбавку к основной заработной плате. Одна из серьезных задач здесь — более тщательно учитывать семейный и профессиональный состав переселенцев, чтобы полнее занять в общественном производстве всех трудоспособных членов семей.

Таковы основные направления, на которых можно достигнуть наиболее полного и рационального использования трудовых ресурсов. Важно заметить, что эффективность всех связанных с этим хозяйственно-организационных мероприятий в большой степени зависит от того, насколько принимаются во внимание местные, районные демографические факторы: численность и плотность населения, его возрастно-половой состав, особенности миграционных процессов, а главное, особенности естественного движения. Успех этих мероприятий зависит не только от того, насколько полно эти факторы учитываются, но и от того, насколько обоснованны и эффективны меры их планового регулирования.

Между тем до последнего времени роль государственной политики в области регулирования воспроизводства населения из-за недооценки демографии как науки была совсем невелика, а главное, она отличалась крайней односторонностью, поскольку долгое время исходила из ошибочного представления, что высокая рождаемость есть обязательный признак материального благополучия и что обилие трудовых ресурсов служит при всех условиях залогом экономического процветания.

Как уже отмечалось, демографические факторы не являются атрибутом социалистического закона народонаселения. Однако нет сомнения в том, что социалистическому обществу отнюдь не безразлично, каким образом идет воспроизводство населения. Если слишком высокая рождаемость, как, например, в республиках Средней Азии, вызывает определенные осложнения в народном хозяйстве (требуется увеличенных ассигнований на воспитание и образование больших детских контингентов, создает избыточное трудоспособное население в сельских районах и т. д.), то слишком низкая рождаемость также ведет к большим экономическим затруднениям и выдвигает ряд серьезных социальных проблем. Низкая рождаемость служит основной

причиной «постарения» населения, т. е. сокращения доли детей и повышения доли в населении лиц старших возрастов. Вследствие этого относительно увеличиваются общественные расходы на содержание старых людей, выплату пенсий, медицинскую помощь, повышается средний возраст трудящихся, тогда как современное производство с его уменьшающейся физической нагрузкой, но увеличивающейся нагрузкой на нервно-психическую систему имеет тенденцию ориентироваться на более молодых рабочих.

Научное планирование экономического и социального развития требует самого тщательного учета широкого круга демографических показателей. Так, особенности возрастно-половой структуры населения, повозрастной брачности, рождаемости определяют, в частности, состояние и перспективы спроса на потребительские товары и культурно-бытовые услуги и, следовательно, перспективные задачи промышленного и культурно-бытового строительства. Показатели повозрастной и профессиональной заболеваемости и смертности наряду с другими демографическими данными должны составлять основу планирования здравоохранения, включая подготовку медицинских кадров, строительство больниц и амбулаторий, предприятий медицинского оборудования и химико-фармацевтических заводов. В свою очередь от успехов здравоохранения — сокращения потерь рабочего времени по инвалидности и временной нетрудоспособности, увеличения продолжительности рабочего периода жизни трудоспособного населения и т. п. — в значительной степени зависит рост общественной производительности труда и национального дохода. Показатели рождаемости являются главными для планирования народного просвещения, развития сети дошкольных и внешкольных учреждений. Краткосрочные и долгосрочные порайонные демографические прогнозы как общей численности населения, так и его возрастно-половой структуры, занятости, состава семей, размера и направлений миграции необходимы для планирования городского и жилищного строительства и связанных с ним отраслей экономики. Эти примеры взаимосвязи и взаимозависимости экономических и демографических факторов в народнохозяйственном планировании могут быть многократно умножены.

Таковы некоторые проблемы народонаселения, и в частности проблемы рационального использования трудоспособного населения, для решения которых особое значение приобретает дифференцированная по районам активная демографическая политика, направленная на достижение оптимального типа воспроизводства населения и способная в конкретных условиях, при существующем состоянии производительных сил обеспечить наиболее благоприятное соотношение между материальными и людскими ресурсами в интересах быстрого развития советской экономики и дальнейшего улучшения благосостояния трудящихся.

Г. М. Коростелев

Свердловский
государственный педагогический институт

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ЗАКОНА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Одна из важных задач демографической науки в нашей стране состоит в том, чтобы раскрыть механизм воздействия социальных условий на процессы воспроизводства народонаселения в социалистическом обществе. Это означает и раскрытие закона, определяющего характер воспроизводства народонаселения при социализме.

Попытки сформулировать социалистический закон народонаселения, в котором бы нашла отражение связь между социальными условиями и воспроизводством народонаселения, были и раньше. Оставляя в стороне чисто экономические формулировки закона, отметим, что всем остальным его формулировкам присущ целый ряд недостатков, не позволяющих согласиться с их авторами.

Во-первых, в них не раскрыто именно *отношение* условий воспроизводства и самого воспроизводства народонаселения. Примером может служить определение социалистического закона народонаселения, данное А. А. Дольской: «Социалистический закон народонаселения требует полной и рациональной занятости трудоспособного населения в сфере общественного труда и выражает необходимость расширенного воспроизводства всесторонне, гармонично развитого населения»¹.

¹ А. А. Дольская. Социалистический закон народонаселения. М., Соцэкгиз, 1959, стр. 41.

Во-вторых, имеющиеся определения закона, как правило, абсолютизируют влияние на воспроизводство народонаселения экономических факторов (и прежде всего полной занятости). Между тем, как правильно отмечает Б. Я. Смуглевич, «базис общества влияет на эти процессы (воспроизводства народонаселения.— Г. К.) не непосредственно, автоматически и быстро, а опосредствованно, через действие многих факторов надстройки»².

И, наконец, в-третьих, в основе почти всех предложенных формулировок социалистического закона народонаселения лежит признание лишь одного закона народонаселения. Поэтому их авторы, характеризуя этот закон, стремятся перечислить все основные связи и отношения народонаселения и других социальных явлений при социализме (полная занятость, рациональное размещение населения и пр.), а также основные процессы, совершающиеся в самом населении (воспроизводство населения, развитие его здоровья и пр.).

Нам думается, что признание лишь одного закона народонаселения при социализме неправильно. С точки зрения марксистской философии, каждый процесс подчинен действию ряда законов, ибо в ходе саморазвития он вступает в самые различные — существенные и несущественные — связи и отношения с другими процессами. Существенное же отношение, с необходимостью и постоянно повторяющееся в определенных условиях, и есть объективный закон. К таким существенным отношениям, или законам, следует отнести отношение между трудоспособной частью населения и развивающимся производством, закон миграции (перемещения населения), закон воспроизводства населения и др. В основе возникновения и развития законов народонаселения всегда лежит определенный способ производства материальных благ. Поэтому нет и не может быть абстрактных законов народонаселения — они всегда конкретны, т. е. каждой общественно-экономической формации присущи свои законы народонаселения.

Признание множественности законов народонаселения в каждой общественно-экономической формации согласуется и с прямыми высказываниями на этот счет К. Маркса. «...Всякому исторически особенному способу производст-

ва,— говорит он,— в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения»³. Итак, Маркс пишет здесь о *законах* населения. Еще более определенно высказывается он в другом месте: «При различных общественных способах производства существуют различные законы роста населения и перенаселения... Эти различные законы следует просто свести к различным видам отношения к условиям производства или, что касается живого индивида, к условиям его воспроизводства как члена общества...»⁴ Следовательно, Маркс разделяет законы роста населения и законы перенаселения. Более того, Маркс, исследуя капиталистическое общество, открыл в нем действие таких законов населения, как закон относительного перенаселения, закон быстрой смены поколений рабочих, закон обратной зависимости между высотой заработной платы и величиной семейств рабочего населения.

Отступление от универсализации закона народонаселения социализма представляет точка зрения И. Ю. Писарева. Он считает этот закон экономическим законом, действие которого «определяет основы существования и воспроизводства поколений трудящихся»⁵ и проявляется в демографических закономерностях. Этот взгляд развивает в своей концепции Н. С. Есипов, также исходящий из того, что существует только один, экономический закон народонаселения социализма. Н. С. Есипов так определяет этот закон: «Обеспечение устойчивого улучшения жизненных условий трудящихся на основе полной занятости и использования общественных фондов потребления для достижения наибольшей всесторонности развития и жизнедеятельности людей, включая сюда и воспроизводство населения как источник трудовых ресурсов»⁶. Демографические закономерности, по его мнению, служат продолжением развития закона народонаселения. Нетрудно заметить, что в этих концепциях не раскрывается связь между жизненными условиями и демографическими процессами.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 646.

⁴ «Из рукописного наследия Маркса». — «Коммунист», 1958, № 7, стр. 20.

⁵ И. Ю. Писарев. Народонаселение СССР. М., Соцэкгиз, 1962, стр. 41.

⁶ Н. С. Есипов. О законе народонаселения социалистического общества. М., изд-во МГУ, 1966, стр. 7.

² Б. Я. Смуглевич. Критика буржуазных теорий народонаселения и ее методологические принципы. М., изд-во МГУ, 1966, стр. 10.

Стоит особо остановиться на дискуссии о законе народонаселения социализма и коммунизма, развернувшейся среди чехословацких демографов. Известный чешский демограф Владимир Срб дает такое определение этого закона: «Население при социализме воспроизводится в соответствии с потребностями общества и при одновременном воздействии экономических законов общества, планирования родителями величины семьи и в границах желательного жизненного уровня общества и его членов»⁷. По его мнению, решающим фактором той или иной численности населения конкретного общества служит необходимый жизненный уровень этого общества и отдельных его членов⁸. Определение закона народонаселения, данное Србом, заслуживает особого внимания, ибо в нем подчеркнуто значение жизненного уровня общества и отдельных его членов для воспроизводства населения.

Мы считаем, что при определении закона воспроизводства народонаселения следует исходить из известного положения марксизма, сформулированного В. И. Лениным следующим образом: «Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов...»⁹ Нужно отметить, что В. И. Ленин пишет о *непосредственном* влиянии устройства социальных организмов (т. е. общественно-экономических формаций) *не на сам процесс* размножения, а на условия размножения. В самом деле, ведь нельзя же установить прямую зависимость, например, между общественной ответственностью на средства производства и рождаемостью или между социалистической демократией и уровнем смертности. На процесс воспроизводства населения непосредственное воздействие оказывают те условия, в которых он протекает. Что же представляют собой эти условия?

Как известно, формой организации воспроизводства народонаселения (понимая воссоздание одного из важнейших элементов общества) служит семья — эта первичная ячейка современного общества. Важнейшие социальные функции семьи — это деторождение и воспитание подрастающего поколения. Для осуществления этих функций требу-

ется определенный минимум материальных благ и — особенно в настоящее время — культуры членов семьи (прежде всего знаний как эмпирических, так и научных). Этот минимум сам находится в постоянном развитии, определяясь в каждый данный момент достигнутой ступенью общественного прогресса. Вместе с тем в семье в силу ее относительной самостоятельности сохраняются и проявляются те или иные традиции, связанные с воспроизводством народонаселения (например, традиции многодетности, складывавшиеся на протяжении многих веков и поддерживаемые и освящаемые религией). Кроме семьи, непосредственное влияние на формирование мнения супругов о желаемом числе детей оказывает также пример ближайших родственников, друзей и соседей, живущих примерно в одинаковых условиях.

Социальная среда в широком смысле этого слова и непосредственные условия жизни человека не отгорожены друг от друга непроходимой стеной. Так, социальная жизнь все время оказывает влияние на семью: например, изменения в нравственных воззрениях общества или класса, к которому принадлежит данная семья, сказываются на взглядах членов семьи. Это во многих случаях приводит к ломке старых и образованию новых традиций, отвечающих изменившимся социальным условиям. Мы уже не говорим о влиянии экономических изменений в обществе (например, кризисов и их последствий) на жизненные условия и планирование родителями числа детей в семье под влиянием этих условий.

Победа социалистической революции и построение развитого социалистического общества приводят к коренному изменению положения подавляющего большинства населения — трудящихся масс — и решительному улучшению их жизненных условий. Большую роль в этом играет развитие общественных фондов потребления, которые сглаживают фактическое неравенство между людьми в экономическом отношении, еще существующее при социализме. При помощи этой системы удовлетворяется значительная (в СССР более четверти) часть материальных и культурных потребностей населения. Постоянное улучшение жизненных условий всего населения вообще свойственно социалистическому обществу, и поэтому мы согласны с Н. С. Есиповым, рассматривающим этот процесс как закон социалистического общества.

⁷ V. Srb. K. otázce populačního zákona socialismu a komunismu. — «Demografie», 1965, № 3, str. 196.

⁸ Там же.

⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 476.

Вот некоторые данные, характеризующие действие этого закона в нашей стране. В 1965 г. по сравнению с 1940 г. реальные доходы всего населения (в расчете на душу населения) увеличились в 3 раза. За этот же промежуток времени выплаты и льготы, получаемые населением из общественных фондов, возросли с 4,6 млрд. до 44,5 млрд. руб.¹⁰, т. е. приблизительно в 9 раз. Существенно улучшились и жилищные условия населения: если в 1940 г. в среднем на одного горожанина приходилось 7 м² общей (полезной) площади жилищ, то в 1965 г. — уже около 10 м².

Хорошо известно, однако, что за это время произошло снижение не только общей и детской смертности, но и плодovitости женщин. Так, число родившихся на 1000 женщин в возрасте от 15 до 49 лет понизилось со 139,5 в 1938—1939 гг. до 73,5 в 1964—1965 гг., причем в возрастных группах 15—29 лет, где соотношение между полами сейчас благоприятно, это снижение также весьма заметно: 15—19 лет — с 32,8 до 23,7; 20—24 года — с 214,4 до 157,6; 25—29 лет — с 230,6 до 138,9%¹¹. Отмеченное снижение плодovitости в возрастах 15—29 лет отчасти вызвано повышением возраста вступления в брак, что привело к значительному снижению доли замужних в соответствующих возрастах. В 1959 г. по сравнению с 1939 г. эта доля уменьшилась в возрастах 16—17 лет на 27%, 18—19 лет — на 32%, 20—24 года — на 18%¹². Но все-таки указанная причина не может целиком объяснить тенденцию к среднему и даже низкому уровню рождаемости.

Напрашивается установление причинно-следственной связи между ростом материального благосостояния и движением показателей рождаемости и смертности. Нет сомнения в том, что рост реальных доходов трудящихся и развитие общественных фондов потребления (сети детских учреждений, здравоохранения, пенсий и т. д.) благотворно влияют на здоровье населения, способствуют снижению

общей и детской смертности. Сложнее выяснить влияние роста материального благосостояния на рождаемость.

Рост материального благосостояния общества означает, что появляется больше возможностей для удовлетворения потребностей людей. Потребности людей делятся, как известно, на материальные и духовные. Первые (потребности в пище, одежде, жилище, тепле или прохладе, обуви и т. п.) связаны с биологической природой человека: для поддержания своего существования ему требуется определенный минимум материальных благ. Все, что лежит сверх этого, а также виды этих благ и формы удовлетворения материальных потребностей есть результат воздействия социальных причин и в конечном счете развития производства материальных благ.

Человеку присущи и духовные потребности, которые являются исключительно продуктом социального развития. Возможность их удовлетворения также связана с уровнем материального благосостояния. Рост же духовных потребностей связан с уровнем развития культуры, которая в свою очередь определяется развитием производства материальных благ.

Как же влияет подъем материального благосостояния на процессы воспроизводства населения? Как известно, академик С. Г. Струмилин считает, что закон Маркса об обратной зависимости между высотой заработной платы рабочих и величиной их семейств (распространяемый С. Г. Струмилиным в отличие от Б. Я. Смулевича на весь рабочий класс капиталистического общества) действует и в условиях социализма, определяя движение показателей рождаемости¹³. Однако в этом случае остается все же неясным механизм связи между ростом заработной платы трудящихся при социализме и снижением их рождаемости.

Более удачную попытку объяснить связь материального благосостояния (и культурного уровня) и рождаемости делают А. Д. Кузнецов и Г. А. Слесарев. А. Д. Кузнецов полагает, что основным фактором, определяющим естественное движение населения при социализме, следует считать степень удовлетворения материальных и

¹⁰ «Народное хозяйство СССР в 1965 году». М., изд-во «Статистика», 1966, стр. 593.

¹¹ Там же, стр. 44.

¹² Б. Ц. Урланис. Динамика и факторы рождаемости в СССР — Сб. «Вопросы народонаселения и демографической статистики». М., изд-во «Статистика», 1966, стр. 46.

¹³ С. Г. Струмилин. К проблеме рождаемости в рабочей среде. — «Избранные произведения», т. 3; Он же. В космосе и дома. — «Избранные произведения», т. 5. М., изд-во «Наука», 1965.

культурных потребностей трудящихся¹⁴. С ним солидаризуется и Г. А. Слесарев, который пишет: «...рост материальных и культурных запросов супружеских пар при социализме порождает тенденцию к... ограничению количества деторождений».

Вместе с тем повышение степени удовлетворения материальных и духовных потребностей, неуклонный рост материального благосостояния и общественного обеспечения потребностей порождает тенденцию противоположного характера¹⁵. Г. А. Слесарев верно подметил роль подъема материального благосостояния и общественного обеспечения в движении показателей рождаемости. Правильно выделено и влияние роста потребностей на ограничение числа деторождений. Вместе с тем ни А. Д. Кузнецов, ни Г. А. Слесарев не вскрывают непосредственного источника роста этих потребностей, который заключается в подъеме культуры всего населения. Более удачно, на наш взгляд, положение, выдвинутое Б. Ц. Урланисом: «Материальный и культурный факторы не всегда действуют в одном и том же направлении... Рост материального благосостояния, рассматриваемого в динамическом разрезе, может способствовать росту рождаемости, а рост культуры, приводящий к распространению контроля рождаемости, может действовать в противоположном направлении»¹⁶. К сожалению, в своих последующих трудах Б. Ц. Урланис больше к этому положению не возвращался.

По нашему мнению, именно признание того, что рост материального благосостояния всего населения при социализме способствует удовлетворению потребности семьи в детях (ибо создает для этого материальные возможности), а рост культуры действует в противоположном направлении (ибо порождает новые запросы и требования), может помочь разобраться в вопросе о влиянии материальных и духовных факторов на рождаемость.

Произведенные в нашей стране исследования влияния материально-экономических факторов на рождаемость да-

ют противоречивые результаты. Так, данные выборочного обследования ЦСУ СССР в 1960 г. говорят о прямой зависимости между жилищными условиями и рождаемостью¹⁷, тогда как данные исследования Н. А. Таубер по городу Жуковскому (1960 г.) свидетельствуют об обратной зависимости между размером жилищной площади и величиной семьи¹⁸. Интересное объяснение обратной связи между жилищными условиями и размером семьи при социализме дал Л. М. Давтян. «Жилищные условия изменяются относительно медленно, — пишет он, — а размер семьи находится в более динамическом состоянии. Рождаемость, смертность, бракосочетание — события, которые непрерывно происходят в жизни семьи. И поскольку под влиянием различных социально-экономических факторов эти демографические явления происходят не с одинаковой интенсивностью, соответствие между размерами семей и их жилищными условиями вскоре нарушается»¹⁹. И насколько далее он продолжает: «Естественно, что семьи, находящиеся в сравнительно плохих жилищных условиях, имеют более серьезные основания сокращать количество рождений. И если все же в семьях с плохими жилищными условиями наблюдается высокая рождаемость, то в этой группе семей, вероятно, имеет место более сильное воздействие каких-либо других факторов»²⁰. По-видимому, Л. М. Давтяну следовало бы оговориться, что он имеет в виду условия, когда сознательное материнство получило известное распространение.

Экономическая самостоятельность молодых людей, вступающих в брак, создает возможность для отделения их от родительской семьи. Результатом этого является разукрупнение семей, которые в настоящее время, особенно в городах, состоят, как правило, из двух поколений (родители и дети). Но это ведет к тому, что значительную роль при планировании семьи играет наличие или отсутствие мест в детских учреждениях. По данным

¹⁷ А. М. Вострикова. Методы обследования и показатели рождаемости в СССР. — Сб. «Вопросы народонаселения и демографической статистики», стр. 37—38.

¹⁸ Н. А. Таубер. Брачная плодородность женщин в связи с их условиями жизни. — «Советское здравоохранение», 1965, № 9.

¹⁹ Л. М. Давтян. Влияние социально-экономических факторов на рождаемость. — Сб. «Вопросы народонаселения и демографической статистики», стр. 54.

²⁰ Там же.

¹⁴ А. Д. Кузнецов. Трудовые ресурсы СССР и их использование. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 38.

¹⁵ Г. А. Слесарев. Методология социологического исследования проблем народонаселения в СССР. М., изд-во «Мысль», 1965, стр. 112.

¹⁶ Б. Ц. Урланис. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., Госстатиздат, 1963, стр. 62.

Е. А. Садвокасовой, в ходе исследования 1958—1959 гг. в ряде городов и сельских местностей РСФСР в качестве причины аборта невозможность устроить ребенка в детские учреждения назвало 11% опрошенных горожанок и 10,9% опрошенных жительниц сельской местности²¹; а по данным исследования в Удмуртской АССР в 1965—1966 гг. (А. А. Петраков) — соответственно 21 и 14%.

По материалам специальных обследований ЦСУ СССР, произведенных в 1934 и 1960 гг., более высокая рождаемость наблюдалась в семьях, имеющих меньший душевой доход. В связи с этим заслуживают внимания, на наш взгляд, замечания Л. М. Давтяна о применении более точного показателя материальной обеспеченности (расчет дохода на условную потребительскую единицу) и необходимости учета общественных фондов потребления²². В то же время следует иметь в виду и другое важное обстоятельство. В условиях социализма действует принцип оплаты за труд и по его количеству, и по его качеству. Более высокая заработная плата выплачивается за более квалифицированный труд. Следовательно, рост заработной платы связан с повышением квалификации, а последнее, как правило, означает и общий культурный рост работника. О подъеме культурного уровня населения нашей страны может дать представление (хотя и приближенное) рост его образовательного уровня: так, за 20 лет, с 1939 по 1959 г., в СССР доля лиц с высшим и средним образованием среди людей, занятых преимущественно физическим трудом, выросла в 7,3 раза, в том числе среди рабочих — в 4,7 раза, среди колхозников — в 14 раз, а среди работников преимущественно умственного труда — в 1,8 раза²³.

Повышение культурного уровня населения приводит к понижению уровня рождаемости. Это происходит вследствие:

а) *расширения сферы общественных отношений*, в которые вступают супруги (особенно женщины). К. Маркс,

²¹ Е. А. Садвокасова. Некоторые социально-гигиенические аспекты изучения аборта. — «Советское здравоохранение», 1963, № 3.

²² Л. М. Давтян. Влияние социально-экономических факторов на рождаемость. — Сб. «Вопросы народонаселения и демографической статистики», стр. 50—51.

²³ П. Г. Подъячих. Население СССР. М., Госполитиздат, 1961, стр. 148.

определяя сущность человека, указывал, что «в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»²⁴. Подъем культурного уровня индивида приводит к появлению у него новых социальных интересов, которые реализуются в новых отношениях. Возрастает степень участия его в общественно-политической и культурной жизни, более разумно организуется досуг и т. д. На все это требуется дополнительное время, которого у многодетной матери, например, нет. Итак, рост культурных потребностей приводит к ограничению числа рождений;

б) *усиления внимания к воспитанию детей в семье*, на что совершенно правильно указывает С. Г. Струмилин²⁵. Рост культурного уровня самих родителей одним из следствий имеет стремление их дать своим детям такое же (или более высокое) образование и воспитание. Это осложняется тем, что подрастающее поколение, особенно в городских условиях, испытывает на себе воздействие более многообразной социальной среды, чем это было еще сравнительно недавно. Понятно, что родители в этих условиях стараются не иметь много детей;

в) *повышения среднего брачного возраста*. По данным Б. Ц. Урланиса, полвека тому назад средний брачный возраст женщин в нашей стране равнялся 23 годам, а теперь он составляет 28 лет²⁶. Если в 1910 г. женщины в возрасте до 20 лет составляли 54,5% общего числа женщин, вступивших в брак, то в 1964 г. — 22,2%²⁷. В основном это связано со стремлением девушек закончить образование до замужества.

Мы осветили отнюдь не все пути влияния роста культурного (причем не только образовательного) уровня на движение показателей рождаемости. Но и из рассмотренного можно, на наш взгляд, сделать вывод, что рост культуры представляет собой фактор появления практики сознательного материнства и тем самым оказывает весьма

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 3.

²⁵ См. С. Г. Струмилин. Избранные произведения, т. 5. М., изд-во «Наука», 1965, стр. 311.

²⁶ Б. Ц. Урланис. Динамика и факторы рождаемости в СССР. — Сб. «Вопросы народонаселения и демографической статистики», стр. 45.

²⁷ Там же, стр. 46.

существенное понижающее воздействие на плодovitость женщин.

Подъем культурного уровня оказывает приблизительно одинаковое влияние на плодovitость женщин во всех социальных условиях. Поэтому права Т. Н. Медведева, называя его общесоциологическим фактором естественного движения населения²⁸. Особенность действия этого фактора в социалистическом обществе состоит в том, что рост культуры происходит во всех социальных слоях общества. Поэтому его влияние на воспроизводство населения сходно во всех социальных группах.

Вряд ли стоит особо доказывать, что рост культурного уровня населения способствует снижению смертности (особенно детской). Таким образом, рост культурного уровня приводит к снижению как показателей рождаемости, так и показателей смертности, тогда как рост материального благосостояния способствует повышению рождаемости и снижению смертности.

Исходя из сказанного выше, закон воспроизводства народонаселения социалистического общества можно сформулировать следующим образом: *непрерывный подъем материального благосостояния и культурного уровня всего населения при социализме обуславливает воспроизводство здорового и всесторонне развитого населения*. Предложенная формулировка отвечает, на наш взгляд, основному требованию, предъявляемому к формулировкам объективного закона, ибо в ней отражено отношение основных сущностей: изменения жизненных условий и развития народонаселения. Специфика социализма отражена путем указания на *непрерывный* подъем жизненного уровня *всего* населения. Этого нет в условиях капитализма, ибо там условия жизни и воспроизводства разных классов различны. Поэтому для капиталистического общества невозможно, по нашему мнению, выведение общего для всего населения закона воспроизводства народонаселения. Наконец, мы сочли необходимым включить в предложенную формулировку закона и качественную характеристику населения, что сделано путем указания на воспроизводство «здорового и всесторонне развитого населения».

²⁸ Т. Н. Медведева. Некоторые методологические проблемы народонаселения. — «Вестник ЛГУ». Серия экономики, филологии и права, 1965, № 11, вып. 2, стр. 141.

Для развитого социалистического общества свойственно сознательное материнство как разумное планирование семьи, осуществляемое совершенно свободно самими супругами. Их решение иметь или не иметь ребенка в данный момент (или вообще) определяется одним из указанных выше факторов. Это не означает, разумеется, что не оказывает влияние пример ближайшего окружения («мода») или один из факторов социальной среды в широком смысле этого слова (международная напряженность, угроза войны, социальные изменения и т. д.). Все эти факторы определенным образом преломляются в сознании супругов и определяют их демографическое поведение. Вполне понятно также воздействие на процессы воспроизводства населения национальных и религиозных особенностей, климата и т. п. Эти отклонения не вытекают из сущности социализма и лишь накладывают отпечаток на формы проявления социально-демографического закона народонаселения в той или иной социалистической стране, в том или ином ее районе. Так, в нашей стране, как известно, в настоящее время существуют различные типы воспроизводства народонаселения.

Законы вообще и общественные законы в особенности «не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем...»²⁹ Поэтому и рассматриваемый нами закон определяет лишь общую тенденцию, основную линию развития народонаселения при социализме. Количественное выражение этой тенденции еще предстоит установить, ибо для этого нужно время. В общих же чертах эта тенденция сводится, по-видимому, к установлению невысокой рождаемости, обеспечивающей несколько расширенное воспроизводство населения. Однако потребности развития экономики, науки и культуры в той или иной социалистической стране или районе внутри какой-либо страны (например, СССР) могут вступать в противоречие с этой тенденцией, что диктует необходимость проведения определенной политики населения, поддерживающей воспроизводство населения на оптимальном уровне. Проведение активной популяционистской политики населения может диктоваться и угрозой воспроизводству населения в будущем.

Таковы, по нашему представлению, общие черты зако-

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 39, стр. 355.

на воспроизводства народонаселения при социализме. Этот закон мы предлагаем назвать *социально-демографическим*, ибо в нем раскрывается воздействие социальных условий на воспроизводство населения. Как же он связан с другими законами народонаселения социалистического общества? Прежде всего видна его связь с законом улучшения жизненных условий населения, довольно удачную в общем формулировку которого предложил Н. С. Есипов. Последний закон выражает связь между экономикой социалистического общества и ее законами (закон полной занятости и закон развития общественных фондов потребления) и условиями жизни (в том числе и воспроизводства) всего населения. В предложенной нами формулировке социально-демографического закона раскрывается отношение между условиями жизни и самим процессом воспроизводства народонаселения. Воспроизводство же населения (если понимать его не в широком, а в узком смысле — как воспроизводство непосредственной жизни) может ведь само рассматриваться как закон (закон размножения), биологический характер которого несомненен. Таким образом, социально-демографический закон, регулирующий воспроизводство народонаселения при социализме, раскрывает воздействие социальных условий на биологический процесс и занимает особое место среди законов народонаселения.

И. В. Дзарасова

Московский экономико-статистический институт

О ЗАКОНЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА

В экономической литературе уже несколько лет дискутируется вопрос о законе народонаселения при социализме. Многие авторы дают расширительное определение закона, приписывая ему самые различные функции: обеспечение полной и рациональной занятости населения, его быстрый рост, всестороннее и гармоническое развитие личности, повышение уровня материального благосостояния и культуры населения и даже специфический для социализма характер его расселения¹. Эти определения включают в себя разнородные и даже противоречивые положения.

Однако улучшение жизненных условий трудящихся, повышение уровня жизни и культуры населения, всестороннее и гармоническое развитие личности — это функция основного экономического закона социализма, а рациональный характер использования трудоспособного населения, его расселение — функция закона планомерного развития народного хозяйства и некоторых других законов. Но каждый закон (и это отличительная черта закона вообще) имеет свое, самостоятельное содержание, и его нельзя составлять из частей других законов. Вряд ли правильно поэтому включать перечисленные черты других законов в содержание закона народонаселения.

¹ Здесь мы не приводим определений отдельных авторов, так как считаем, что они достаточно хорошо известны.

Далее, элементом многих определений закона служит указание на тенденции естественного движения населения. Таким образом, в содержание одного закона включаются вопросы и воспроизводства общественного продукта, и воспроизводства населения.

К. Маркс и Ф. Энгельс четко разграничивали производство средств существования и воспроизводство населения. В «Немецкой идеологии» они указывали, что предпосылкой всякого человеческого существования, а следовательно, и всякой истории служит, с одной стороны то, что «...для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что»²; с другой стороны, «люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это — отношение между мужем и женой, родителями и детьми, *семья*»³.

На различие условий производства продуктов и производства людей Ф. Энгельс указывал и в другом случае. В своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» он писал: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода»⁴.

Производство средств к жизни и самого человека, несомненно, тесно между собой связаны. Но для изучения интересующего нас вопроса исключительно важное значение имеет проводимое Ф. Энгельсом разграничение между ними. С одной стороны, существует производство средств к жизни, производство материальных благ и с другой — производство самого человека.

Естественно, что разные процессы нельзя охарактеризовать одним законом. Это противоречило бы самому понятию экономического закона как чего-то качественно однородного (взять, например, такие законы, как закон стоимости, прибавочной стоимости, всеобщий закон капиталистического накопления).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 26.

³ Там же, стр. 27.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 25—26.

Например, обоснованный К. Марксом закон относительного перенаселения есть качественно однородное явление, связанное с накоплением капитала. К. Маркс показал, что перенаселение при капитализме не связано с естественным приростом населения, а есть следствие процесса капиталистического накопления. Именно в связи с этим он и рассматривает закон народонаселения. Каким же образом возникает относительное перенаселение и как действует механизм капиталистического накопления? Коротко он заключается в следующем.

Движущим мотивом капиталистического производства служит получение прибыли. При данной цене продукта прибыль будет тем больше, чем ниже уровень издержек производства. Поэтому капиталист заинтересован в снижении издержек производства как за счет переменной, так и за счет постоянной части капитала. Снизить издержки производства и увеличить прибыли дает ему возможность повышение производительности труда. Производительность же труда бывает тем выше, чем выше его техническая вооруженность. Таким образом, стремясь повысить производительность труда ради снижения издержек производства и увеличения прибылей капиталист затрачивает все большую часть авансируемого им капитала на покупку средств производства. Вследствие этого соотношение между двумя частями авансируемого капитала — постоянной (c) и переменной (v) — меняется в пользу постоянной части. Происходит то, что К. Маркс назвал ростом органического состава капитала.

Рост органического состава капитала означает, что меньшее количество рабочих приводит в движение большее количество средств производства. Следовательно, расширение массы средств производства — неизбежный результат роста производительности труда — не сопровождается таким же увеличением численности рабочих. Возрастающее накопление, с одной стороны, поглощает добавочное число рабочих, а с другой — ускоряет изменение органического строения капитала. Создается видимость, что рабочее население абсолютно растет быстрее, чем переменный капитал. «Напротив, капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капи-

тала в возрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население»⁵.

Избыточное рабочее население представляет собой результат накопления; в то же время оно становится рычагом его «и даже условием существования капиталистического способа производства»⁶. Это относительно избыточное население и составляет промышленную резервную армию труда. «Она поставляет для его (капитала. — И. Д.) изменяющихся потребностей самовозрастания постоянно готовый, доступный для эксплуатации человеческий материал, независимый от границ действительного прироста населения»⁷.

На заре капиталистического способа производства органическое строение капитала изменялось медленно. Переменный капитал рос пропорционально накоплению. Но по мере накопления капитала, с ростом производительности труда и совершенствованием процесса производства развитие промышленности приобрело циклический характер. Периоды подъема сменяются периодами кризиса и застоя. Внезапное расширение масштабов производства требует привлечения в данную отрасль большой массы людей без сокращения объема производства в других отраслях. Однако этот процесс попеременного расширения и сокращения производства, как показал К. Маркс, был бы невозможен, если бы к услугам капитала постоянно не было промышленной резервной армии труда. Скачкообразное развитие производства «невозможно без доступного эксплуатации человеческого материала, без увеличения численности рабочих, независимо от абсолютного роста населения»⁸.

Далее Маркс указывает на то, что рост органического строения капитала происходит не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Здесь он имеет, однако, свою специфику. В промышленности рост органического состава капитала сопровождается лишь относительным уменьшением переменного капитала, но абсолютно он все-таки возрастает, так как строятся новые предприятия и расширяется производство. В сельском хозяйстве переменный капитал может быть увеличен лишь тогда, когда

обработке подвергается новая земля. Если же этого нет, а так в большинстве случаев и происходит, то переменный капитал в сельском хозяйстве уменьшается абсолютно. Происходит абсолютное уменьшение численности занятого сельскохозяйственного населения. В силу этого обстоятельства сельское хозяйство представляет собой источник скрытого аграрного перенаселения. Значительная часть крестьян, не выдерживая условий конкурентной борьбы, разоряется и уходит в города, пополняя ряды промышленной резервной армии труда. Создается видимость того, что «абсолютное возрастание рабочего населения совершается быстрее, чем возрастание переменного капитала, или средств занятости этого населения»⁹.

В. И. Ленин критиковал «легальных марксистов» за то, что они повторяли мальтузианские идеи об общности и неизменности законов размножения человека, не делая анализа тех общественных отношений, в которых он живет. Ленин выступал против попыток установления непосредственной связи между рождаемостью и перенаселением общества. В качестве примера Ленин приводит следующее высказывание Ланге: «В земледельческой стране, почва которой принадлежит мелким и крупным владельцам, неизбежно возникает, если только в народных нравах не укрепились тенденции добровольного ограничения рождений, постоянный избыток рабочих рук и потребителей, желающих существовать на произведение данной территории»¹⁰. Ленин критикует Струве и Ланге за то, что они связывают перенаселение с рождаемостью. Он так же, как и Маркс, показывает, что перенаселение существует не потому, что высока или низка рождаемость, а потому что капиталистические условия объективно делают известную часть населения относительно избыточной. В связи с этим он пишет: «Не следовало ли, прежде чем рассуждать о «народных нравах», посмотреть на те производственные отношения, в которых живет этот народ?»¹¹. Проанализировав эти отношения, Ленин показывает неизбежность возникновения «избыточного населения» на базе капиталистических производственных отношений. «Сколько бы ни укреплялась в народных нравах тенденция добровольного огра-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 644.

⁶ Там же, стр. 646.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 647.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 644.

¹⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 478.

¹¹ Там же.

ничения рождений,— пишет он,— образование «избытка» все равно неизбежно»¹².

Выдающаяся заслуга К. Маркса в том, что он вскрыл внутренний механизм процесса капиталистического накопления и показал — как неизбежное следствие его действия — возникновение относительного перенаселения.

В первом издании «Капитала», отредактированном самим Марксом, в формулировке закона был курсив: «Mit der von ihnen producirten Accumulation des Kapitals producirt die Arbeiterbevölkerung also in wachsendem Umfang die Mittel ihrer eignen relativen Ueberzähligmachung»¹³. Курсивом выделено: «средства, которые делают его относительно избыточным». Этим К. Маркс подчеркивал основную, существенную часть своей формулировки. Относительное перенаселение означает, что для капиталистической промышленности характерно постоянное превращение «некоторой части рабочего населения в незанятых или полужанятых рабочих»¹⁴. Иными словами, проблема относительного перенаселения — это проблема занятости населения.

Мы не согласны с А. А. Дольской, которая считает, что «сущность капиталистического закона народонаселения не ограничивается только степенью занятости, а включает в себя многогранные процессы, происходящие под воздействием этого фактора в развитии и воспроизводстве населения»¹⁵.

Непонятно, почему в сущность закона автор включает и воспроизводство населения. Ведь Маркс совершенно ясно подчеркивает, что относительное перенаселение, резервная армия труда создается не вследствие высокого естественного прироста населения, а в результате действия механизма капиталистического накопления. «Капиталистическому производству отнюдь недостаточно того количества свободной рабочей силы, которое доставляет естественный прирост населения. Для своего свободного развития оно нуждается в промышленной резервной армии, не зависимой от этой естественной границы»¹⁶.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 479.

¹³ Цит. по: К. Маркс. Das Kapital. Erster Band. Hamburg, Verlag von Otto Meissner, 1867, S. 617.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 647.

¹⁵ А. А. Дольская. Социалистический закон народонаселения. М., Соцэкгиз, 1959, стр. 26.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 649.

Кроме того, ведь в «Капитале» Маркс не исследует народонаселение в целом. В предисловии к первому изданию «Капитала» он пишет: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена»¹⁷. По ходу изложения он касается отдельных вопросов общественной жизни, идеологических, правовых норм буржуазного государства, некоторых проблем рабочего населения. Но исследует Маркс только сферу материального производства и даже сельское хозяйство рассматривает лишь с точки зрения наличия в нем капиталистических производственных отношений. Поэтому нам кажется неверным включение в сущность закона народонаселения многогранных процессов в воспроизводстве населения, происходящих под определяющим влиянием производственных отношений, условий занятости и многих других факторов.

Закон, характеризующий степень занятости рабочего населения, Маркс называет законом народонаселения (Populationgesetz), но в сноске к формулировке закона он пишет: «Некоторые превосходные экономисты классической школы скорее угадывали, чем понимали закон прогрессивного уменьшения относительной величины переменного капитала и его влияние на положение класса наемных рабочих»¹⁸. Это второе определение вполне четко указывает, что под законом народонаселения Маркс понимал влияние прогрессирующего уменьшения относительной величины переменного капитала на положение класса наемных рабочих, т. е. возникновение (существование) относительного перенаселения.

Между тем в настоящее время в понятие «народонаселение» стали вкладывать, исходя из его этимологического смысла, более широкое содержание, включающее многообразные процессы воспроизводства и движения всего населения. Не случайно и то, что термин «народонаселение» внесен в научный обиход экономистами, которые вкладывали в него не демографическое, а узкоэкономическое содержание.

Закон народонаселения был сформулирован во второй половине XVIII в. Маркс пишет об этом так: «Первона-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 6.

¹⁸ Там же, стр. 645.

чально политической экономией занимались философы как Гоббс, Локк, Юм, коммерческие и государственные люди, как Томас Мор, Темпл, Сюлли, де Витт, Норс, Ло, Вандерлинт, Кантильон, Франклин, теоретической стороной ее особенно занимались, и притом с величайшим успехом, медики, как Петти, Барбон, Мандевиль, Кенэ. Еще в середине XVIII столетия его преподобие г-н Такер, видный для своего времени экономист, извиняется в том, что он занялся маммоной. Позже, а именно с появлением «закона народонаселения», наступило время протестантских попов¹⁹. Маркс указывает на проповедников этого закона: «За исключением венецианского монаха Ортеса, оригинального и остроумного автора, большинство проповедников «закона народонаселения» — протестантские попы. Таковы Брюкнер с его «*Théorie du Système animal*». Leyde, 1767, в которой исчерпана вся современная теория народонаселения и идеи для которой дал мимолетный спор на эту тему между Кенэ и его учеником Мирабо-старшим; затем поп Уоллес, поп Таунсенд, поп Мальтус и его ученик архиепископ Т. Чалмерс, не говоря уже о мелких попах-писателях in this line [в том же направлении]»²⁰.

Особенно ярким защитником закона народонаселения был Мальтус. «Закон, о котором идет речь, состоит в постоянном стремлении, свойственном всем живым существам, распложаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи»²¹. Маркс резко критикует экономические взгляды Мальтуса. В «Теориях прибавочной стоимости» этому посвящена вся 19-я глава и часть 9-й главы. По выражению Маркса, Мальтус был профессиональным плагиатором. Теория населения заимствована им у Таунсенда и других, теория ренты — у Андерсона, теория стоимости — у Смита и Сисмонди. Мальтус, как представитель церкви, был защитником интересов земельной аристократии, которую он оправдывал экономически. Он признавал перенаселение и даже считал его необходимым для капиталистической промышленности, но объяснял его абсолютным избытком рабочего населения. В силу закона народонасе-

ления рабочий класс бывает будто бы всегда избыточным по сравнению со средствами существования.

Маркс блестяще доказал несостоятельность взглядов проповедников закона народонаселения, в первую очередь Мальтуса, и показал их истинную, классовую сущность — апологию господствующих классов. Маркс впервые дал правильное объяснение явлению перенаселения.

Таким образом, закон народонаселения был сформулирован как закон политической экономии. Предмет изучения политической экономии составляют производственные отношения. Степень занятости населения отражает характер производственных отношений. Политическая экономия не изучает народонаселение, как таковое. Этим занимается демография. Именно последняя изучает всю совокупность населения, его количественные и качественные характеристики. Содержание закона народонаселения отличается от его названия: по содержанию это закон экономический, по названию — демографический. В этом несоответствии содержания и названия, изменившего в настоящее время свой смысл, — одна из причин неудачи до сих пор попыток сформулировать закон народонаселения социализма. Оно допускает объединение в одной формулировке указаний на разные процессы: воспроизводство общественного продукта и воспроизводство населения.

Разграничение этих двух видов воспроизводства позволяет подойти к проблеме народонаселения с двух различных сторон. Одно дело занятость населения, характеризующая процесс воспроизводства общественного продукта. Плановый механизм социалистического воспроизводства создает возможность полной занятости всего трудоспособного населения. Это объективный экономический процесс, закономерность общественного воспроизводства. Другое дело воспроизводство всего населения. Оно охватывает более широкий круг отношений, связанный с движением не только занятого, но всего населения.

С движением всего населения дело обстоит сложнее. Ведь прежде, чем сформулировать какой-либо закон, надо хорошо изучить явление. Имеется ли сегодня, на данном этапе развития науки, ясное и полное представление о многообразных и противоречивых процессах движения, воспроизводства населения? Нам кажется, что пока нет.

Более или менее четко мы представляем себе воспроизводство численности населения. Исследование его фак-

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 630.

²⁰ Там же.

²¹ Т. Р. Мальтус. Опыт о законе народонаселения. СПб., 1868, стр. 96.

торов ведется в настоящее время силами отдельных ученых и научных коллективов. Обнаружены региональные различия в характере связи между уровнем материального благосостояния и плодovitостью. Но по этим вопросам пока еще нет достаточно полной картины, необходимой для солидных теоретических обобщений.

Воспроизводство численности населения — это часть проблемы. Воспроизводится не только количество населения, но и определенное качество его, определенный состав населения: социальный, национальный, профессиональный, по образованию, семейный и т. д. Эти процессы нами сейчас изучены слабо. И уж совсем мало мы знаем о связях и взаимовлиянии воспроизводства населения и общественного воспроизводства.

Кроме того, возникает еще один вопрос: а можно ли вообще формулировать единственный закон народонаселения? Не похожа ли наша работа в данном случае на попытку создать вечный двигатель? Если под народонаселением понимать воспроизводство населения в широком смысле, то вряд ли можно такое сложное, разнообразное и многогранное явление охарактеризовать лишь одним законом. Общественное производство, например, характеризуется целой системой экономических законов. Все экономические законы социализма характеризуют общественное воспроизводство в целом и его различные стороны. Политическая экономия не сводит все это многообразие процессов к какому-то одному закону. Когда же говорят о народонаселении, то свести все многообразие его отношений к одному-единственному закону считается почему-то возможным. В экономической литературе нет даже намека на то, что надо изучать и искать частные или общие закономерности движения населения. Вся дискуссия, к сожалению, ведется вокруг формулировки закона. И, поскольку невозможно втиснуть все проблемы народонаселения в один закон, он зачастую формулируется как механическое соединение разнородных частей.

Нам кажется, что все многообразие сложных и противоречивых процессов воспроизводства населения нельзя свести к одному закону. Задача состоит не в поисках универсальной формулировки, а в изучении конкретных процессов движения населения, на основе чего можно найти закономерности развития всего населения и его различных категорий.

А. Я. Боярский

Научно-исследовательский институт ЦСУ СССР

К ПРОБЛЕМЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОПТИМУМА

Среди факторов, влияющих на движение населения, решающую роль играют социально-экономические условия. Однако, как всегда, это влияние не является односторонним: движение населения в свою очередь влияет на состояние и развитие экономики. Уже из одного этого следует, что та или иная демографическая ситуация может быть более благоприятной и, следовательно, желательной или менее благоприятной, даже неблагоприятной и, следовательно, нежелательной. Отсюда вытекает абстрактная возможность постановки вопроса о *демографическом оптимуме*. Однако от этой постановки до «теории оптимума» как усложненной разновидности мальтузианства или, вернее, попытки в иных случаях соединить с мальтузианством аргументацию популяционизма — дистанция огромного масштаба.

Если отвлечься от ограниченности каких бы то ни было внешних для населения условий и рассматривать его вне каких-либо пространственных границ, то ни о какой оптимальной его численности говорить не приходится. В этом случае все блага производятся в количествах, зависящих только от человеческого труда и технических познаний. Если при этом один миллион людей может создать некоторую совокупность благ, то такую же совокупность их может создать и другой миллион. Вместе они в худшем случае могут продолжать делать то же, что и в отдельности. Но, наверно, окажутся возможными иные,

лучшие решения. Выходит, что при такой неограниченности условий чем больше населения, тем лучше.

Однако даже в этих абстрактных условиях положение меняется, если перейти от общей численности к структуре и движению населения. Структура (здесь только возрастная) имеет значение, поскольку в производстве благ участвуют не все возрастные группы — одни производят, другие лишь потребляют. Наиболее благоприятной была бы структура, при которой все население состояло из одних производителей. Но это возможно лишь в абстракции, да и то лишь на весьма короткое время. Возрастная структура населения, если отвлечься от миграции, определяется режимом его воспроизводства. С этой точки зрения и можно рассматривать вопрос об *оптимальном режиме воспроизводства* как определяющем *оптимальную структуру населения*. Такие исследования хорошо известны. В них при наиболее простой постановке задачи отыскивается с учетом заданного порядка вымирания такой темп роста населения, при котором в стабильном населении в трудоспособном возрасте находился бы наибольший процент людей. При более сложной постановке задачи учитываются, с одной стороны, возрастные уровни производительности труда, с другой — возрастные коэффициенты потребления.

Мы произвели такой расчет на основании таблиц смертности СССР 1958—1959 гг. Критерием оптимума был взят процент мужчин 18—59 лет и женщин 18—54 лет во всем населении. Получилось, что оптимум достигается при коэффициенте прогрессивности режима воспроизводства (истинном коэффициенте естественного прироста) $k = 2\%$. В этом случае трудоспособные возраста составляют 51,1%. Коэффициент рождаемости при этом должен быть около 15%.

Очевидно, и увеличение коэффициентов естественного прироста и рождаемости, и их уменьшение сокращают долю лиц трудоспособного возраста по сравнению с оптимальной, так как в первом случае увеличивается число детей, во втором — число пожилых и стариков. Возможен и такой порядок вымирания, при котором доля трудоспособных тем выше, чем меньше рождаемость, и, следовательно, оптимального в указанном смысле темпа роста нет: если, например, к 50 годам поколения вымирали бы полностью, то пожилых и стариков не было бы вообще и их

доля не могла бы увеличиться, а поэтому уменьшение рождаемости привело бы к увеличению доли населения трудоспособного возраста. Однако ни в отношении смертности, ни в отношении рождаемости такая ситуация не может быть желательной. Что «оптимального» для населения может представлять перспектива скорого вымирания?

Так обстоит дело, если рассматривать вопрос с точки зрения только населения, без учета каких бы то ни было условий его хозяйствования. Однако для производства благ одной лишь живой силы мало. Сделаем следующий шаг: примем в расчет необходимость средств производства, создание которых требует труда и, следовательно, времени. Чтобы вопрос мог быть исследован в чистом виде, будем считать не только средства существования людей, но и средства производства свободно воспроизводимыми благами, объем производства которых зависит только от приложенного труда и накопленных средств производства. При такой постановке проблемы для статистики населения приходим к довольно тривиальным выводам. Если имеющиеся средства производства предприятий способны давать годовую продукцию P при часовой производительности труда p , то для приведения их в действие в полном объеме требуется $T = P : p$ часов труда. При длине рабочего года g часов это означает труд $R = T : g$ работников. При доле L во всем населении части, занятой в сфере производства¹, необходимая численность населения будет $Q = R : L$.

Здесь возникает первое расхождение с теориями оптимума населения в их трактовке буржуазными учеными. Указанная численность населения обеспечивает полное приведение в действие производственных фондов. При большей численности населения в условиях капитализма возникла бы безработица, а в социалистических условиях уменьшился бы рабочий год при соответствующем уменьшении душевого производства и потребления. То и другое (если рабочий год g не слишком велик) нежелательно и, следовательно, означает отклонение от оптимума

¹ Необходимо иметь в виду занятия в непроизводительной сфере и невозможность полного использования всего трудоспособного населения, часть которого отвлекается для обучения, часть состоит из женщин, занятых домашним хозяйством и воспитанием детей, и т. д.

численности населения. Менее ясен вопрос о том, что должно произойти при меньшей численности населения. Разумеется, сокращение последней может быть компенсировано увеличением рабочего года g или доли активного населения L . В этом еще расхождения нет. Однако если не затрагивать ни g , ни L , то остается лишь другая возможность — неполное использование фондов. Буржуазные теоретики, как правило, распространяют на все производственные фонды положение, лежащее в основе земельной ренты: чем больше используются фонды, тем ниже производительность труда («закон убывающего плодородия почвы», превращенный в «закон убывающей производительности труда» или «закон убывающей отдачи фондов» и т. п.). Однако доказать справедливость такого распространения невозможно. Более того, можно привести немало соображений в пользу противоположного тезиса. Если и верно, что при использовании одного из двух имеющихся станков в действие приводится лучший из них и, следовательно, если работают оба, среднее качество действующих станков становится ниже, то зато общее увеличение масштабов производства сулит ряд выгод, перекрывающих это снижение. Кроме того, если из двух станков один обрекается на бездействие, то это означает, что возможности производства в прошлом были использованы не вполне рационально, поскольку был создан обреченный на бездействие станок. Кривая зависимости производительности труда от размеров производства не обязательно обращена к оси абсцисс вогнутостью, как принято считать у буржуазных экономистов. Скорее наоборот — она обращена к ней выпуклостью, и в этом случае оптимальную численности населения отвечает население, обеспечивающее приведение в действие существующих фондов (за исключением разве только явно невыгодной их части).

Правда, теперешние теоретики оптимума населения допускают, что современное производство требует наличия известного минимума населения. Поэтому с увеличением числа работников кривая производительности труда не просто монотонно убывает, а проходит через некоторый максимум — как кривая ABC на рисунке 1. Соответственно кривая средней производительности на одного работника abc также проходит через максимум b — в той точке, где средняя производительность равна производи-

тельности «последнего» («предельного», или, вернее сказать, «граничного» либо «крайнего») работника. Присоединение еще одного работника означало бы присоединение работника с производительностью ниже средней, что влечет за собой снижение этой средней. Но если у кривой abc нет нисходящей ветви bc , а именно это гораздо лучше отвечает действительности, то вся конструкция рушится.

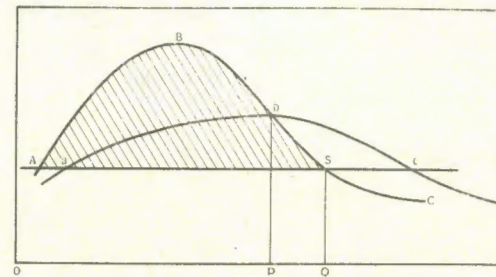

Рис. 1

Таким образом, рассматривая вопрос с этой точки зрения и оставляя в стороне необычные ситуации, можно сказать лишь то, что оптимальной будет такая численность населения, которая при рациональном использовании его трудовых ресурсов даст возможность без их перенапряжения применять имеющиеся производственные фонды.

Здесь остается не очень ясным, что следует понимать под перенапряжением или неполным использованием трудовых ресурсов. Если речь идет о длине рабочего года, то указать способ математического определения ее наилучшей величины мы не беремся. Коль скоро же она задана, то на вопрос об оптимальной численности населения мы получаем приведенный выше довольно тривиальный ответ.

Вопрос приобретает иной характер, если перейти к динамике населения в связи с динамикой производства. При отсутствии других условий, ограничивающих производство, кроме наличия свободно воспроизводимых производственных фондов, динамика производства определяется его структурой (конечно, если отвлечься от внешней торговли, накопления страховых и иных запасов и т. д.).

Как известно, в этом случае темп роста производства P , рассматриваемый только с точки зрения обеспеченности фондами, определяется избытком в продукции доли производства средств производства H над долей перенесенной стоимости S . Именно $P^v = (H - S) : f$, где f — фондоемкость прироста продукции. Но этим можно ограничиться лишь при рассмотрении движения фондов и продукции в изолированном виде, т. е. предполагая, что соответствующие трудовые ресурсы всегда могут быть найдены.

Необходимые же трудовые ресурсы (годовой фонд труда в часах) могут быть представлены в виде $T = QLg$, где g берется исходя из необходимости. Следовательно, темп их роста можно представить в виде суммы темпов этих трех множителей (рассматривая все темпы в аналитическом смысле, т. е. как логарифмические производные). Обозначая темпы той же буквой со значком « $\checkmark$ » вверху, имеем, таким образом,

$$P^{\checkmark} = \frac{H - S}{f}, \quad (1)$$

$$T^{\checkmark} = Q^{\checkmark} + L^{\checkmark} + g^{\checkmark}. \quad (2)$$

С другой стороны, из формулы часовой производительности труда $p = P : T$ следует, что

$$p^{\checkmark} = P^{\checkmark} - T^{\checkmark}. \quad (3)$$

Подставив сюда $T^{\checkmark}$ из (2) и перенеся $g^{\checkmark}$ и $p^{\checkmark}$, получим

$$g^{\checkmark} = P^{\checkmark} - p^{\checkmark} - Q^{\checkmark} - L^{\checkmark}. \quad (4)$$

Требование достаточности трудовых ресурсов для реализации заложенной в структуре производства возможности его роста означает $g \leq 0$, т. е. возможность ее реализации без увеличения рабочего дня (мы считаем $L^{\checkmark}$ величиной, мало поддающейся воздействию, хотя при случае в число определяемых параметров можно вовлечь и ее). А это означает условие

$$p^{\checkmark} + Q^{\checkmark} + L^{\checkmark} \geq P^{\checkmark} = \frac{H - S}{f}. \quad (5)$$

Вторым условием естественно поставить требование, чтобы темп роста производства был не ниже темпа роста

населения. Это сразу дает возможность продолжить неравенство:

$$p^{\checkmark} + Q^{\checkmark} + L^{\checkmark} \geq P^{\checkmark} = \frac{H - S}{f} \geq Q^{\checkmark}. \quad (6)$$

Если же выделить то, что нас здесь непосредственно интересует, т. е. темп роста населения, то из формулы (6) вытекает для него следующая цепь неравенств:

$$P^{\checkmark} - p^{\checkmark} - L^{\checkmark} \leq Q^{\checkmark} \leq P^{\checkmark} = \frac{H - S}{f}. \quad (7)$$

Очевидно, если можно говорить об оптимальном темпе роста населения, то он лежит в указываемых этими неравенствами пределах.

Сказанное может быть уточнено в том, что касается требования роста душевого производства. Население в конечном счете заинтересовано в производстве предметов потребления. Избыток средств производства над производственным потреблением $(H - S)$ может быть направлен как в первое, так и во второе подразделения общественного производства. От этого зависит будущая структура продукции, т. е. изменения самого H . Возможны исторические периоды, в которые в кратчайшие сроки требуется совершить переход от одной структуры к другой. Если переход состоит в резком повышении доли первого подразделения, то в такие периоды при росте душевого производства может и не быть роста душевого потребления или же он может быть меньше, чем рост душевого производства. Оставляя в стороне такие ситуации, мы должны отметить, однако, что необходимость повышения доли первого подразделения может вытекать и из необходимости компенсировать рост S или f . Считая, например, достаточным условие сохранения неизменного темпа роста производства в целом, т. е. постоянства $P^{\checkmark}$, имеем

$$\frac{H' - S'}{H - S} = \frac{f'}{f}. \quad (8)$$

Между тем H' — скорость роста доли I подразделения — зависит от соотношения между общим темпом роста $P^{\checkmark}$ и темпом роста производства предметов потребления $P_2^{\checkmark}$. Именно из того, что продукция второго подразделения $P_2 = (1 - H)P$, следует

$$P_2^{\checkmark} = \frac{-H'}{1 - H} + P^{\checkmark}, \quad (9)$$

т. е.

$$H' = (1 - H)(P^\vee - P_2^\vee). \quad (10)$$

Подстановка этого в формулу (8) дает

$$P_2^\vee = P^\vee \left(1 - \frac{f'}{1-H}\right) - \frac{S'}{1-H}. \quad (11)$$

При $f' = S' = 0$ имеем $P_2^\vee = P^\vee$, и предыдущие неравенства (7) не нуждаются в исправлениях. В противном случае естественно требовать, чтобы выше темпа роста населения был не общий темп роста производства, а темп роста производства предметов потребления $P_2^\vee$. Это дает неравенство:

$$Q^\vee \leq \frac{H-S}{f} \left(1 - \frac{f'}{1-H}\right) - \frac{S'}{1-H}. \quad (12)$$

Теперь вместо (7) получим более общее неравенство

$$\frac{H-S}{f} - P^\vee - L^\vee \leq Q^\vee \leq \frac{H-S}{f} \left(1 - \frac{f'}{1-H}\right) - \frac{S'}{1-H}. \quad (13)$$

Крайнее левое звено в (7) меньше крайнего правого, и поэтому удовлетворение неравенств (7) возможно. Но в отношении неравенства (13) такой гарантии нет: вообще ведь возможно, что развитие техники так определяет f' и S' , что

$$\frac{H-S}{f} \left(1 - \frac{f'}{1-H}\right) - \frac{S'}{1-H} < \frac{H-S}{f} - P^\vee - L^\vee. \quad (14)$$

Очевидно, что в этом случае выход можно искать лишь в таком увеличении производительности труда $P^\vee$, которое исключило бы неравенство (14). Здесь особенно важно отметить, что рост производительности труда отчасти прямо ведет к уменьшению фондоемкости прироста f : возможно и увеличение производства на прежних фондах.

Предыдущее рассуждение, однако, верно постольку, поскольку источником роста продукции служит только увеличение фондов. Чтобы устранить это ограничение, есть один путь — ввести в рассмотрение переменную величину «отдачи» фондов. Обозначив ее u и фонды F , имеем $P = uF$

$$P^\vee = u^\vee + F^\vee. \quad (15)$$

Увеличение фондов по-прежнему черпается из величины $(H-S)P$. Это значит, что

$$F^\vee = \frac{F'}{F} = \frac{(H-S)P}{F} = u(H-S). \quad (16)$$

Таким образом, для темпа роста продукции имеем:

$$P^\vee = u^\vee + u(H-S). \quad (17)$$

При этом остается в силе и равенство (9). Что же касается условия сохранения темпа роста производства в целом, то оно предстанет в виде

$$u'^\vee + u'(H-S) + u(H'-S') \geq 0, \quad (18)$$

откуда по крайней мере

$$H' = S' - \frac{u'^\vee + u'(H-S)}{u} \quad (19)$$

и в силу равенства (9)

$$P_2^\vee = \frac{u'^\vee + u'(H-S) - uS'}{u(1-H)} + u^\vee + u(H-S). \quad (20)$$

Это и должно иметься в виду в звене $Q^\vee \geq P_2^\vee$, означаящем запрещение снижения душевого потребления. В звене же, означаящем достаточность трудовых ресурсов, имеем лишь иное выражение для темпа $P^\vee$. Таким образом, получим теперь в целом:

$$u^\vee + u(H-S) - P^\vee - L^\vee \leq Q^\vee \leq \frac{u'^\vee + u'(H-S) - uS'}{u(1-H)} + u^\vee + u(H-S). \quad (21)$$

При этом между отдельными элементами в крайних звеньях существует взаимозависимость, исследование которой лежит уже вне рамок демографии.

Проиллюстрируем теперь наше неравенство (21) примерными данными. Пусть $u=1$, $H=0,55$, $S=0,5$. Далее пусть соотношение валового и чистого продукта (общественного продукта и национального дохода) остается без изменения, т. е. $S'=0$. Положим также для простоты, что величина L не может быть изменена, т. е. $L^\vee=0$. При всех этих условиях наше неравенство предстанет в виде

$$u^\vee + 0,05 - P^\vee \leq Q^\vee \leq \frac{u'^\vee + u'0,05}{0,45} + u^\vee + 0,05. \quad (21a)$$

Легко видеть, что при этих данных, не столь фантастических, как может показаться, при $u^\vee \geq P^\vee$, получаем для темпа роста населения несбыточное требование

$Q \geq 0,05$. Напомним, правда, что мы для упрощения приняли постоянной величину L . При таких соотношениях выход был бы в том, чтобы отменить это условие и увеличением L (т. е. $L^* > 0$) смягчить требования к темпу роста населения. Но в действительности дело обстоит лучше, поскольку скорее всего $y < p$. При попытках оценить первую из этих величин мы встречаемся с большими затруднениями. Все же известно, что за 1960—1964 гг. в СССР валовой общественный продукт вырос на 26,6%, производственные основные фонды — на 44,9%, а производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве выросла на 20%, в строительстве — на 21, на железнодорожном транспорте — на 24% т. е. можно принять, что в среднем по сфере производства производительность труда выросла на 21%.

Остается неизвестным рост оборотных фондов. На основании тех же данных можно вычислить, что продукция на один рубль основных фондов снизилась с 1,33 в 1960 г. до 1,16 в 1964 г., т. е. на 13%. Если предположить, что относительно продукции оборотные фонды не изменились и что их размер близок к размеру основных (предположения довольно произвольные), то получим снижение фондоотдачи в целом приблизительно на 6%. Переходя обычным путем к среднегодовым темпам, найдем для $y \cong -0,015$ и $p \cong 0,05$. Это дает для левого крайнего звена неравенства (21) величину $-0,015$. При таких данных и при условии постоянства возрастной структуры и неизменной напряженности баланса труда можно было бы не опасаться даже некоторого уменьшения населения, но уже при $u = 1,5$ требуется ежегодный прирост на 1%.

Что касается некоторых подробностей произведенного расчета, то прежде всего отметим, что нам пришлось вместо часовой производительности взять показатель, получаемый делением продукции на число работников, т. е. возможные изменения рабочего года здесь уже учтены. Что касается процента лиц трудоспособного возраста, если считать его от 18 лет до 60 лет для мужчин и до 55 лет для женщин, в этот возраст входят на начало 1960 г. мужчины 1900—1941 гг., женщины 1905—1941 гг. рождения, а на начало 1964 г. — соответственно 1904—1945 и 1909—1945 гг. рождения. Существенно здесь то, что для 1964 г. в трудоспособных возрастах находятся родившиеся в течение всех воен-

ных лет, когда рождаемость сильно понизилась. Следовательно, доля трудоспособных возрастов за это время уменьшилась (сделать более точный расчет по опубликованным данным невозможно).

Если считать, что для 1960 г. самая молодая пятилетняя группа в числе лиц трудоспособного возраста составляла около $\frac{1}{5}$ части и что во время войны коэффициент рождаемости снизился втрое, то процент этих лиц должен был сократиться приблизительно в отношении $(\frac{1}{3} \cdot 20 + 80) : 100 = 0,87$, т. е. ежегодно уменьшаться приблизительно на 0,03, так что по одной этой причине $L = -0,03$. Вычитание этого из крайнего левого звена неравенства (21а) превращает последнее из $-0,015$ в $+0,015$.

Казалось бы, поскольку ежегодный прирост населения был близок именно к этой величине, напряжение в области трудовых ресурсов не должно было бы увеличиться. Однако это чисто формальное соображение опровергается тем, что прирост населения еще не означает немедленно соответственного прироста трудовых ресурсов: между тем и другим имеется лаг порядка полутора-двух десятилетий.

Из этого видно, что занимающие нас неравенства лучше рассматривать применительно не к кратким промежуткам времени, а к более или менее длительным историческим периодам. В сущности тот же подход мы имели в виду, рассматривая оптимальный с точки зрения структуры самого населения темп его роста, мерой которого мы считали коэффициент прогрессивности режима воспроизводства. Известно, что этот коэффициент относится к стабильному населению, а последнее при сохранении существующих тенденций может реализоваться лишь через довольно значительное время.

Именно такой подход и соответствует наилучшим образом поставленной задаче, во-первых, вследствие отмеченного лага между ростом населения и вызываемым им ростом трудовых ресурсов. Здесь следует предостеречь от несколько упрощенного представления, по которому этот лаг полностью определяется возрастом начала трудовой деятельности, т. е. интервалом между рождением поколений и их вступлением в трудоспособный возраст. Прирост населения — это результат сочетания процессов рождаемости и смертности. И если его темп изменяется вследствие изменений в смертности, то это может вызвать либо

немедленное ускорение роста трудоспособного населения (если снизилась смертность в трудоспособных возрастах), либо увеличение прироста трудоспособного населения сколько-то лет спустя (если снижение коснулось младших возрастов), наконец, даже снижение процента трудоспособного населения без изменения его абсолютной численности (если снизилась смертность в старших возрастах). Далее, кроме немедленного влияния надо иметь в виду и более отдаленное. Так, снижение детской смертности имеет своим непосредственным результатом увеличение процента детей, но впоследствии как раз обратное — его понижение, причем при продолжающемся снижении детской смертности оба результата все время накладываются один на другой. Таким образом, для каждого отдельного небольшого периода приходится учитывать ряд конкретных взаимосвязанных условий. Но при более общей постановке вопроса, в чем мы здесь и заинтересованы, вполне оправданно иметь в поле зрения не преходящие обстоятельства, а результаты длительного воздействия, обнаруживающиеся в сдвигах за соответственно долгий период.

Во-вторых, поставленную нами задачу нельзя считать лишь чисто познавательной. Цель исследования демографического оптимума состоит, разумеется, в том, чтобы определять демографическую политику. А эта политика ни по своему содержанию, ни по характеру действия не может быть рассчитана на короткое время. Даже такое мероприятие, как увеличение в данном году ассигнований на строительство детских яслей, не может немедленно привести к повышению рождаемости (даже спустя положенный год). Влияние этого изменения условий, как и воздействие других факторов в области демографии, должно пройти длинный и сложный путь опосредования в сознании людей. Не может быть и радикальных ежегодных колебаний ни в отношении к яслям со стороны государства, ни к деторождению со стороны населения (хотя могут быть и действительно происходят колебания конъюнктурного характера, например величины выделяемой из бюджета суммы). Что же касается такой области демографической политики, как демографическое, если можно так выразиться, законодательство, то при частых его изменениях оно не только перестало бы оказывать какое-либо влияние, но и внесло бы хаос и сумятицу. Ясно, что

это законодательство должно определяться на большие исторические периоды; соответственно должны оцениваться и его результаты.

Если все же преследовать цель определения конкретной ситуации для конкретного периода, то нужно перейти от общего рассмотрения наших неравенств к конкретным перспективным расчетам на несколько десятилетий вперед, положив в их основу, во-первых, сложившуюся возрастно-половую структуру, во-вторых, гипотезу о возможных достижениях в снижении смертности и, в-третьих, различные гипотезы о рождаемости, чтобы, сравнив результаты с тех же позиций, с каких мы рассматриваем вопрос в его общей форме, определить, какой из вариантов расчета предпочтительнее. Другой вопрос — определить те меры, которые могут помочь в приближении к нему, но этого мы здесь вообще не касаемся.

Переходим ко второму неравенству в (21), требующему роста душевого производства. Совершенно ясно, что при существующих темпах роста производства оно хорошо соблюдается: увеличение валового общественного продукта намного перекрывает рост населения.

Приведенные соображения не дают ответа на вопрос об оптимальном темпе роста населения в виде определенного числа. Они дают возможность определить для этого темпа не точный оптимум, а только некоторую оптимальную зону. Какое значение в ее пределах предпочтительнее — нельзя решить путем расчета. Пусть, например, имеем слева 0,015, а справа (темп роста производства предметов потребления) 0,06. Тогда для темпа роста населения имеем $0,015 \leq Q^* \leq 0,06$, т. е. цепь двух неравенств, допускающих довольно широкий диапазон. Сдвиг значения темпа влево означает усиление общего напряжения трудовых ресурсов при ускорении роста душевого потребления, сдвиг вправо — наоборот, ослабление общего напряжения трудовых ресурсов при замедлении роста душевого потребления. Объединить же и то и другое в едином измерителе не представляется возможным, как бы ни пытались это сделать представители субъективной школы: путем ли введения «отрицательной полезности» трудовых затрат или иным способом.

До сих пор все блага, включая и те, что составляют производственные фонды, рассматривались как свободно воспроизводимые. Единственным ограничением для произ-

водства могла быть лишь ограниченность фондов, накопленных к данному моменту, а в остальном действовал принцип «дайте только срок, будет вам и белка, будет и свисток». Между тем в различных вариантах теории оптимума населения обычно подчеркивается ограниченность природных ресурсов. Аргументация их защитников начинается примерно с таких рассуждений: при населении Британских островов в 1000 человек там было бы немыслимо современное производство, да и вообще цивилизация, эти 1000 человек скорее всего были бы полудикими пастухами. При населении же в $2 \cdot 10^{12}$ там приходилось бы около 40 человек на каждый квадратный метр территории и жизнь стала бы просто невыносимой. Следовательно, оптимальная численность населения лежит где-то между тысячами и двумя триллионами.

Рассуждение, что и говорить, столь же неотразимое, как и пресловутая геометрическая прогрессия Мальтуса. Но его реальное значение для нашего времени равно нулю (и притом, конечно, «с обоих концов»). Пока в мире имеются огромные массивы невозделанной, но вполне пригодной для обработки земли, пока обрабатываемые земли дают урожай в несколько раз меньший, чем можно получить при современном уровне сельскохозяйственной техники, мы вполне можем исходить из условий свободной воспроизводимости всех благ.

Здесь нет необходимости повторять хорошо известные доводы, опровергающие мальтузианство как попытку апологетического объяснения наблюдаемых в настоящее время несчастий, голода и нищеты сотен миллионов людей на земле. Причина этих несчастий, от которых особенно страдает население многих стран, недавно сбросивших ярмо колониализма, не в том, что численность населения в них превысила свой оптимум, а в том, что в них сохраняется социальное неравенство, еще сильны пережитки феодализма, что в течение столетий из этих стран выкачивались ценности, которые могли бы быть обращены как на повышение уровня жизни населения, так и на накопление производственных фондов. Именно последнее делает понятным, почему в некоторых из этих стран темпы роста производства не могут угнаться за темпами роста населения, особенно если учесть необходимость быстрого изменения структуры производства. Не темпы роста населения чрезмерно велики по сравнению с возможным

темпом роста производства, а этот последний сдерживается отсутствием необходимых для увеличения производства средств, являющихся следствием господства колонизаторов.

Тем не менее, коль скоро неравенство, выражающее требование роста душевого производства, нарушено, то независимо от источника этого нарушения можно, казалось бы, пытаться устранить или хотя бы смягчить его любым способом: ускорением роста производства или замедлением роста населения. Здесь мы неизбежно должны вступить в область социальной стороны вопроса. Хорошо известно, что для улучшения положения основной массы населения одного лишь увеличения душевого производства мало, существенное значение имеет способ распределения результатов производства. В этом и лежит основной порок буржуазной теории оптимума населения. В ней о достижении более высокого уровня душевого производства либо говорится вне всякой связи с распределением благ, характерным для общества с антагонистическими классами, либо же наличие таких классов учитывается, но в духе господствующих теорий.

В этом отношении весьма характерна концепция оптимальной численности населения, которую мы находим у Альфреда Сови². Аргументация автора может быть вкратце изложена так. Если вся продукция остается в руках ее производителей, то, как отмечалось, OP (см. рисунок) отвечает той численности населения (здесь нет необходимости вводить такие «детали», как различие между активной частью и остальным населением, и т. д.), при которой средняя душевая продукция максимальна (Pb). Это и будет оптимальной численностью. Но представим теперь, что над массой производителей стоит феодал (или работодатель — здесь это не имеет значения). Каждому работнику он должен обеспечивать некоторый прожиточный минимум $l = QS$. В его руках остается продукция, отвечающая площади ABS . Каждый из OQ работников приносит ему некоторую прибыль.

Передвижение от точки Q влево уменьшит сумму прибавочного продукта, отрезав справа часть упомянутой площади. Передвижение вправо также уменьшит ее потому, что прибавит к ней справа отрицательную величину: справа от Q продукция работника меньше прожиточного

² A. S a u v y. Théorie générale de la population, v. I. Paris, 1952.

минимума. Значит, OQ теперь отвечает оптимальной численности населения.

Оставим в стороне родство этой конструкции с теорией заработной платы Джона Бейтса Кларка и некоторые другие интересные ее особенности. Отметим главное с интересующей нас точки зрения: 1) уберите «феодала» — и оптимум населения передвинется вниз — от точки Q в точку P ; 2) повысьте оплату, т. е. увеличьте l , — и точка S , а с ней и Q передвинется влево, т. е. оптимум опять-таки уменьшится. То и другое таит в себе, таким образом, опасность перенаселения, так как последнее, согласно Сови, состоит в превышении оптимальной численности населения. Комментарии тут, пожалуй, излишни.

Ясно, что никакие наши предыдущие соображения относительно оптимального темпа роста населения, как и никакие формально безупречные аргументы относительно пагубности крайне редкого или фантастически плотного населения, не могут сделать приемлемой для нас эту и подобные ей конструкции, которые в капиталистических странах фигурируют в рубрике «оптимум населения». Дело, значит, не в том, какими красивыми словами называется та или иная теория, а в том, какое содержание кроется под этим названием. Исследование оптимального темпа роста населения в социалистическом обществе не имеет ничего общего с теориями «оптимума населения», сходными с конструкцией Сови.

Не может рассматриваться вне условий социального строя и тесно примыкающий сюда вопрос о «демографических инвестициях». Вопрос этот имеет несколько разных аспектов: необходимость обеспечить подрастающее поколение предметами потребления (включая и часто упоминаемые в связи с этим жилища и т. п.), необходимость обеспечить его социальными фондами для просвещения и здравоохранения, необходимость обеспечить его рабочими местами.

В капиталистических условиях, как хорошо известно, объем потребления рабочего класса определяется не числом детей у рабочих, а стоимостью и количеством привлекаемой к производству рабочей силы. В социалистических условиях все это входит в правую часть неравенства, и при прочих равных условиях достижение больших результатов тем же числом работников действительно равносильно достижению того же результата меньшим числом

работников. Формально переносить при этом те же математические соотношения на капитализм совершенно недопустимо: здесь рост душевого производства (даже предметов потребления) еще далеко не равносителен росту уровня жизни трудящихся. Недаром и Сови вспоминает о принцессе, купающейся в молоке.

Что же касается рабочих мест для растущего населения, то здесь мы сталкиваемся с забавным недоразумением. О демографических инвестициях говорится как о необходимости, сдерживающей рост производства (отвлекающей нужные для его осуществления средства). Но рост производства и создает новые рабочие места. Выходит, что здесь ссылаться на сдерживающее влияние демографических инвестиций значит сетовать на то, что рост производства сдерживается... ростом производства.

Конечно, эти соображения носят несколько абстрактный характер. В действительности в капиталистических странах вопрос решается борьбой трудящихся, которые, в частности, заставили установить некоторые нормы затрат на просвещение, здравоохранение и т. д. Но величина той части прибавочной стоимости, которую господствующим классам приходится отдавать на социальные нужды, определяется не числом детей у трудящихся, а их силой, сплоченностью и активностью в борьбе.

И если в результате этой борьбы господам придется отдать все содержимое фигуры ABS , т. е. эксплуатация будет ликвидирована совсем, то проиграть от этого может кто угодно, но только не трудовой народ, что бы об этом ни говорили теоретики «оптимума» населения.

А. Я. К в а ш а

Научно-исследовательский институт ЦСУ СССР

О НЕКОТОРЫХ ИНСТРУМЕНТАХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Вопрос о формировании типа воспроизводства населения, который будет наилучшим образом соответствовать основной задаче социалистического общества — полному удовлетворению материальных и духовных потребностей трудящихся, и о мерах, направляющих течение демографических процессов в сторону оптимизации типа воспроизводства населения, в совокупности называемых демографической политикой, — это важнейшие проблемы науки о населении.

Политику в области народонаселения, исходя из конкретных интересов страны, в той или иной мере проводят все государства. Условно она может быть разделена по своему характеру на «активную» и «пассивную». «Активная» демографическая политика состоит из комплекса мер по созданию желаемого типа воспроизводства населения. Однако если то или иное государство не предпринимает таких мер, то это не означает отсутствия демографической политики вообще, не говоря уже о том, что на воспроизводство населения косвенно оказывают влияние почти все социально-экономические мероприятия. В данном случае «бездействие» государства показывает, что существующий режим воспроизводства населения отвечает интересам правящих классов этой страны. Такая «пассивная» демографическая политика может существовать еще и потому, что в силу недостаточной изученности демографических процессов и их социально-экономических последствий во-

просам демографической политики может не уделяться должного внимания.

В социалистическом обществе ведется последовательная борьба за постоянное снижение смертности и увеличение продолжительности жизни населения, и демографическая политика в этой области имеет неизменную и весьма очевидную направленность. Несколько иначе обстоит дело с рождаемостью. В этой области демографическая политика может быть весьма различной. Дело не только в том, что она может быть направлена на стимулирование снижения или увеличения рождаемости, но и в том, что эти изменения режима рождаемости должны привести (с учетом смертности) и все воспроизводство населения к его оптимальному типу¹. Иначе говоря, демографическая политика должна стимулировать не рождаемость или ее ограничение вообще, а, имея целью создание оптимального типа воспроизводства, рождение только, например, первого, второго и третьего ребенка в семье, если оптимальным считается «слегка» расширенное воспроизводство. Такая строгая количественная направленность облегчает выбор и использование тех или иных средств демографической политики.

Особое место в демографической политике занимает проблема создания желательного для народного хозяйства направления, интенсивности и структуры миграционных потоков. Если для нашей страны в целом внешняя миграция не имеет серьезного значения, то внутренняя миграция не только существенно влияет на обеспеченность трудовыми ресурсами различных районов, но и весьма заметно сказывается на воспроизводстве населения. В этой статье мы остановимся лишь на демографической политике в области рождаемости.

Для такой страны, как СССР, где существуют большие различия в характере воспроизводства населения — от близкого к простому до весьма расширенного (причем определяются эти различия главным образом дифференциацией уровня рождаемости), важен и вопрос о том, должна ли различаться демографическая политика по районам страны. Если исходить из того, что такая политика будет направлена на создание в стране единого оптимального

¹ Вопрос о понятии оптимального типа воспроизводства населения и его характеристиках здесь не будет рассмотрен.

типа воспроизводства населения², то тогда должно существовать принципиально единое для страны и направление демографической политики. Пусть, например, необходимо стимулировать различными мерами рождение первого второго и третьего ребенка в семье (причем второго — больше, чем первого, а третьего — больше, чем второго), но, начиная уже с четвертого ребенка, все меры поощрительного характера должны прекратить свое действие. Такая система может стимулировать рождаемость в районах, где она низка, и в то же время способствовать ограничению рождаемости в районах, где она чрезмерно высока.

Вместе с тем если общее направление демографической политики должно быть единым, то возможность применения тех или иных ее средств следует оценивать, исходя из конкретных условий. И тут, конечно, необходима определенная дифференциация инструментов этой политики.

Говоря об инструментах демографической политики (в частности, в отношении рождаемости), необходимо иметь в виду, что они часто воздействуют не непосредственно на процессы воспроизводства населения, а на формирование желаемого для инициаторов этой политики мнения об «идеале» числа детей в семье. Это мнение, складывающееся, конечно, под влиянием окружающей среды, меняется гораздо медленнее, чем материальные условия жизни семей, особенно если не предпринимаются активные меры по его формированию. Поэтому одно из важнейших условий успешности демографической политики состоит в ее стабильности. Лишь в том случае, когда она проводится много лет в одном направлении, может выработаться желаемое общественное мнение по этим проблемам,³ а следовательно, достигнут устойчивый результат такой политики.

Каковы же эти инструменты, их относительная эффективность и реальная возможность использования тех или иных методов демографической политики? С большой долей условности их можно распределить на экономические и административно-юридические и пропагандистские меры. Ко второй группе относятся главным образом различные законодательные акты, чаще всего запретительного характера. Среди них можно отметить, например, решения, запрещающие пропаганду, производство и использование

всех средств ограничения деторождения (включая аборт), устанавливающие тот или иной минимальный возраст вступления в брак, разного рода льготы для отцов семей при призыве на военную службу, для многодетных — преимущества при получении жилья и ряд других льгот.

Примером применения некоторых из этих мер может служить Франция. В этой стране накануне первой и особенно второй мировой войны воспроизводство населения было суженным, что отрицательно сказывалось как на балансе трудовых ресурсов, так и на военных резервах страны. Поэтому правящие круги приняли ряд мер поощрения рождаемости. Законом 1920 г. (как и ныне действующим уголовным кодексом) запрещались и карались денежным штрафом и тюремным заключением пропаганда и производство всех средств ограничения деторождения, были запрещены и аборт (кроме как по медицинским показаниям). В стране велась пропагандистская кампания по увеличению рождаемости и была запрещена любая анти-наталистская агитация.

Однако, несмотря на все эти меры, падение рождаемости продолжалось и после принятия этого закона, причем все более быстрыми темпами. Уже перед второй мировой войной в стране ежегодно рождалось людей меньше, чем умирало. Так, в среднем за 1935—1938 гг. ежегодно рождалось 630 тыс., а умирало 643 тыс. человек³. Слабая эффективность этого закона была настолько очевидна, что он практически мало применялся во Франции⁴. Отмена его стала одним из требований общественности⁵.

После второй мировой войны во Франции начали предприниматься меры по экономическому стимулированию рождаемости (ежемесячные пособия по многодетности и пособия неработающей замужней женщине), что в сочетании с определенным снижением безработицы улучшило по-

³ «Études Statistiques», 1963, № 4, p. 286, 300.

⁴ В 1946 г. за нарушение закона 1920 г. был вынесен 5251 приговор, а в 1956 г. — 434, в то время как ежегодно производились сотни тысяч аборт (см. Ph. Mouchez. Demographie. Paris, 1964, p. 90).

⁵ В июле 1967 г. парламент Франции в первом чтении одобрил отмену некоторых положений закона 1920 г. В частности предлагается разрешить производство и продажу в аптеках противозачаточных средств по специальным рецептам. Этим же решением подтверждается запрещение антинаталистской пропаганды и аборт во Франции.

² Учитывая возможность некоторых непринципиальных отклонений от него в ту или иную сторону в отдельных районах страны в силу исторических особенностей их развития.

ложение трудящихся и в некоторой степени способствовало уменьшению сознательного ограничения деторождения. Большую роль сыграло создание атмосферы относительной экономической устойчивости в стране, а также некоторой усталости от бурных политических событий прошлого и стремления уйти в свою семью. В настоящее время воспроизводство населения Франции устойчиво расширенное (нетто-коэффициент в 1964 г. был равен 1,37)⁶. Этот пример свидетельствует о том, что одних только административно-пропагандистских мер как инструмента демографической политики, видимо, недостаточно. Нужен комплекс разнообразных, в первую очередь экономических мероприятий, способствующих созданию у населения, особенно у молодежи, желаемого отношения к проблеме рождаемости и «идеалу» семьи.

Рассмотрим теперь экономические средства поощрения рождаемости. Говоря о них, чаще всего имеют в виду так называемые семейные пособия, точнее, пособия по многодетности. В этой статье мы рассматриваем их лишь с точки зрения влияния на рождаемость, оставляя в стороне такие аспекты, как влияние их на занятость населения вообще и женщин в частности.

Каков же должен быть размер этих пособий, чтобы они стали эффективным средством поощрения рождаемости? В идеале пособия должны достигать такой величины, чтобы с рождением ребенка жизненный уровень семьи не снижался, а даже увеличивался. Для этого они, как минимум, должны быть равны «стоимости» ребенка для родителей, т. е. расходов на питание и одежду (включая расходы на игрушки и развлечения), потерь заработной платы матери во время неоплачиваемой части послеродового отпуска, потерь в заработке из-за ухода за больным ребенком, а также некоторых других затрат. В капиталистических странах сюда надо включать расходы на лечение и образование ребенка. Определить объем подобного рода расходов нелегко не только из-за отсутствия необходимых сведений, но еще и потому, что структура таких затрат часто различна для городов и сельской местности.

При анализе системы экономического стимулирования рождаемости, в том числе и эффективности пособий по

многодетности, надо обязательно учитывать и специфику жизненного уровня населения страны. Здесь можно выделить несколько своеобразных ступеней.

1. При чрезвычайно низком или низком жизненном уровне, т. е. когда основная часть расходов семьи идет на питание, введение семейных пособий даже в сравнительно незначительном размере позволяет семьям избежать голода. Так обстояло дело в Танзании, где, как отмечалось в докладе К. Дандекар на Белградской конференции по народонаселению, введение выплат на третьего и четвертого ребенка позволило в значительной мере ослабить трудности с питанием для многодетных бедных семей.

2. В странах со средним жизненным уровнем, т. е. там, где дополнительные расходы на ребенка означают сокращение расходной части бюджета семьи, в первую очередь расходов на предметы культуры, одежду и т. д. (не говоря уже о снижении доходов из-за хотя бы временного ухода матери с работы), семейные пособия могут быть стимулятором рождаемости лишь в том случае, если они по размеру таковы, что при рождении детей жизненный уровень семьи не снижается вообще или снижается незначительно. В этом случае, если исключить ограничивающие факторы «культурного» характера, семьи не будут опасаться снижения своего жизненного уровня при увеличении числа детей.

3. Если жизненный уровень населения относительно высок, то рождение ребенка, особенно заранее запланированное, «урезает» расходы семьи на предметы не первой жизненной необходимости; в этих условиях у населения, как правило, есть определенные целевые сбережения и появление нового ребенка не вызывает заметного снижения жизненного уровня. Поэтому пособия, если они необходимы как стимулятор рождаемости, могут быть меньшего размера, чем стоимость содержания ребенка.

В настоящее время система пособий по многодетности существует во многих странах. Эти пособия выплачиваются в большинстве случаев ежемесячно в определенном отношении к заработной плате одного из членов семьи (или к некоторой фиксированной величине — так называемой базовой заработной плате). Размер пособий обычно увеличивается в зависимости от числа детей в семье (табл. 1).

⁶ «Demographic Yearbook, 1965». N. Y., 1965, p. 613.

Таблица 1

Величина пособий по многодетности в разных странах мира *

Страна	Год	Величина пособия в % к средне- месячному заработку при числе детей в семье				
		1	2	3	4	5
Австрия	1962	6,2	13,3	21,8	31,6	42,7
Бельгия	1962	6,4	15,0	26,8	40,5	55,2
Болгария	1963	1,4	16,1	31,0	46,0	56,3
ЧССР	1963	5,0	12,2	30,9	54,0	71,2
Дания	1962	2,7	5,3	8,0	10,7	13,6
Франция	1962	6,4	23,3	42,2	57,9	76,5
Голландия	1962	4,5	9,4	14,3	21,0	27,6
Югославия	1960	17,3	33,7	47,8	—	—
Венгрия	1963 **	—	4,4	21,3	28,4	35,4
ГДР	1963	4,0	8,0	12,0	16,0	20,0
ФРГ	1962	—	—	6,1	12,2	18,3
Норвегия	1962	—	2,0	4,0	6,0	8,0
Италия	1962	8,7	17,4	26,1	34,8	43,5
Румыния	1963 **	9,9	19,9	29,8	39,8	49,7
Швейцария	1962	1,9	3,8	5,7	7,6	9,5
Швеция	1962	3,0	6,1	9,1	12,2	15,2

* Dányi Dezső. Népesedéspolitikánk és a születések (Венгерская демографическая политика и рождаемость). — «Demográfia», 1964, 7 évf. 3—4 szám, стр. 437.

** В Венгрии, Румынии и Болгарии размер этих пособий был недавно значительно увеличен; в Венгрии с 1967 г. введены также пособия неработающей женщине, имеющей детей в возрасте до двух с половиной лет (по окончании оплачиваемого послеродового отпуска).

В большинстве стран ежемесячные выплаты начинаются уже с первого и резко увеличиваются при рождении второго и особенно третьего ребенка. В Югославии же система пособий особенно явственно направлена на создание в стране лишь «слегка расширенного» воспроизводства населения, так как в наивысшем размере пособия по многодетности выплачиваются на третьего ребенка, но для детей последующих очередностей таких выплат не существует. По величине выплат на третьего ре-

бенка ⁷ первые места занимают (исключая Францию) Югославия, Болгария, ЧССР и другие социалистические страны Европы. Это объясняется в первую очередь той большой заботой о материнстве и младенчестве, которая вообще присуща социалистическому строю. Немаловажно и то, что в некоторых социалистических странах (ЧССР, Венгрия, ГДР) воспроизводство населения сейчас суженное и поэтому меры по поощрению рождаемости стали настоящей необходимостью.

В СССР пособия по многодетности выплачиваются на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1947 г. ⁸ Согласно этому решению установлены два вида пособий — единовременное и ежемесячное: первое выплачивается при рождении каждого ребенка, а второе — со второго по пятый год жизни ребенка, причем рождение нового не отменяет выплаты прежнего пособия до достижения предыдущим ребенком пятилетнего возраста (табл. 2).

Таблица 2

Величина пособий по многодетности, выплачиваемых в СССР в зависимости от числа детей в семье *

Вид пособия	Величина пособия (руб.) при наличии преды- дущих детей и рождении следующего ребенка								
	третьего	четвер- того	пятого	шестого	седьмого	восьмого	девятого	десятого	одина- дцатого
Единовременное	20	65	85	100	125	125	175	175	250
Ежемесячное	—	4	6	7	10	10	12,5	12,5	15,0

* «Сборник законов СССР 1938—1961 гг.». М., изд-во «Известия», 1966, стр. 723.

** При рождении в семье 12-го ребенка и всех последующих размер пособия такой же, как и при рождении 11-го ребенка.

⁷ При сравнительно низкой смертности в рассматриваемых странах именно рождение третьего ребенка в среднем каждой женщиной разграничивает суженное и расширенное воспроизводство.

⁸ До этого пособия выплачивались на основании Постановления СНК СССР от 27 июля 1936 г., начиная с седьмого ребенка в семье, ежегодно в течение пяти лет со дня рождения ребенка. На седьмого ребенка, например, ежегодно выплачивалось 2000 руб.

Если даже принять, что интервал между родами составляет один год, то при такой системе женщина может получать пособия одновременно лишь на трех детей. Однако фактически интервал между рождениями детей составляет в среднем не менее 30 месяцев, и поэтому женщина может получать эти пособия одновременно не более чем на двух детей разного порядка рождения в течение двух с половиной лет.

Ежемесячные пособия по многодетности в нашей стране выплачиваются лишь после рождения четвертого ребенка и для 1962 г. составляли 4,6% среднемесячной заработной платы⁹ на четвертого, 7,0% — на пятого, 8,1% — на шестого, 11,6% — на седьмого и восьмого ребенка, 14,5% — на девятого и десятого и по 17,4% — на одиннадцатого и всех последующих детей.

Между тем в 1962 г. на долю первых трех по порядку рождения детей приходилось около $\frac{4}{5}$ их общего числа. Иначе говоря, основная часть рождений (кроме республик Средней Азии и Азербайджана) приходится на долю первых, вторых, третьих и значительно реже четвертых детей. Таким образом, если в семье уже есть трое детей (а семьи с тремя детьми составляют лишь около $\frac{1}{7}$ всего их числа)¹⁰, то при рождении четвертого ребенка через два года после рождения третьего, а пятого — через два года после рождения четвертого общие ежемесячные выплаты составят в сумме (на четвертого и пятого ребенка вместе) 10 руб., причем только в течение одного года. Всего же эта семья получит от государства на пятерых детей в виде прямых выплат (единовременные и месячные пособия за четыре года) 650 руб., семья с четырьмя детьми — 277, а с тремя — лишь 20 руб. Отметим для сравнения, что стоимость годичного содержания ребенка в яслях составляет от 300 до 400 руб.¹¹ Сюда не входят расходы родителей на покупку одежды для ребенка, косвенные затраты в виде потери части заработной платы матери, когда она вынуждена оставаться дома во время болезни ребенка, и некоторые другие затраты. Следовательно, ежеме-

сячные пособия по многодетности на четырех детей примерно покрывают стоимость годичного содержания одного ребенка в детских яслях, т. е. значительно меньше, чем требуется на его полное содержание. Таким образом, существующая в нашей стране система пособий по многодетности не стимулирует рождения первого, второго и третьего ребенка, т. е. увеличение их числа в районах с низким уровнем рождаемости.

Всякая система экономического стимулирования рождаемости в социалистических странах должна учитывать и то обстоятельство, что процесс вовлечения женщин в общественное производство необратим, причем с точки зрения не только потребностей экономики, но и привычки к труду, к коллективу, к образу жизни. Для многих женщин работа — это не только источник средств существования или важный элемент общих доходов семьи, но и укоренившаяся жизненная привычка.

В то же время рождение ребенка, особенно если их несколько в семье, значительно увеличивает домашнюю нагрузку женщины, что сказывается и на ее основной работе. Эти, а также некоторые другие причины (нехватка детских учреждений, иногда повышенная заболеваемость в них детей) заставляют некоторую часть женщин оставлять работу и воспитывать детей дома.

В связи с этим возникает вопрос о том, что выгоднее государству: выдавать специальные пособия такой категории неработающих многодетных женщин, с тем чтобы они дома воспитывали детей, или строить детские сады и ясли для всех детей, чтобы получить возможность вовлечь таких женщин в общественное производство. Для выяснения вопроса произведем специальный условный расчет, оставляя пока в стороне соображения социального плана и исходя лишь из «чисто экономических» соображений.

Возьмем для этого семью с тремя детьми, из которых двое находятся в детских яслях, а один — в детском саду. Если исходить из того, что годовая стоимость содержания одного ребенка в детском саду составляет 400 руб., а в яслях — 300 руб.¹², то на всех трех детей эти расходы составят 1000 руб. в год. Если мать этих детей работает, то, приняв ее месячную заработную плату на среднем

⁹ Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в СССР в 1962 г. была 86,2 руб. («Народное хозяйство СССР в 1964 году». М., изд-во «Статистика», 1965, стр. 555).

¹⁰ «Женщины в СССР. Статистический сборник». М., Госстатиздат, 1963, стр. 68.

¹¹ «Здоровье», 1964, № 11, стр. 10—12.

¹² «Здоровье», 1964, № 11, стр. 11.

общесоюзном уровне для 1962 г. равной 86 руб.¹³, мы можем определить общий годовой фонд ее заработной платы примерно в 1032 руб. Примем также, что прибавочный продукт, создаваемый этой женщиной, составляет 100% заработной платы, т. е. тоже 1032 руб. Оплата родителями содержания ребенка в детских учреждениях покрывает лишь незначительную часть стоимости этого содержания, причем взносы родителей увеличиваются пропорционально их заработной плате. Но фактически, учитывая болезни детей и некоторые другие обстоятельства, прибавочный продукт, создаваемый многодетной женщиной, меньше, чем у бездетных или даже малодетных работниц. Поэтому фактически прибавочный продукт, создаваемый такой женщиной, в лучшем случае равен расходам государства на содержание ее детей.

При двух детях в семье (один — в яслях, другой — в детском саду) стоимость годичного содержания детей будет примерно 700 руб., годовая зарплата матери — 1032 руб. и столько же составит произведенный ею прибавочный продукт. Общий «выигрыш» государства равен приблизительно 300 руб., а при одном ребенке в детском саду — 600 руб. Однако в этом расчете учитывалась средняя зарплата. Отклонения в ту или другую сторону могут изменить его смысл. Например, чем выше квалификация женщины, тем при прочих равных условиях больше и народнохозяйственные потери в случае ухода ее с работы из-за детей¹⁴. Поэтому при распределении мест в яслях и детских садах (особенно круглосуточных, позволяющих наиболее полно высвободить родителей) надо учитывать не только материальную обеспеченность родителей, но и уровень их профессиональной подготовки. В связи с этим возникает вопрос, не выгоднее ли будет выплачивать многодетной матери, имеющей трех и более детей, пособие в размере ее среднего заработка, с тем чтобы она воспитывала их дома, а не отдавала в детские учреждения.

Понятно, что далеко не все матери, особенно обладающие высокой квалификацией, по тем или иным соображениям соглашались на это, но, видимо, определенная их

часть (даже имея возможность отдать ребенка в ясли или детский сад) предпочтет оставить работу, получая такое пособие¹⁵. Размеры такого пособия, начиная со второго года жизни ребенка и до поступления его в школу, также могут зависеть от того, содержится ребенок дома или в детском учреждении типа интерната. Конечно, при этом мы не учитываем некоторых моментов социального и культурного порядка, например воспитательной роли детских учреждений. Нужно иметь в виду, что труд женщины по воспитанию детей, хотя он и не имеет непосредственно общественного характера, следует рассматривать как общественно полезный труд. Этот расчет, однако, показывает, на наш взгляд, главное — необходимость строго дифференцированного подхода при определении возможностей использования труда многодетных женщин.

Попробуем также подсчитать, сколько потребовалось бы средств, если бы в нашей стране была введена французская (т. е. одна из самых высоких) шкала пособий по многодетности. Понятно, что эти расчеты в силу некоторых допущений (например из-за неполноты сведений о распределении семей по числу детей в них) имеют лишь ориентировочный характер.

В этом случае общий размер выплат на первого ребенка составлял бы для 1962 г. ежемесячно 5,5 руб., на второго — 19,8, на третьего — 36,2 и на четвертого ребенка примерно 50 руб. Общие ежегодные расходы государства на эти пособия составили бы 9—10 млрд. руб. или 25% всех расходов государственного бюджета 1965 г. на социально-культурные мероприятия.

Что же касается пособий значительно меньшего, чем французский, размера, то хотя они и были бы более реальны с точки зрения экономических возможностей, но в силу своей незначительности компенсировали бы лишь небольшую часть расходов семьи на детей и поэтому вряд ли могли бы стать стимулятором формирования нового, численно большего «идеала» числа детей.

Для того чтобы определить, каковы должны быть эти пособия, попытаемся хотя бы приблизительно рассчитать стоимость первого года жизни ребенка для семьи на осно-

¹³ См. «Народное хозяйство СССР в 1964 году. Статистический ежегодник». М., изд-во «Статистика», 1965, стр. 554.

¹⁴ Стоимость одной только подготовки специалиста, окончившего институт, составляет 6—7 тыс. руб. («Известия», 24 августа 1966 г.).

¹⁵ Часть этой категории женщин можно привлекать и на временную или занимающую 1—2 часа в день работу, т. е. на те участки, куда не очень охотно идут на постоянную работу.

ве некоторых предположений. Примем, что в течение года величина ежедневных расходов на питание в среднем остается неизменной и составляет 50 коп. Тогда затраты родителей на питание ребенка в первый год его жизни составят 182 руб. Допустим также, что расходы родителей на одежду и предметы домашнего обихода в первый год жизни ребенка равны 100 руб. Далее допустим, что в течение первого года жизни ребенка мать имеет неоплачиваемый отпуск лишь три месяца, включая сюда и потери времени, связанные с болезнью ребенка. В этом случае при ее средней ежемесячной зарплате, равной 90 руб., общая величина затрат семьи на ребенка за первый год его жизни составит приблизительно 550 руб., или в среднем около 46 руб. ежемесячно.

Можно привести аналогичный расчет содержания ребенка в возрасте трех-четырех лет. Если принять расходы на ребенка по нормам детского сада, т. е. равными 400 руб. в год, питание (кроме того, что вошло в норму детского сада) — 85 руб.¹⁶, одежду и игрушки — 100, а потери в заработной плате матери из-за болезни ребенка равными половине ее среднемесячной величины в 1962 г. — 43 руб., то всего за год получится 628 руб., или в среднем за месяц около 52 руб.

Если система пособий исходит из того, что рождение ребенка не должно снижать жизненного уровня семьи и вместе с тем стимулировать следующие рождения, то, как говорилось выше, такие пособия надо платить не только на третьего или второго, но и на первого ребенка. Приняв стоимость месячного содержания ребенка разной очередности в возрасте до семи лет одинаковой (что, конечно, не совсем верно) и равной 50 руб., можно рассчитать ежемесячные выплаты на троих детей. Они должны составлять в среднем около 150 руб., т. е. практически еще почти две среднемесячные зарплаты матери при условии, что она работает. Если же она оставляет работу, то соответственно должно быть увеличено и пособие.

Таким образом, для того чтобы стать реальным стимулятором рождаемости, эти пособия на каждого ребенка должны соответствовать примерно 40% среднемесячной зарплаты матери. Этот расчет делается для 1962 г. и с учетом того, что мать работает и что треть расходов

семьи покрывается из общественных фондов. Если принять во внимание, что особенно нужно стимулировать рождение третьего ребенка в семье, то такая шкала должна обладать известным элементом прогрессивности: например, 10% средней заработной платы на первого ребенка, 30% — на второго, 60% — на третьего и по 5% — на каждого последующего ребенка. Пособия должны выплачиваться не до того времени, когда ребенку исполнится 5 лет, а гораздо дольше, например до 16 лет. В этом случае семья с тремя детьми (с учетом выплат из общественных фондов) смогла бы покрывать свои дополнительные расходы на детей и материальные причины стали бы тормозить деторождение в гораздо меньшей степени.

Одними только поощрительными выплатами, конечно, не исчерпывается весь арсенал экономических средств и проблем демографической политики. Большое значение может иметь, например, уменьшение тяжести «второго рабочего дня» женщин путем развития сети бытового и коммунального обслуживания, ибо трудность домашней работы, особенно обслуживания малолетних детей, — это одна из существенных причин ограничения деторождения. Например, если бы была налажена быстрая и с соблюдением всех санитарно-гигиенических и даже эстетических норм стирка пеленок и своевременная и регулярная доставка их на дом за сравнительно умеренную плату, это в немалой мере облегчило бы положение матерей, а следовательно, изменило в какой-то мере отношение к деторождению.

С другой стороны, введение в некоторых отраслях хозяйства для молодых матерей укороченного рабочего дня с полной или частичной оплатой (о чем много говорилось в нашей печати) позволило бы многим женщинам легче совмещать уход за детьми и работу. По оценке чехословацких демографов¹⁷, некоторое увеличение в ЧССР «декретного отпуска» (оплачиваемый отпуск до шести месяцев, затем полугодовой неоплачиваемый) стимулировало рождение третьего ребенка у 10% экономически активных женщин, ранее желавших его иметь.

Демографическая политика в области рождаемости может быть направлена и на ее снижение. В настоящее

¹⁶ «Здоровье», 1967, № 6, стр. 15.

¹⁷ M. Kučera. Výzkum třetích a čtvrtých dětí narozených v roce 1964. — «Demografie», 1965, N 4, стр. 324.

время такое ее направление характерно для многих развивающихся стран. На Белградской конференции 1965 г. отмечалось, что более половины населения развивающихся стран приходится на государства, придерживающиеся официальной политики ограничения рождаемости¹⁸. К их числу относятся такие крупнейшие страны Азии, как Индия и Пакистан.

В этих целях используются главным образом меры агитационно-просветительного и законодательного характера. К последним можно отнести акты, разрешающие продажу контрацептивов и производство абортов. Такие решения после войны были приняты в Японии, в последние годы продажа противозачаточных средств была разрешена и в некоторых североафриканских странах.

Говоря об эффективности демографической политики в целом, надо отметить, что наибольший эффект может быть достигнут при комплексном применении всех упомянутых ранее инструментов. Следует также подчеркнуть настоятельную необходимость глубокого исследования этих проблем советскими учеными.

¹⁸ Э. Н. Вальтерс. Население нашей планеты.— «Курьер ЮНЕСКО», февраль 1966 г., стр. 7.

II. Методология демографических исследований

Л. Е. Дарский

Научно-исследовательский институт ЦСУ СССР

ТАБЛИЦЫ БРАЧНОСТИ ЖЕНЩИН СССР (по выборочным данным)

Брачность как элемент процесса воспроизводства населения

Общение полов — это первое, что подверглось социальной регламентации; ограничение «зоологического эгоизма» вообще и полового инстинкта в частности — необходимая предпосылка возникновения всякого социального организма. Первым актом возникшего человеческого общества была регламентация семейно-брачных отношений¹. С тех пор социально-санкционированная и социально-контролируемая форма брака есть необходимый элемент всякого общества. Формы брака и семьи эволюционируют вместе с обществом, но всякое общество стремится ограничить половое общение рамками брака и тем самым ограничить рамками брака воспроизводство потомства. Этому служат как древнейшие табу, так и новейшие системы моральных и юридических норм. Всякая попытка не только изучить и моделировать, но и просто описать процесс воспроизводства населения, игнорируя брак, приводит лишь к количественным характеристикам, часто не имеющим ничего специфического для данного общества. В. И. Ленин писал, что «условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различ-

¹ Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., изд-во «Наука», 1966.

ных социальных организмов»². Брак, бесспорно, представляет собой один из таких организмов.

История изучения процессов брачности статистическими методами начинается с конца XVIII в. Академик М. В. Птуха, специально занимавшийся этим вопросом, называет автором первой таблицы брачности швейцарского пастора Мюре (1715—1796 гг.). Его работа, содержащая таблицу брачности, появилась в конце 1764 г. и была удостоена премии Экономического общества Берна. Таблица Мюре была построена на основе разработки материалов по 112 приходам кантона Ваадт, насчитывавшим 113 тыс. жителей. Работа Мюре долгое время была единственным источником сведений о брачности, и ею в различных модификациях пользовались около ста лет. На ее материалах основывались, в частности, таблицы брачности Витштейна и Цейнера, построенные в середине прошлого века и получившие распространение для страховых расчетов.

Интересно отметить, что опубликование работы Мюре вызвало не только присуждение ему премии, но и следующее постановление правительства: «20 сентября 1766 года Великий Совет Двухсот постановил:

1) выразить Экономическому обществу свое порицание за то, что оно избрало в качестве темы для премий предметы, которые входят в сферу правительственной деятельности;

2) привлечь пастора Мюре к ответственности за опубликование официальных данных;

3) установить правительственный контроль над собраниями общества и его отделов»³.

Несмотря на то что со времени составления и публикации первой таблицы прошло уже свыше 200 лет, брачность остается наименее исследованным из всех основных демографических процессов. Во многом это можно объяснить тем, что долгое время изучение брачности считалось имеющим чисто академический интерес.

В математической модели воспроизводства населения, созданной Альфредом Лоткой, брачность игнорировалась, и это было вполне естественно для модели, где воспроиз-

водство населения рассматривалось как воспроизводство биологической популяции. Модель воспроизводства, созданная Лоткой, применима к любому биологическому виду, к любой популяции (вообще говоря, в ней не учтена даже дифференциация полов). Но менее всего она применима к человеческому населению. Для того чтобы применить ее к человеческому населению более успешно, чем это было сделано в 20-е и 30-е годы XX в., когда все прогнозы, построенные на ее основе, оказались неверными, ее следует серьезно усовершенствовать.

Одно из основных направлений, в которых возможно усовершенствование модели Лотка,— введение в нее брачности. В модели необходимо отразить тот факт, что рождения детей происходят в семьях, что при изучении процесса рождаемости рождение ребенка вне брака следует рассматривать скорее как исключение. Из этого следует, что число рождений определяется в первую очередь числом брачных пар. При этом изучение брачной плодovitости, т. е. процесса рождения детей у брачных пар, показывает, что кроме других факторов вероятность появления ребенка у супругов сильно зависит от возраста, в котором они вступили в брак, от длительности этого брака, от числа детей, которых уже имеют супруги, и даже от потенциальной прочности брака. Все это показывает, что с точки зрения процесса воспроизводства населения брачность, т. е. процесс образования брачных пар, прочность и устойчивость браков являются крайне важными параметрами. Кроме того, брачность представляет большой интерес с социологической точки зрения.

Брачность стали вводить в общий комплекс показателей воспроизводства после второй мировой войны, когда началась интенсивная разработка демографических моделей. Если в обширной системе характеристик населения Франции, разработанной Пьером Депуа, таблица брачности была применена только для того, чтобы получить распределение стационарного населения по семейному состоянию, то в разработках переписей населения Англии и Уэльса 1946 и 1951 гг. таблицы брачности уже рассматриваются как важный элемент системы показателей воспроизводства и служат одним из оснований прогноза численности рождений.

В настоящее время таблицы брачности строятся в большинстве европейских стран, хотя модели воспроиз-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 476.

³ М. В. Птуха. История первой таблицы брачности.— «Вестник статистики», кн. XXI, апрель—июнь 1925 г., стр. 41.

ства, включающие их как существенный элемент, еще не везде нашли себе применение.

В СССР вопросами брачности специально занимался только М. В. Птуха, но, к сожалению, изменение в его научных интересах не позволило ему закончить и издать обширную работу о брачности, которую он готовил много лет. Не издана пока и работа о брачности на Украине Ю. А. Корчака-Чепурковского, содержащая таблицу брачности для женщин Украины, построенную им по материалам переписи 1926 г.

О процессах брачности в СССР вообще известно мало, но материалы переписи 1959 г. дают основание полагать, что и здесь между отдельными районами существуют большие различия. Так, в возрасте 18—19 лет доля женщин, состоящих в браке, колеблется от 0,078 среди городского населения Белоруссии до 0,537 среди сельского населения Туркмении. Так как потенциальные мужья этих женщин в войне не участвовали, можно полагать, что эти колебания определяются не преходящими обстоятельствами, а зависят от особенностей поведения в отношении брачности.

Регулирование брачности издавна было одним из сильнейших средств воздействия на течение процессов воспроизводства населения. До появления внутрисемейного регулирования деторождения оно было по существу единственным таким средством, и надо сказать, что религия и государство широко этим пользовались. При этом далеко не все установки имели популяционистский характер; вряд ли так можно расценивать, например, широко распространенные институты монашества и celibата, ограничения относительно повторных браков, затруднение развода и т. п. Еще в большей мере, чем религиозные и государственные установления, влияют на брачность установки социальные, социально-экономические и социально-психологические. Так, до распространения планирования семьи вступление в брак психологически было неразрывно связано с немедленным и нерегулируемым началом деторождения, что, естественно, давало семье серьезную экономическую нагрузку. Такое положение приводило к откладыванию браков до того, как укрепится материальное положение молодого человека. В Европе откладывание браков приняло массовый характер и объяснялось именно экономическими и социально-психоло-

гическими факторами. По данным французских исследователей⁴, средний возраст женщин при вступлении в брак во Франции во второй половине XVII в. был 20 лет для невест герцогов и пэров и 24,1 года в деревнях Нормандии.

Быстрые социально-экономические сдвиги могут приводить к значительным изменениям в брачности. Например, в Японии в период индустриализации возраст вступления в брак сильно повысился. Если в 1920 г. среди женщин в возрасте 15—19 лет было 18,0% замужних, то в 1960 г. их было только 1,3%. В Северной Европе в последние десятилетия откладывание браков стало менее распространенным. Так, за 20 лет, с 1930 по 1950 г. медианный возраст вступления в брак снизился в Швеции с 25,6 до 22,8 года, в Норвегии с 25,8 до 23,5, в Дании с 24,9 до 21,2 года⁵. В странах Западной Европы отмечается такое же снижение, но несколько менее интенсивное: в Бельгии с 1933 по 1947 г. — на 0,6 года, во Франции с 1931 по 1952 г. — на 1,3 года, в Нидерландах с 1930 по 1951 г. — на 0,5, в Португалии с 1930 по 1950 г. — на 0,5 года. Сведений по странам Восточной Европы мало, но и там, по некоторым данным, идет такой же процесс. Так, в Венгрии с 1941 по 1958 г. медианный возраст вступления в первый брак снизился с 22,5 до 20,6 года⁶, в Чехословакии за период с 1930 до 1947 г. он снизился с 23,6 до 22,4 года.

Эти изменения следует связать, по-видимому, с распространением внутрисемейного регулирования деторождения. В настоящее время вступление в брак как психологически, так и фактически не предполагает немедленного обзаведения детьми. Все большее число семей начинает регулировать деторождение не тогда, когда желаемый размер семьи достигнут, а сразу же после вступле-

⁴ C. Levy et L. Henry. Ducs et pairs sous l'Ancien Régime. Caractéristiques démographiques d'une caste.— «Population», 1960, N 4; E. Gautier et L. Henry. La population de Crulai, paroisse normande: étude historique.— «Travaux et documents de l'Institut national d'études démographiques», Cahier N 33. Paris, 1958.

⁵ «Tendances récentes de la fécondité dans les pays industrialisés». Nations Unies. N. Y, 1958.

⁶ E. Pallos, G. Wukovich. A Magyar házassági megvalósulás jellemzői; házassági táblák (Новые характерные черты движения брачности в Венгрии; таблицы брачности). Demográfia, 1960, N 2.

ния в брак, и практически все семьи сознают возможности такого регулирования. Поэтому желание отсрочить рождение детей не связано с откладыванием брака.

Это предположение косвенно подтверждается следующими данными семейной переписи 1946 г. в Англии и Уэльсе⁷. Если среди вступивших в брак в 1910—1919 гг. 44% прибегали когда-либо к предупреждению зачатий, и из них только 8% начали применять соответствующие средства сразу после вступления в брак, то среди вступивших в брак в 1935—1939 гг. к тем или иным методам предупреждения зачатий прибегали уже 67%, причем 28% из них начали применять эти методы сразу после вступления в брак.

В СССР, судя по тем сведениям, которыми мы располагаем, возраст вступления в брак пока увеличивается. Так, если сравнить данные переписей населения, то в младших возрастных группах доля женщин, состоящих в браке (в %), снижается, как это видно из следующих показателей:

Возраст	1926 г.	1939 г.	1959 г.
16—17	5,4	4,0	2,9
18—19	28,9	25,0	17,1
20—24	68,6	61,4	50,1

Следует учесть, что на брачности этих возрастов не сказалась диспропорция полов, образовавшаяся вследствие войны.

Обычно же тенденции к понижению доли замужних в младших возрастах сопутствует увеличение возраста вступления в брак. По-видимому, эту тенденцию следует связать с увеличением сроков обучения, а также со все повышающимся стремлением женщин получить высшее образование. При переписи 1959 г. женщин с высшим образованием зарегистрировано в 4 раза больше, чем в 1939 г.

Очень серьезным регулятором возраста вступления в брак служат такие явления общественной жизни, как нормы нравственности и морали, регулирующие отношения полов вне брака. Связанное с общим развитием общества ослабление традиционного запрета добрачных

половых отношений привело к увеличению добрачных связей, причем часто это просто растянутый процесс вступления в брак, когда начало половых отношений предшествует формальному и фактическому заключению брака. В результате беременности часто возникают еще до заключения брака, и в этом случае возникновение беременности стимулирует заключение брака, который в другом случае был бы заключен позже. При этом, конечно, к браку приводят далеко не все добрачные зачатия, многие из них оканчиваются абортom или внебрачным рождением. Но все же влияние добрачных зачатий на брачность, и главным образом на возраст вступления в брак, не следует недооценивать. Это касается в большей степени молодых женщин.

В Англии и Уэльсе среди вступивших в брак в возрасте до 20 лет доля женщин, вступивших в брак с добрачными зачатиями, увеличилась с 26,8% в 1900—1909 гг. до 43,4% в 1925—1929 гг.⁸

Количество таких данных по разным странам крайне ограничено, поскольку обычно число добрачных зачатий, т. е. число детей, рожденных менее чем через 9 месяцев после заключения брака, связывают с общим числом рождений, а не с числом браков. Но о значении этого фактора косвенно можно судить, например, по данным Дольфе Вогельника, согласно которым в Словении в 1948—1953 гг. из общего числа первых детей рожденных за первые 6 лет брака, 42,2% были рождены в первые 8 месяцев⁹.

О распространенности добрачных зачатий в СССР и об их стимулирующем воздействии на брачность ничего не известно. Наши материалы также не позволили выяснить этот вопрос, поскольку при обследовании фиксировалась не дата вступления в брак, а только возраст женщины в это время. Данный вопрос нуждается в специальном ис-

⁸ E. Grebenik. The fertility of women with pre-marital conceptions in Great Britain.— «Bulletin de l'Institut international de statistique», t. 36, 2e livraison. Actes de la 30e session. Stockholm, 1957.

⁹ D. Vogel'nik. Quelques remarques sur la distribution de l'intervalle entre le mariage et la première naissance par âge de la mère et son domicile (urbain-rural).— «Bulletin de l'Institut international de statistique», t. 36, 2e livraison Actes de la 30e Session. Stockholm, 1957.

⁷ «Family limitation and its influence on human fertility during the past fifty years».— «Papers of the Royal Commission on population», v. I. London, 1949.

следований, так как материалы других стран показывают, что со стимулирующим влиянием этого фактора следует считаться.

Построение таблиц брачности по материалам анамнестического обследования

Несмотря на то что методы построения и структура таблиц брачности достаточно четко определены и в значительной степени базируются на тех же идеях, которые лежат в основе построения таблиц смертности, в области изучения брачности имеется много еще не решенных методических вопросов. Такие проблемы, как, например, сочетание показателей брачности мужчин и женщин в единую систему, зависимость вероятности вступления в брак от возрастно-половой структуры бракоспособного контингента, от числа рожденных ранее детей и другие, не нашли еще достаточно четкого решения. Эти вопросы требуют специальных исследований.

Мы ограничились построением только обычной таблицы брачности для женщин. Такая таблица, хотя с методической точки зрения и не содержит ничего принципиально нового, представляет, безусловно, самостоятельный интерес. Материалом для построения таблицы брачности женщин нам послужили опросные листы произведенного ЦСУ СССР в 1960 г. выборочного обследования рождаемости в семьях рабочих, служащих и колхозников, ведущих бюджетные записи¹⁰.

В этом обследовании среди других вопросов каждой женщине были заданы следующие:

- дата рождения;
- возраст вступления в первый брак;
- длительность первого брака.

Ответы на них и были использованы для построения таблицы брачности.

Учитывая сравнительно небольшой объем материала (43 736 опросных листов)¹¹, пришлось выбрать достаточ-

но длительный период наблюдения, к которому относилась бы таблица. Таким периодом был выбран 11-летний интервал — 1949—1959 гг. Выбор этого интервала обусловлен необходимостью того, чтобы каждая опрошенная женщина могла находиться под наблюдением в течение полных десяти годовичных интервалов возраста. Выбрать меньший интервал не позволял объем материала, а охватить больший было нецелесообразно, так как до 1949 г. на условиях жизни еще сказывались последствия войны. Нас же интересовала брачность населения в нормальных условиях жизни, но при значительной диспропорции полов в бракоспособном контингенте, образовавшейся после войны.

Для получения вероятности вступления в брак для каждого возраста из всех женщин были отобраны те, которые вступили в возраст x в период с 1 января 1949 г. по 1 января 1959 г. и к этому моменту не состояли в браке. Затем из них отбирались те женщины, которые в интервале с 1 января 1949 г. по 1 января 1960 г. вступили в следующий возраст $x+1$. Таким образом, отбирались те женщины, которые прожили в период наблюдения весь x -й год своей жизни, вступив в изучаемый возраст никогда не состоявшими в браке. Численность этих женщин и служила знаменателем для исчисления вероятности вступить в брак, так как это были женщины, имевшие шанс вступить в брак в возрасте x в период наблюдения и не имевшие шанса вступить в брак в возрасте x вне этого периода. Из них отбирались те, которые вступили в этом возрасте в первый брак, и их численность служила числителем для показателя вероятности вступления в брак. Так было сделано для каждого возраста.

Самостоятельную задачу представляет выбор начального возраста таблицы брачности. Известна традиционная склонность жителей Среднеазиатских и Закавказских союзных республик к ранней брачности. Это, безусловно, накладывает отпечаток и на характеристики рождаемости. В то же время жители республик Прибалтики и УССР отличаются относительно поздней брачностью. Несмотря на то что установленный законом минимальный брачный возраст в разных республиках различен, распространенность ранних браков определяется в основном не законодательством, а национально-бытовыми обычаями и традициями. Например, хотя на Украине женщины имеют право всту-

¹⁰ Мы не касаемся вопроса о репрезентативности самого обследования и, следовательно, таблицы брачности, который сводится к вопросу о репрезентативности бюджетной сети, достаточно освещенному в специальной литературе.

¹¹ При обследовании было собрано несколько больше опросных листов, но часть их оказалась утерянной и не вошла в разработку.

пять в брак с 16 лет, а в РСФСР — с 18 лет, по данным переписи 1959 г., среди молодых украинок, живущих в селах РСФСР, доля замужних больше, чем среди украинок, живущих на Украине.

Вообще минимальный возраст вступления в брак, определяемый законами разных стран, очень разнообразен. Иногда считают, что он определяется возрастом полового созревания, который неодинаков у разных народов, причем имеется в виду, что жаркий климат способствует более раннему созреванию. Современные данные не подтверждают этой точки зрения¹², а при рассмотрении законов разных стран¹³ вообще не удается подметить какой-либо закономерности. Так, минимальный возраст вступления в брак для женщин в Аргентине и Австралии определяется законом в 12 лет, а в соседних Бразилии и Новой Зеландии — в 16 лет; этот возраст равен 12 годам в Канаде и Северной Ирландии и 18 годам в Швеции и Норвегии. Интересно отметить, что в Дании вообще нет закона, определяющего возраст вступления в брак, а в Индии он установлен в 13 лет для христиан и 14 лет для индусов и парсов. Этот разноречивый также наводит на мысль, что в основе законодательства не лежит какая-либо объективная закономерность. Скорее следует полагать, что законодатели ориентировались на местные обычаи и традиции, пытаясь корректировать их в ту или иную сторону.

Эти соображения заставили нас при определении начального возраста для таблицы брачности отказаться от законодательного критерия и исходить из других предположений. Начальный возраст был принят в 15 лет, так как браки, заключенные до этого возраста можно считать исключением.

Вся разработка материалов была произведена на электронной вычислительной машине Минск-22¹⁴. Без применения ЭВМ выполнить такую разработку было бы крайне трудно. Полученная описанным способом кривая

¹² Р. И. Сифман. Рождаемость в селах Закавказья с начала XX века до Великой Отечественной войны. — Сб. «Проблемы демографической статистики». М., изд-во «Наука», 1966.

¹³ K. D a n d e k a r. Population policies. Обзорный доклад на Второй Всемирной конференции по народонаселению. Белград, 1965.

¹⁴ Составление программы для ЭВМ и разработка произведены Л. И. Даниловой.

возрастных вероятностей вступления в брак была выравнена графически для возрастов старше 29 лет. Применение какого-либо аналитического метода выравнивания оказалось нецелесообразным из-за формы кривой и малого количества опорных точек для выравнивания. Достоверность выравненных значений проверялась при помощи критерия χ^2 и принималась достаточной, если его значение не выходило за пределы 10, что соответствует $P(\chi^2) = 0,95$ при 20 степенях свободы.

В дальнейшем построение первой части таблицы брачности ничем не отличалось от обычного. Полученные вероятности вступления в брак были «чистыми» вероятностями: влияние смертности было уже элиминировано, так как все женщины, о которых имелись сведения, были живы на момент обследования. Поэтому сначала была построена чистая таблица брачности. Начальная совокупность незамужних к возрасту 15 лет принята равной 10 000; браки, заключенные до этого возраста, в расчет не принимались. Вероятность не вступить в брак в возрасте x для не состоявших в браке получалась как $C_x = 1 - b_x$, где b_x — вероятность вступить в брак. Затем получалась численность незамужних в начале каждого возраста по формуле:

$$S_{x+1} = S_x \cdot C_x.$$

При этом $S_{15} = 10\,000$.

Число вступивших в брак в возрасте x определялось по формуле:

$$B_x = S_x \cdot b_x.$$

Исчисление производилось только до 50 лет, так как основной целью всей разработки было изучение брачной плодовитости и браки, заключенные в более позднем возрасте, интереса не представляли.

Для построения комбинированной таблицы брачности следовало учесть влияние смертности. Данных о смертности женщин обследованного контингента у нас не было, поэтому пришлось взять их из таблицы смертности женщин СССР за 1958—1959 гг. Такая замена правомерна, ибо при низком уровне смертности трудно предположить что имеются существенные различия в смертности женщин разного семейного состояния в возрасте от 15 до 50 лет. Наши данные о брачности относятся к 1949—1959 гг., т. е. к периоду, не вполне совпадающему с периодом таблиц смертности. Уровень смертности в этом пе-

риюде был в среднем несколько выше, чем к концу его, так как смертность в течение этого времени довольно быстро снижалась. Однако нас в данном случае интересует только смертность женщин в интервале возраста 15—49 лет, а здесь она вообще сравнительно низка и менялась мало. Следовательно, преуменьшение смертности должно было быть крайне незначительным.

Взяв p_x из таблиц смертности, можно подсчитать комбинированную вероятность выжить, не вступив в брак, в интервале возраста $x/x + 1$. Тогда число незамужних к возрасту $x + 1$ будет $S_{x+1} = S_x \cdot p_x \cdot C_x$.

Число вступивших в брак с учетом смертности будет

$$B'_x = S_x \cdot p_x \cdot b_x + \frac{1}{2} S_x (1 - p_x) b_x = \frac{1}{2} S_x \cdot b_x (1 + p_x).$$

Число умерших, не вступив в брак, будет

$$d_x = S_x \cdot C_x \cdot q_x + \frac{1}{2} S_x \cdot b_x \cdot q_x = S_x (1 - p_x) \left(1 - \frac{1}{2} b_x\right).$$

Такие таблицы брачности, чистые и комбинированные, строились для всего исследованного массива, они дают возможность оценить основные параметры брачности и влияние смертности на процесс их образования (табл. 1).

Некоторые характеристики брачности женщин СССР за 1949—1959 гг.

Таблица брачности, построенная для всего массива, показывает, что если принять смертность не состоявших в браке равной средней смертности женщин в СССР за 1958—1959 гг., то существенной разницы между характеристиками чистой и комбинированной таблиц брачности не возникает. Для каждого возраста вероятности вступить в брак, вычисленные с элиминированием смертности и без этого, разнятся лишь в четвертом десятичном знаке. Столь слабое влияние смертности определяется ее низким уровнем в возрастах, где вероятность вступить в первый брак сравнительно велика. В этих условиях для женщины, дожившей до 15 лет, вероятность вступить в первый брак до 50 лет равна 0,913; вероятность дожить до 50 лет, не вступив в брак, равна 0,074 и вероятность умереть в этом интервале возраста, не вступив в брак, — 0,013. Если учесть, что общая вероятность умереть в этом

Таблица брачности женщин СССР, всего

x	Чистая			Комбинированная				
	B_x	S_x	b_x	S_x	b'_x	q_x	B'_x	d_x
15	52	10 000	0,0052	100 000	0,00520	0,00077	520	77
16	275	9 948	0,0276	99 403	0,02759	0,00082	2 742	82
17	705	9 673	0,0729	96 579	0,07286	0,00092	7 037	89
18	1068	8 968	0,1191	89 453	0,11904	0,00098	10 648	88
19	1106	7 900	0,1400	78 717	0,13992	0,00105	11 014	83
20	1027	6 794	0,1512	67 620	0,15111	0,00108	10 218	73
21	925	5 767	0,1604	57 329	0,16032	0,00111	9 191	64
22	822	4 842	0,1698	48 074	0,16969	0,00117	8 158	56
23	709	4 020	0,1764	39 860	0,17628	0,00119	7 026	48
24	574	3 311	0,1734	32 786	0,17328	0,00121	5 681	40
25	472	2 737	0,1724	27 065	0,17228	0,00124	4 661	35
26	376	2 264	0,1661	22 369	0,16598	0,00127	3 713	28
27	275	1 888	0,1456	18 628	0,14549	0,00135	2 710	25
28	189	1 613	0,1172	15 893	0,11711	0,00143	1 861	23
29	136	1 424	0,0955	14 009	0,09543	0,00147	1 337	21
30	104	1 288	0,0807	12 651	0,08063	0,00154	1 020	20
31	79	1 184	0,0667	11 611	0,06664	0,00160	774	18
32	59	1 105	0,0534	10 819	0,05335	0,00167	577	18
33	44	1 046	0,0421	10 224	0,04206	0,00174	430	18
34	40	1 002	0,0399	9 776	0,03986	0,00182	390	18
35	37	962	0,0385	9 368	0,03846	0,00192	360	18
36	34	925	0,0367	8 990	0,03666	0,00202	329	19
37	21	891	0,0236	8 642	0,02357	0,00215	204	18
38	16	870	0,0184	8 420	0,01838	0,00229	155	19
39	12	854	0,0141	8 246	0,01408	0,00244	116	20
40	9	842	0,0107	8 110	0,01069	0,00257	87	21
41	7	833	0,0084	8 002	0,00839	0,00272	67	22
42	5	826	0,0061	7 913	0,00609	0,00286	48	23
43	5	821	0,0061	7 841	0,00609	0,00303	48	24
44	4	816	0,0049	7 769	0,00489	0,00317	38	25
45	4	812	0,0049	7 706	0,00489	0,00328	38	25
46	3	808	0,0037	7 643	0,00369	0,00344	28	26
47	3	805	0,0037	7 589	0,00369	0,00370	28	28
48	3	802	0,0037	7 533	0,00369	0,00403	28	30
49	2	799	0,0025	7 475	0,00249	0,00439	19	33
50	0	797		7 423				

интервале возраста равна 0,069, то видно, что из числа женщин, доживших до 45 лет и умерших до 50 лет, только 18,8% умирают, не вступив до этого в брак. И обратное соотношение: из общего числа не вступивших в брак 82,5% доживает до 50 лет.

Сводные характеристики брачности, полученные из чистых и комбинированных таблиц, также мало отличаются друг от друга. Если вероятность вступить в брак к 50 годам по комбинированным таблицам брачности равна 0,9130, то вероятность вступить в брак, вычисленная при условии отсутствия смертности, равна 0,9203. Средний возраст вступления в брак по чистой таблице брачности равен 22,27 года, а вычисленный с учетом влияния смертности — 22,25 года. Столь же мало различаются и другие характеристики. Если по чистой таблице брачности к 30 годам остается 12,88% женщин, не вступивших в брак, то по комбинированной таблице их остается 12,65%.

При более высоком уровне смертности ее влияние на процесс брачности значительнее. Например, по данным Деуа, во Франции при средней длительности предстоящей жизни для незамужних в 20 лет, равной 40,68 года, доля незамужних к 30 годам равна без учета смертности 16,40%, а с учетом смертности — 14,67%, к 50 годам — соответственно 8,74 и 6,67%¹⁵.

В условиях низкой смертности незначительность влияния ее на брачность — это, пожалуй, единственный существенный вывод, который можно с уверенностью сделать на основе комбинированной таблицы. Более глубокий анализ комбинированной таблицы брачности вряд ли целесообразен, так как все выводы можно делать при двух условиях: 1) смертность незамужних соответствует средней смертности всех женщин и 2) имеющиеся характеристики брачности и смертности относятся строго к одному и тому же населению за один и тот же период. Что касается второго условия, то, как мы видели, оно выполнялось лишь весьма приблизительно. Насколько точное первое предположение, судить нельзя, так как существующие материалы не дают возможности построить таб-

¹⁵ P. Depoix. Tables nouvelles, relatives à la population française. — «Bulletin de la Statistique générale de la France et du Service d'observation des Prix», t. XXVII I—III. Paris, 1938.

лицы смертности, дифференцированные по семейному состоянию. Есть основания полагать, что, чем ниже уровень смертности, тем меньше она влияет на брачность, и поэтому для анализа брачности различия в уровне смертности лиц разного семейного состояния теряют значение.

Таблицы, построенные на основании материалов, собранных по всей территории СССР, дают лишь осредненные данные, к тому же доля опросных листов, собранных в разных группах населения, не всегда соответствует доле этих групп в общей численности населения страны. Поэтому таблицы брачности, построенные по материалам всего массива, мало что дают, кроме самых общих сведений о процессе брачности женщин в СССР.

Кроме того, известно, что население отдельных территорий СССР сильно различается характеристиками демографических процессов. Если уровень смертности у жителей разных республик разнится мало, то различия в рождаемости очень велики. По данным текущего учета, в 1960 г. общий коэффициент рождаемости колебался от 16,6‰ в Эстонии до 42,6‰ в Азербайджане¹⁶.

Различия в характеристиках процессов воспроизводства населения в разных районах страны поставили нас перед необходимостью разделить имеющийся материал на несколько групп. Небольшое количество материала заставило отказаться от чисто территориального подхода, тем более что некоторые республики мало отличаются друг от друга по основным демографическим характеристикам. Расчленив материал по этническому признаку не было возможности. Поэтому решено было разделить весь материал на два-три больших массива по принципу схожести основных демографических характеристик.

Прежде всего были выделены территории с традиционно высокой рождаемостью и ранней брачностью, в отношении которых можно было предполагать, что в период 1949—1959 гг. внутрисемейное ограничение деторождения там не было распространено. По этому принципу в одну группу территорий были объединены Среднеазиатские республики, Казахстан, Азербайджан, Армения, Татарская, Башкирская и Чечено-Ингушская АССР. Кроме высокого уровня рождаемости (31‰ и выше в 1959—1960 гг.) население этих территорий имеет неко-

¹⁶ «Вестник статистики», 1965, № 1, стр. 86.

торые общие культурно-бытовые особенности, так как за исключением Армении это территории с преимущественно мусульманским в прошлом населением.

Остальные территории были разделены на две группы по демографо-географическому принципу, т. е. были выделены местности с низким уровнем рождаемости (до 20‰), расположенные на западе СССР и сильно пострадавшие в период войны. Сюда были отнесены три республики: Украина, Латвия и Эстония, Белоруссия, Молдавия и Литва, которые географически и исторически (тоже были оккупированы) принадлежат к этой группе республик, были выделены в особую группу республик со средним уровнем рождаемости (от 21 до 30‰). К этой же последней группе отнесены Грузия и РСФСР без автономных республик. Эта группа дальнейшей дифференциации не подвергалась. Таким образом, весь массив был разделен на три группы, и материалы по каждой из них разрабатывались отдельно для городского и сельского населения. В дальнейшем мы будем называть для краткости группу территорий с низкой рождаемостью I группой, со средней рождаемостью — II группой и группу территорий с высокой рождаемостью — III группой.

Всего для городского и сельского населения каждой группы было построено шесть таблиц брачности (табл. 6, 7), которые мы попытаемся проанализировать.

Так как вероятность вступить в брак в младших возрастах низка и с возрастом повышается, а достигнув высшего уровня, снова снижается, чтобы опуститься почти до нуля в конце плодovитого возраста, интересно выяснить, в каком возрасте она достигает максимума и каков этот максимум. Для сравнения приводим одновременно с нашими данными аналогичные показатели по некоторым европейским странам (табл. 2).

Первое, что следует отметить, рассматривая приведенные показатели по СССР, это почти полное отсутствие различий в характеристиках для городского населения всех трех групп. Возраст, когда вероятность вступить в брак достигает максимума, равен 25 годам в I и III группах и 24 годам во II. Максимальное значение тоже различается мало, хотя во II группе и несколько ниже. Это максимальное значение вероятности вступить в брак в течение года очень близко к аналогичным показателям для Англии и Уэльса, Франции и ФРГ за периоды, близкие к нашему исследова-

Таблица 2

Сравнительные характеристики брачности

Территория	Возраст максимальной брачности	Максимальная вероятность вступления в брак, соответствующая этому возрасту
СССР, данные выборочного обследования 1949—1959 гг.		
Город		
I группа	25	0,232
II группа	24	0,221
III группа	25	0,234
Село		
I группа	25	0,118
II группа	23	0,142
III группа	19	0,284
Франция		
1928—1933 гг.	22	0,179
1933—1938 гг.	22	0,170
1950—1951 гг.	22	0,188
Италия, 1930—1932 гг.	24	0,121
Германия, 1936 г.	27	0,184
ФРГ, 1958 г.	23	0,228
Англия и Уэльс, 1951—1955 гг. . .	22	0,236
Швейцария, 1929—1932 гг.	27	0,112

нию, в то же время возраст, когда достигается этот максимум, для них несколько ниже. Последнее не значит, однако, что в этих трех западноевропейских странах девушки склонны к более ранним бракам, чем в городском населении СССР. Склонность к заключению брака в раннем возрасте может быть охарактеризована, например, таким показателем, как вероятность вступить в брак к 20 годам (табл. 3). Сопоставление этих показателей приводит к другим выводам; в СССР девушки в городском населении I и III групп часто заключают браки в раннем возрасте, треть из них к 20 годам уже вступает в брак и только в городах II группы склонность к ранним бракам меньше — там до 20 лет вступает в брак только 18% девушек.

Таблица 3

Вероятность вступить в брак в возрасте до 20 лет

Территория	Вероятность вступить в брак
СССР, городское население, 1949—1959 гг.	
I группа	0,333
II группа	0,179
III группа	0,331
Франция	
1933—1938 гг.	0,248
1950—1951 гг.	0,214
Италия, 1930—1932 гг.	0,123
Германия, 1936 г.	0,093
ФРГ, 1958 г.	0,163
Англия и Уэльс, 1951—1955 гг. . .	0,215
Швейцария, 1929—1932 гг.	0,038

Интересно отметить, что склонность к заключению браков в раннем возрасте в европейских странах сейчас несколько ниже, чем у женщин в СССР из городов I и III групп. В Англии и Франции 21% девушек выходит замуж до 20 лет, в ФРГ — только 16%. Причем частота ранних браков во Франции по сравнению с довоенным периодом уменьшилась, а в ФРГ она в 1958 г. была значительно выше, чем в довоенной Германии. Если учесть, что вообще этот показатель может быть намного ниже (например, в Швейцарии в 1929—1932 гг. он составлял около 4%), то можно сказать, что в городском населении I и III групп территорий он находится на высоком, а II группы (где он равен 18%) — на среднем уровне. Мы не располагаем какими-либо сведениями о динамике характеристик брачности в СССР и не можем указать в результате какого процесса сложилась эта относительно высокая склонность девушек к ранним бракам. Можно сказать лишь, что на брачности женщин этих возрастов не могли серьезно сказаться военные потери мужского населения. Женихи женщин этого возраста в подавляющем большинстве принадлежат к возрастам, не пострадавшим в период войны.

Эти различия в склонности к ранним бракам становятся яснее при сопоставлении вероятности вступить в брак в возрасте до 20 лет в городе и на селе по группам территорий:

	I	II	III
Город	0,333	0,179	0,331
Село	0,168	0,206	0,591

Высокий показатель по сельской местности III группы вполне соответствует нашим представлениям о традиционном ранней брачности женщин в селах Средней Азии и Закавказья (см. Р. И. Сифман¹⁷, Е. С. Тимм¹⁸). Более низкие показатели в городах этой группы отражают влияние как условий городской жизни, так и смешанного национального состава населения. Повышенная склонность к раннему замужеству в селах III группы приводит еще и к тому, что максимального уровня вероятности вступления в брак достигает там к 19 годам против 25 лет в городах той же группы. Сам максимальный уровень вероятности вступления в брак равен 0,284 и ненамного выше максимального уровня этого показателя по другим таблицам.

Если же сравнить вероятность вступления в брак для 17-летних, то видно, что различия достаточно велики (следует учесть, что на большинстве территорий минимальный брачный возраст равен 18 годам). Так, вероятность вступления в брак в возрасте 17 лет по группам территорий равна:

	I	II	III
Город	0,065	0,016	0,071
Село	0,027	0,032	0,157

Сельская местность III группы резко выделяется повышенной вероятностью заключения ранних браков.

Кроме того, можно заметить, что в сельской местности характеристики брачности для молодых возрастов подчинены строгой закономерности. Интенсивность ранних браков нарастает от I к III группе. В то же время для городского населения такой закономерности нет.

Рассматривая кривые вероятности вступления в брак (рис. 1), легко видеть, что характеристики для городского

¹⁷ Р. И. Сифман. Возраст вступления в брак как демографический фактор в условиях высокой рождаемости.— Доклад на Второй всемирной конференции по народонаселению. Белград, 1965.

¹⁸ Е. С. Тимм. Опыт изучения естественного движения населения в кишлаках по данным экспедиционного обследования. Ташкент, 1933.

населения всех трех групп очень близки и кривые иногда почти сливаются. Однако для первых двух групп вероятности вступления в брак в городе гораздо выше, чем в селе, и в некоторых возрастах эти различия очень велики.

Объяснение этому факту следует искать, по-видимому, в разной демографической ситуации, сложившейся в изучаемый период в городах и сельской местности. Известно, что миграционные потоки в послевоенные годы были направлены из села в город и касались прежде всего наиболее мобильной части населения — холостых мужчин. Во многих

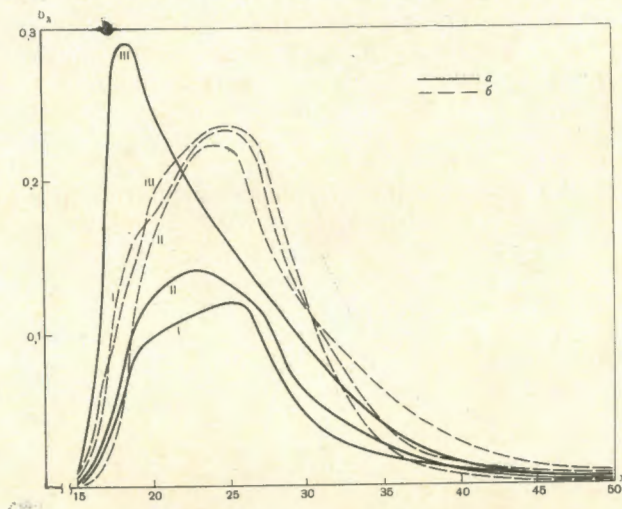

Рис. 1. Вероятность вступления в первый брак для женщин

а — сельская местность; б — городские поселения

случаях переселение молодых холостяков в город было связано с тем, что молодые люди из сел, отслужив положенный срок в вооруженных силах, не возвращались домой, а оседали в городах, где бурное развитие промышленности и строительства требовало много рабочих рук. Большой отток мужчин из села происходил и посредством оргнабора, набора в различные учебные заведения и т. п. Оседанию мужчин в городах способствовала и диспропорция полов, вызванная военными потерями, причем эта же диспропорция ослабляла стимулы к переселению в города для жен-

щин. Таким образом, миграционные потоки смягчали, а для некоторых районов и возрастов и устраняли диспропорцию полов в городах и усиливали ее в сельской местности. Кроме этого, следует иметь в виду, что в городах больше распространены разводы и при нехватке мужчин часть браков, первых для женщин, бывают повторными для мужчин, что также несколько повышает для женщины вероятность вступления в брак. Следует заметить, что брак с горожанкой служит одним из средств получения прописки в городах.

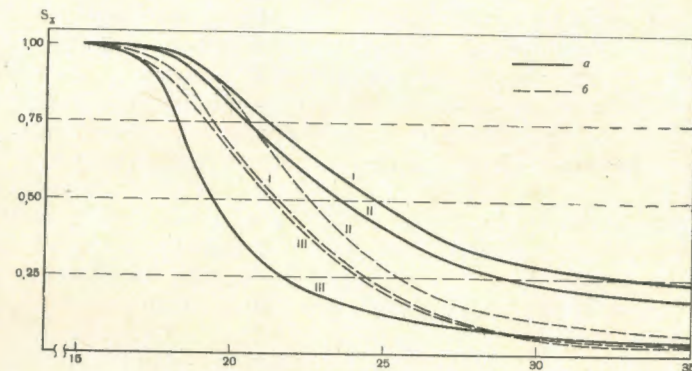

Рис. 2. Доля женщин, не состоявших в браке по таблицам брачности

а — сельская местность; б — городские поселения

Указанные различия в демографической ситуации и отразились на показателях таблицы брачности. В несколько особом положении оказались территории III группы. Их городское население пополнялось главным образом благодаря приезду из других местностей, что показывают большие сдвиги в национальном составе населения городов этих территорий. Сельское же население территорий III группы мало склонно к эмиграции; наоборот, некоторые местности Средней Азии и Закавказья благодаря своим климатическим и другим природным условиям очень привлекательны для переселенцев (например, Ферганская долина).

Различия в вероятностях вступления в брак приводят к тому, что к возрастам, когда брачность становится уже незначительной, на разных территориях оказывается раз-

ной доля женщин, не состоящих в браке (рис. 2). Таким возрастом обычно считают 50 лет, т.е. условную границу плодovитого периода. По нашим таблицам брачности (чис-
тым) доля остающихся к 50 годам не вступившими в брак по группам территорий такова (%):

	I	II	III
Город	3,67	4,56	3,94
Село	21,73	15,27	3,69

Городское и сельское население III группы территорий характеризуется весьма высокой брачностью — замуж выходят 96% всех женщин. Напротив, брачность в селах I и II группы следует признать низкой — 15,3%, а тем более 21,7% не вступивших в брак к 50 годам — это очень значительная доля. Следует учесть, что влияние смертности элиминировано и речь идет о брачности в чистом виде.

Если сопоставить эти показатели с показателями брачности городского населения, то для I группы уже к 25 годам остается 21,4% незамужних, а для II группы — 14,1% — к 28 годам. В связи с этим интересно сравнить, к какому возрасту выходит замуж половина всех женщин или три четверти их. Порядок уменьшения бракоспособно-
го контингента по группам территорий таков:

	I	II	III
Возраст, к которому вступают в брак 50% женщин			
Город	21,5	22,6	21,4
Село	24,6	23,3	19,4
Более 75% женщин			
Город	25	26	25
Село	34	29	22

Порядок, в котором исчерпывается контингент неза-
мужних, имеет особенности в каждой территориальной
группе. Половина женщин выходит замуж довольно рано:
даже в селах I группы с ее низкой брачностью к возрасту
24,6 года половина женщин уже замужем. Серьезные раз-
личия в брачности возникают позже. Если в городах всех
групп достаточно четырех лет, чтобы эта оставшаяся часть

незамужних уменьшилась еще вдвое, то в селах II груп-
пы для этого требуется 5, а в селах I группы даже 10 лет.
Шансы на замужество особенно различаются в среднем
возрасте. У 25-летних девушек в селах I группы они вдвое
меньше, чем у горожанок на той же территории.

Очень интересно выяснить, какова доля женщин,
вступающих в брак к 30 годам. Эти браки считаются наи-
более плодovитыми¹⁹. В условиях, когда распространено
сознательное регулирование числа детей в семьях, если
брак заключен женщиной до 30 лет (как и другие, эта
граница, конечно, условна), то возраст, в котором он за-
ключен, не оказывает влияния на число детей в семье.
Число лет брачной жизни, проживаемых этими женщина-
ми в плодovитом возрасте, достаточно, чтобы родить любое
желаемое число детей, если иметь в виду, что среди пла-
нирующих число детей редко встречаются семьи, желаю-
щие иметь четырех или более детей. Поэтому долю жен-
щин, не вступивших в брак к 30 годам, можно считать
наиболее важным показателем брачности с точки зрения
влияния последней на плодovитость и на воспроизводство
населения в целом.

В табл. 4 приведены данные о доле женщин, не всту-
пивших в брак до 30 лет, из нескольких таблиц брач-
ности.

В сельских местностях I и II групп больше одной пя-
той части женщин остаются еще не вступившими в брак
к 30 годам и тем самым не могут полноценно участвовать
в воспроизводстве населения. Сопоставление с данными по
другим странам показывает, что этот показатель был
выше только в Италии и Швейцарии в начале 30-х
годов.

Наиболее концентрированной характеристикой возра-
ста вступления в брак служит средний возраст вступления
в брак.

Однако, прежде чем приводить его значения и выводить
из них какие-либо заключения, следует сделать несколько
замечаний о характере самого показателя. Прежде всего
средний возраст вступления в первый брак есть средняя
для распределения по возрасту вступивших в брак по таб-
лице брачности. Следовательно, этот показатель, с одной

¹⁹ R. Pressat. The ideal and the actual number of children.
In «Studies on fertility and social mobility». Budapest, 1962.

Таблица 4

Доля женщин, не вступивших в брак до 30 лет

Территория	Доля женщин не вступивших в брак до 30 лет (в %)
СССР, выборочное обследование, 1949—1959 гг.	
Город	
I группа	6,98
II группа	10,42
III группа	6,36
Село	
I группа	28,76
II группа	21,86
III группа	6,25
Франция	
1933—1938 гг.	16,74
1950—1955 гг.	15,40
Италия, 1930—1932 гг.	32,17
Германия, 1936 г.	16,33
ФРГ, 1958 г.	11,36
Англия и Уэльс, 1951—1955 гг.	11,10
Швейцария, 1929—1932 гг.	35,75

стороны, характеризует гипотетическое поколение и обладает всеми достоинствами и недостатками, свойственными такого рода показателям, с другой стороны, он относится (в наших таблицах) только к вступившим в брак до 50 лет и поэтому сам по себе, не дополненный долей вступивших в брак, представляет мало ценности.

Необходимость такого дополнения отвечает общему принципу характеристики любого демографического явления с помощью двух обобщенных показателей. Первый — это показатель интенсивности явления; он дает представление о том, какую долю когорты охватывает это явление. Второй — это показатель интервала, т. е. обобщенная характеристика интервала времени, прошедшего от момента наступления необходимого предшествующего явления до наступления данного явления. Например, плодовитость

может характеризоваться долей женщин, родивших хотя бы одного ребенка, и средним возрастом при рождении первенца. Разводимость (интенсивность разводов) можно характеризовать долей браков, прекратившихся вследствие развода, и средней длительностью этих браков от момента их заключения до развода.

После этих оговорок можно привести показатели среднего возраста вступления в первый брак (табл. 5).

Таблица 5

Обобщенные характеристики брачности

Тип поселения и характеристика брачности	Группы территорий		
	I	II	III
Город			
Доля вступивших в брак к 50 годам	96,3	95,4	96,1
Средний возраст вступления в первый брак	22,03	23,22	21,80
Село			
Доля вступивших в брак к 50 годам	78,3	84,7	96,3
Средний возраст вступления в первый брак	23,81	23,28	20,33

Как видно, различия в среднем возрасте вступления в брак на разных территориях достаточно велики. Разницу в 3,5 года для сельских местностей I и III групп следует признать значительной. Например, во Франции за 100 лет эта величина снизилась с 25,8 до 23,1 года, и французские исследователи считают это изменение существенным²⁰. В показателях для сельской местности средний возраст вступления в брак в своих особенностях следует той же тенденции, что и доля вступивших в брак: чем выше доля вступивших в брак, тем меньше средний возраст вступления в брак.

²⁰ J. C. Chasteland et R. Pressat. La nuptialité des générations françaises depuis un siècle.— «Population», 1962, N 2.

Таблица 6

Чистые таблицы брачности женщин для городского населения
по трем группам территорий за 1949—1959 гг.

Воз- раст	I группа			II группа			III группа		
	b_x	S_x	B_x	b_x	S_x	B_x	b_x	S_x	B_x
15	0,006	10 000	60	0,001	10 000	10	0,006	10 000	60
16	0,019	9 940	189	0,004	9 990	40	0,046	9 940	457
17	0,065	9 751	634	0,016	9 950	159	0,071	9 483	673
18	0,130	9 117	1185	0,050	9 791	490	0,110	8 810	969
19	0,159	7 932	1261	0,117	9 301	1088	0,147	7 841	1153
20	0,172	6 671	1147	0,156	8 213	1281	0,185	6 688	1237
21	0,188	5 524	1039	0,178	6 932	1234	0,201	5 451	1096
22	0,206	4 485	924	0,199	5 698	1134	0,212	4 355	923
23	0,221	3 561	787	0,215	4 564	981	0,222	3 432	762
24	0,229	2 774	635	0,221	3 583	792	0,231	2 670	617
25	0,232	2 139	496	0,221	2 791	617	0,234	2 053	480
26	0,231	1 643	380	0,214	2 174	465	0,232	1 573	365
27	0,215	1 263	272	0,175	1 709	299	0,225	1 208	272
28	0,178	991	176	0,150	1 410	211	0,195	936	183
29	0,143	815	117	0,131	1 199	157	0,156	753	117
30	0,118	698	82	0,115	1 042	120	0,120	636	76
31	0,102	616	63	0,101	922	93	0,087	560	49
32	0,084	553	47	0,091	829	75	0,072	511	37
33	0,066	506	33	0,079	754	60	0,051	474	24
34	0,054	473	26	0,070	694	49	0,035	450	16
35	0,040	447	18	0,062	645	40	0,024	434	11
36	0,029	429	12	0,053	605	32	0,017	423	7
37	0,022	417	9	0,044	573	25	0,012	416	5
38	0,017	408	7	0,037	548	20	0,009	411	4
39	0,014	401	6	0,031	528	16	0,007	407	3
40	0,012	395	5	0,025	512	13	0,006	404	2
41	0,011	390	4	0,020	499	10	0,004	402	2
42	0,009	386	3	0,016	489	8	0,003	400	1
43	0,008	383	3	0,013	481	6	0,003	399	1
44	0,007	380	3	0,011	475	5	0,002	398	1
45	0,006	377	2	0,008	470	4	0,002	397	1
46	0,005	375	2	0,006	466	3	0,001	396	0
47	0,005	373	2	0,006	463	3	0,001	396	1
48	0,005	371	2	0,005	460	2	0,001	395	0
49	0,005	369	2	0,005	458	2	0,001	395	1
50		367			456			394	

Таблица 7

Чистые таблицы брачности женщин для сельского населения
по трем группам территорий за 1949—1959 гг.

Воз- раст	I группа			II группа			III группа		
	b_x	S_x	B_x	b_x	S_x	B_x	b_x	S_x	B_x
15	0,001	10 000	10	0,001	10 000	10	0,011	10 000	110
16	0,008	9 990	80	0,011	9 990	110	0,045	9 890	445
17	0,027	9 910	268	0,032	9 880	316	0,157	9 445	1483
18	0,057	9 642	550	0,074	9 564	708	0,283	7 962	2253
19	0,085	9 092	773	0,103	8 856	912	0,284	5 709	1621
20	0,096	8 319	799	0,120	7 944	953	0,253	4 088	1034
21	0,102	7 520	767	0,133	6 991	930	0,232	3 054	709
22	0,107	6 753	723	0,139	6 061	842	0,212	2 345	497
23	0,112	6 030	675	0,142	5 219	741	0,192	1 848	355
24	0,116	5 355	621	0,138	4 478	618	0,173	1 493	243
25	0,118	4 734	559	0,131	3 860	506	0,156	1 250	195
26	0,117	4 175	489	0,122	3 354	409	0,141	1 055	149
27	0,101	3 686	372	0,115	2 945	339	0,127	906	115
28	0,078	3 314	258	0,096	2 606	250	0,116	791	92
29	0,059	3 056	180	0,072	2 356	170	0,106	699	74
30	0,046	2 876	132	0,062	2 186	136	0,091	625	57
31	0,037	2 744	102	0,053	2 050	109	0,079	568	45
32	0,030	2 642	79	0,045	1 941	87	0,066	523	35
33	0,026	2 563	67	0,037	1 854	69	0,056	488	22
34	0,021	2 496	52	0,030	1 785	54	0,046	466	21
35	0,017	2 444	42	0,024	1 731	42	0,037	445	17
36	0,014	2 402	34	0,020	1 689	34	0,029	428	12
37	0,013	2 368	31	0,016	1 655	26	0,024	416	10
38	0,012	2 337	28	0,013	1 629	21	0,021	406	9
39	0,011	2 309	25	0,010	1 608	16	0,016	397	6
40	0,010	2 284	23	0,008	1 592	13	0,012	391	5
41	0,008	2 261	18	0,006	1 579	10	0,008	386	3
42	0,006	2 243	13	0,004	1 569	6	0,006	383	2
43	0,005	2 230	11	0,004	1 563	6	0,006	381	2
44	0,004	2 219	9	0,003	1 557	5	0,005	379	2
45	0,004	2 210	9	0,003	1 552	5	0,005	377	2
46	0,003	2 201	7	0,003	1 547	5	0,004	375	2
47	0,003	2 194	7	0,003	1 542	5	0,004	373	2
48	0,003	2 187	7	0,003	1 537	5	0,003	371	1
49	0,003	2 180	7	0,003	1 532	5	0,003	370	1
50		2 173			1 527			369	

Все отмеченные особенности брачности женщин относятся к прошлому периоду (1949—1959 гг.). Построение таблиц брачности для отдельных социальных и этнических групп населения, которое, как мы надеемся, станет возможным на основе переписи 1970 г., откроет пути как для более глубокого анализа брачности, так и для выяснения того, как отразились на брачности социально-экономические и демографические изменения, произошедшие в нашей стране за последние годы.

Р. И. С и ф м а н

Научно-исследовательский институт ЦСУ СССР

ИНТЕРВАЛЫ МЕЖДУ РОЖДЕНИЯМИ И МЕЖДУ ВСТУПЛЕНИЕМ В БРАК И ПЕРВЫМ РОЖДЕНИЕМ

В условиях внутрисемейного регулирования деторождения брачные пары часто регулируют не только общее число детей, но и время их появления. Регулирование времени рождений отражается на интервалах между вступлением в брак и первым рождением (*протогенетический интервал*) и между последовательными рождениями (*интергенетические интервалы*). Интервалы эти характеризуют темпы формирования семьи. При коротких интервалах семья быстро достигает определенной величины, при длинных интервалах процесс формирования семьи растянут во времени. Очевидно, что изменение темпов формирования семьи оказывает влияние на уровень рождаемости. Ускорение темпов формирования семьи, выражающееся в сокращении интервалов, приводит при прочих равных условиях к накоплению рождений в определенном календарном периоде, а замедление этих темпов, или удлинение интервалов, — к сокращению числа рождений в соответствующие календарные годы.

Существенное значение имеет установление протогенетических и интергенетических интервалов и в условиях нерегулируемой рождаемости, где они определяются только физиологическими факторами. Отклонение фактических интервалов от нормальных физиологических характеризует влияние на первые сознательного регулирования

их отдельными семьями, а в некоторых случаях и влияние установившихся среди населения обычаев.

Протогенетические и интергенетические интервалы — важные звенья в расчетах будущих чисел рождений методом когорт, поскольку расчеты эти производятся на основании данных о распределении женщин по числу имеющихся у них детей к исходному моменту, вероятностей появления следующего ребенка у женщин, имеющих данное число детей, и интервала, после которого следующий ребенок может появиться. Изучение существующих интервалов между рождениями необходимо также для оценки того, насколько они соответствуют интервалам, наиболее благоприятным с точки зрения сохранения здоровья матери и нормального развития ребенка.

Несмотря на столь важное значение протогенетических и интергенетических интервалов как в демографическом, так и в социологическом и санитарно-гигиеническом аспектах, о них существует очень мало фактических материалов. В СССР такого рода данные до сих пор вообще отсутствовали. Наше исследование ставит своей задачей хотя бы отчасти восполнить этот пробел. Оно выполнено как один из разделов работы по изучению плодовитости методом когорт, материалом для которой послужили опросные листы обследования рождаемости в семьях рабочих, служащих и колхозников, ведущих бюджетные записи, которое было проведено ЦСУ СССР в 1960 г.

Ретроспективное наблюдение одной и той же совокупности женщин позволило установить даты всех бывших у них рождений и интервалы между ними. Интервалы между последовательными рождениями (включая и мертворождения) установлены по разнице в датах (год и месяц) этих рождений. Многоплодные роды были исключены из разработки.

Для правильного определения средних протогенетических и интергенетических интервалов при прослеживании последовательных рождений у женщин разных когорт необходим достаточно большой отрезок времени, чтобы исключить возможность выпадения из поля наблюдения интервалов большой продолжительности. Отрезок этот должен охватывать либо весь период плодовитости, либо такую его часть, за пределами которой могут остаться лишь редкие случаи рождений данной очередности.

Наша разработка включала женщин, состоявших в пер-

вом браке, и производилась в двух вариантах: с длительностью состояния в первом браке после данного рождения а) не менее 10 лет и б) не менее 15 лет. При этом предполагалось, что при сроке наблюдения не менее 15 лет охватываются практически все следующие рождения. Разработка данных с этим более длительным сроком наблюдения показала, что в общем числе следующих рождений на долю тех, которые отделены от предыдущих интервалом в 10 и более лет, приходится среди вторых — четвертых рождений 2,4—2,9%, среди пятых — седьмых рождений — 1,6—1,8% и среди восьмых и следующих за ними — лишь 0,4—0,7% рождений (табл. 1).

Таблица 1

Частота длительных интервалов между рождениями

Очередность рождения	Доля рождений, происшедших через 10 и более лет после предыдущих, в числе рождений данной очередности (в %) при длительности наблюдения		Очередность рождений	Доля рождений, происшедших через 10 и более лет после предыдущих, в числе рождений данной очередности (в %) при длительности наблюдения	
	не менее 10 лет	не менее 15 лет		не менее 10 лет	не менее 15 лет
2	2,3	2,9	7	1,3	1,6
3	2,4	2,7	8	0,5	0,4
4	2,2	2,4	9	0,1	0,3
5	1,7	1,8	10+	0,3	0,7
6	1,3	1,4			

При длительности наблюдения не менее 10 лет по сравнению с длительностью его 15 и более лет в разработку не попадали во всех случаях более продолжительные интервалы: для когорт женщин, наблюдавшихся только 10 лет, это были интервалы между рождениями длительностью в 11—14 лет¹, для наблюдавшихся 11 лет — интервалы в 12—14 лет, для наблюдавшихся 12 лет — интервалы в 13—14 лет,

¹ Интервалы, величина которых совпадает с длительностью наблюдения, следует считать охваченными в половине случаев.

для наблюдавшихся 14 лет — интервалы в 15 и более лет. Поэтому расхождение в частоте продолжительных интервалов между этими двумя вариантами длительности наблюдения, как показывает таблица 1, сравнительно невелико. Вместе с тем, общее число случаев рождения, попавших под наблюдение, при длительности его 10 и более лет (40 580 рождений) гораздо больше, чем при наблюдении в течение 15 и более лет (29 048 рождений), когда отсеивались случаи, где оно продолжалось только от 10 до 14 лет. Возможность случайных ошибок в первой группе поэтому меньше. Последнее подтверждается и сопоставлением средних интервалов. При обоих вариантах длительности наблюдения они, как правило, совпадают, а в немногих случаях расхождения средние оказались большей частью выше для варианта «не менее 10 лет», что можно, очевидно, отнести только на счет случайных колебаний интервалов в варианте со сроком наблюдения «не менее 15 лет».

Исходя из этого, мы вычисляли средние интервалы по всем разрезам разработки при длительности наблюдения не менее 10 лет. По некоторым разрезам кроме средних вычислены также медианные интервалы, на величину которых редкие крайние значения оказывают, как известно, лишь незначительное влияние.

Для изучения особенностей в типах формирования семьи при разном уровне рождаемости разработка велась не только по всему массиву материала, но и отдельно по группам территорий с высокой, средней и низкой рождаемостью. Группы территорий по уровню рождаемости образованы на основании общих коэффициентов рождаемости 1959—1960 гг. В I группу с низкой рождаемостью (коэффициент рождаемости до 20‰ включительно) вошли Украинская, Латвийская, Эстонская ССР, во II группу со средним уровнем рождаемости (коэффициент от 21 до 30‰) — РСФСР (без автономных республик), Белорусская, Грузинская, Литовская, Молдавская ССР, в III группу с высокой рождаемостью (коэффициент 31‰ и выше) — Узбекская, Киргизская, Таджикская, Казахская, Туркменская, Азербайджанская, Армянская ССР и автономные республики РСФСР.

Протогенетические интервалы

Интервал между вступлением в брак и первым рождением мог быть определен по материалам, послужившим исходными для исследования, лишь приближенно, так как в опросном листе не фиксировалась дата вступления в брак. Продолжительность брака при рождении ребенка данной очередности, в частности и первого ребенка, устанавливалась как разница между возрастом женщины при рождении ребенка и возрастом ее при вступлении в брак. Так как рождения в результате добрачных зачатий приходятся на срок до 9 месяцев после вступления в брак, а рождение в результате брачных зачатий — после 9 месяцев (за исключением преждевременных рождений), то распределение рождений в течение первого года брака в значительной степени зависит от соотношения этих двух категорий. От их соотношения зависит, очевидно, и доля первенцев, появившихся на первом году брачной жизни, в общем числе их, а следовательно, и средний интервал между вступлением в брак и первым рождением.

В обследовании, материалами которого мы располагали, учитывался фактический брак, и притом в ретроспективном наблюдении. Не исключено поэтому, что в некоторых случаях опрошенные считали вступлением в брак начало половых сношений и соответственно указывали свой возраст в это время. Это должно было привести к сокращению числа добрачных зачатий.

Не имея при исчислении среднего протогенетического интервала данных о распределении рождений в течение первого года брачной жизни, мы условно приняли для рождений, происшедших в возрасте, совпадающем с возрастом вступления в брак, продолжительность брака в полгода. Не исключено, что эта величина несколько преуменьшена в связи с тем, что при учете фактического брака число добрачных зачатий должно быть невелико.

Для браков, заключенных в 1920—1944 гг., средний протогенетический интервал составил по всему массиву 2,27 года, медианный интервал — 1,93 года, или 23 месяца, что несколько выше интервала, установленного в США для рождений 1930—1944 гг. у белых женщин и равного 20 месяцам².

² «Statistical Abstract of the United States», 1965, p. 53.

Средний протогенетический интервал, по нашим данным, несколько короче в городских поселениях³, чем в сельской местности: 2,10 года в городских поселениях и 2,33 года в сельской местности (табл. 2).

Таблица 2

Средний протогенетический интервал у женщин, вступивших в первый брак в 1920—1944 гг. и состоявших в нем до момента обследования или до 50 лет

	Весь массив	Городские поселения	в среднем	Сельская местность		
				в группах территорий		
				I	II	III
Средний интервал, в годах . .	2,27	2,10	2,33	1,96	2,10	3,53

Более продолжительный интервал для сельской местности обусловлен очень большим средним интервалом в группе территорий с высокой рождаемостью (III группа) — 3,5 года. Можно указать на некоторые возможные погрешности в показаниях женщин в данном обследовании, которые могли привести в среднем к преувеличению этого интервала, например на пропуски первого рождения, если ребенок родился мертвым или умер вскоре после рождения. В том же направлении должно было влиять и преувеличение пожилыми женщинами своего возраста, поскольку возраст женщины при рождении ребенка устанавливался не во время опроса, а исчислялся при разработке как разница между датой рождения ребенка и датой рождения матери. Не исключено, что вместо возраста при фактическом вступлении в брак в некоторых случаях указал

³ Деление на городские поселения и сельскую местность в нашем исследовании носит приближенный характер, так как произведено в зависимости от места жительства женщины на момент обследования, в то время как рождения взяты за весь предшествующий период ее жизни. Однако, учитывая, что из сел в города переселяется в основном молодежь, т. е. лица, не успевшие еще образовать семью на старом месте жительства, надо полагать, что неточности здесь не столь значительны, чтобы оказать существенное влияние на различия в характеристиках плодovitости городских и сельских женщин.

возраст при сговоре, а это также должно было привести к удлинению протогенетического интервала. Поэтому, хотя в демографической литературе и встречаются указания на длительные протогенетические интервалы среди населения, не регулирующего деторождения⁴, полагаем, что наши данные в этом отношении нуждаются в проверке дальнейшими исследованиями по сельской местности Средней Азии и другим территориям Советского Союза с высокой рождаемостью. В этих исследованиях должны быть выяснены и достоверность столь продолжительного интервала, и — если он окажется достоверным — какие местные обычаи его обусловили.

Распределение рождений по продолжительности брака, т. е. по интервалу между вступлением в брак и первым рождением, обнаруживает сравнительно низкую долю рождений на первом же году после вступления в брак. Среди всех женщин на эти рождения приходилось только 16% первых рождений (табл. 3). Более низкая, по нашим данным, доля родившихся на первом году после вступления в брак по сравнению с аналогичными показателями по другим странам, например по США, может быть объяснена тем, что у нас незначительно число добрачных зачатий, так как при обследовании учитывался фактический брак.

Распределения протогенетических интервалов по их величине в городских поселениях и сельской местности I и II групп территорий очень близки. Несколько большая растянутость ряда по сельской местности в целом обусловлена сравнительно большей долей продолжительных протогенетических интервалов в сельской местности III группы территорий, чему мы, как уже указывалось, не нашли еще объяснения.

Медианные протогенетические интервалы составили для городских поселений 1,87 года, для сельской местности всех групп территорий — 1,95, сельской местности I и II групп территорий — 1,86 года.

Если сравнить протогенетический интервал у женщин старших когорт при различном числе рождений в течение всего периода плодovitости, то окажется, что интервал этот был тем короче, чем больше общее число рожденных

⁴ Так, величины, близкие к полученным нами, установлены в Индии (S. Thapar. Fertility rates and intervals between births in a population in Delhi. Доклад на Второй всемирной конференции по народонаселению. Белград, 1965).

Распределение первых рождений по продолжительности брака *

Территория	Продолжительность брака, лет															Итого	
	до 1	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		15**
Доля первых рождений, происшедших на данном году брака, в числе всех первых рождений (в %)																	
Городские поселения . . .	16,0	39,2	20,2	9,9	4,6	2,8	2,6	1,3	1,2	0,5	0,3	0,5	0,2	0,2	0,1	0,4	100
Сельские местности, всего	15,8	35,9	19,4	10,0	6,2	3,6	2,4	2,1	1,2	0,9	0,6	0,5	0,3	0,4	0,1	0,6	100
Сельская местность I и II групп территорий	17,2	38,0	19,9	9,9	5,8	3,0	1,9	1,4	0,8	0,5	0,5	0,3	0,1	0,2	0,1	0,4	100
В среднем по всему массиву	15,9	36,8	19,6	10,0	5,8	3,4	2,4	1,9	1,2	0,8	0,5	0,5	0,3	0,3	0,1	0,5	100
Накопленная доля к данному году брака (в %)																	
Городские поселения . . .	—	16,0	55,2	75,4	85,3	89,9	92,7	95,3	96,6	97,8	98,3	98,6	99,1	99,3	99,5	99,6	100
Сельские местности, всего	—	15,8	51,7	71,1	81,1	87,3	90,9	93,3	95,4	96,6	97,5	98,1	98,6	98,9	99,3	99,4	100
Сельская местность I и II групп территорий	—	17,2	55,2	75,1	85,0	90,8	93,8	95,7	97,1	97,9	98,4	98,9	99,2	99,3	99,5	99,6	100
В среднем по всему массиву	—	15,9	52,7	72,3	82,3	88,1	91,5	93,9	95,8	97,8	98,3	98,8	99,1	99,4	99,5	99,6	100

* Данные относятся к первым рождением у женщин, вступивших в первый брак в 1920—1944 гг. и состоявших в нем до момента обследования или до 50 лет.

** Включая и рождения после 15 лет брака

женщиной детей. Так, средний протогенетический интервал (в годах) у женщин в возрасте 50—69 лет, к моменту обследования состоявших в первом браке до 50 лет, был равен:

При числе рождений . . .	1	2	3	4+	В среднем
Средний протогенетический интервал . . .	4,34	2,96	2,57	2,39	2,59

Многодетные матери отличались более ранним рождением первого ребенка, а у женщин, рожавших только один раз, этот единственный ребенок появлялся в среднем через 4,3 года после вступления в брак. Кроме возможности сознательного откладывания рождения первого ребенка здесь необходимо также иметь в виду и влияние фактора физиологической плодовитости. У женщин с пониженной физиологической плодовитостью задерживалось появление первого ребенка, а вместе с тем было меньше и число дальнейших рождений.

Если рассматривать протогенетические интервалы у женщин, вступивших в брак в разные календарные периоды, то, не считая браков, заключенных в годы войны, в более поздних когортах эти интервалы, как правило, ниже, чем в более ранних (табл. 4). Видимо, у нас, как и в некоторых зарубежных странах, наблюдается тенденция к рождению первого ребенка в более раннем периоде брачной жизни.

Таблица 4

Средний протогенетический интервал (в годах) в различных брачных когортах

Когорты (годы вступления в первый брак)	Весь массив	Городские поселения	Сельская местность			
			в среднем	в группах территорий		
				I	II	III
1920—1924	2,50	2,30	2,58	2,21	2,36	3,80
1925—1929	2,30	2,29	2,31	1,95	2,00	3,61
1930—1934	2,18	2,13	2,21	2,09	1,99	3,07
1935—1939	1,93	1,73	2,04	1,73	1,89	2,96
1940—1944	2,31	2,10	2,46	1,73	1,93	3,60
1945—1949 *	1,86	1,70	2,03	1,45	1,68	2,94

* С доисчислением, т. е. с поправкой на рождения, которые могли оказаться неохваченными вследствие краткого срока наблюдения

Интергенетические интервалы

Изменение интервалов между рожденьями в связи с очередностью рожденья. По нашим данным, как это отмечено и в аналогичных зарубежных исследованиях, по мере перехода к рожденьям более высоких очередностей интервалы между рожденьями становятся короче. Для всего массива материала это сокращение начинается с интервала между третьим и четвертым рожденьями.

Для рожденьев, происшедших в 1920—1949 гг., средний интервал (в месяцах) составлял между рожденьями:

1-м	2-м	3-м	4-м	5-м	6-м	7-м	8-м	9-м и
и 2-м	и 3-м	и 4-м	и 5-м	и 6-м	и 7-м	и 8-м	и 9-м	и 10-м и т. д.
37,8	39,3	38,6	37,4	36,8	36,5	33,6	33,6	32,1

Объясняется это явление тем, что с повышением очередности рождения из расчета начинают выпадать интервалы у женщин с малым общим числом рожденьев и, таким образом, в высоких очередностях остаются только интервалы у женщин, имевших много рожденьев. Шестое рождение, например, могло произойти, очевидно, только у женщин, имевших не менее шести рожденьев, седьмое — у имевших всего не менее семи рожденьев и т. д.

Однако большое общее число рожденьев в течение периода плодовитости, вызвано ли оно отсутствием регулирования деторождения или высокой физиологической плодовитостью, связано с короткими интервалами между рожденьями всех очередностей. Ролан Пресса приводит модель, из которой видно, как по мере перехода к высоким очередностям рождения интергенетические интервалы автоматически сокращаются⁵.

Результаты вычисления интергенетических интервалов по группам женщин с разным общим числом рожденьев подтверждают эту закономерность. Как видно из таблицы 5, чем больше число рожденьев, тем короче интергенетические интервалы. Это наблюдается как в среднем для всех рожденьев, так и для рожденьев каждой очередности. Так, интервал между первым и вторым рожденьями у женщин, имевших всего два рожденья, составляет 49,9

⁵ Р. Пресса. Народонаселение и его изучение. Демографический анализ (перевод с французского). М., изд-во «Статистика», 1966, стр. 248—249.

месяца; интервал этот сокращается по мере перехода к группам женщин с большим числом рожденьев (сначала быстро, потом все медленнее), и у женщин, имевших 9 и более рожденьев, достигает 24,6 месяца.

Вместе с тем в пределах каждой группы женщин с данным общим числом рожденьев по мере увеличения очередности рождения удлиняются интервалы между ними. Это вызвано, по-видимому, как снижением физиологической плодовитости, так в известной степени и уменьшением желания увеличивать семью и, следовательно, усилением мер предупреждения рожденьев.

Весьма характерно значительное увеличение последнего интервала, отмеченное и в других исследованиях⁶. Это явление наблюдается во всех группах женщин — как с малым, так и с большим числом рожденьев. Так, у женщин, имевших всего три рожденья, средний интервал между первым и вторым рожденьями составляет 37,3, а между вторым и третьим — 49,3 месяца. У женщин, имевших семь рожденьев, интервал между пятым и шестым рожденьями — 33,2, а между шестым и седьмым — почти 42 месяца и т. д.

Перед окончательным прекращением деторождения наступает, таким образом, довольно длительная пауза. Тот факт, что удлинение последнего интервала наблюдается и у женщин с малым общим числом рожденьев, дает основания полагать, что оно определяется не только понижением физиологической плодовитости, но и возрастанием желания приостановить дальнейшее деторождение в семьях, сознательно регулирующих его.

Распределение интергенетических интервалов по величине. В распределении интергенетических интервалов по величине значительная часть приходится на короткие интервалы. Доля интервалов продолжительностью от 12 до 23 месяцев колебалась по данным для всего массива от 25,1% между вторым и третьим рожденьями до

⁶ L. Henry. Intervalles entre naissances.— «Population», 1954, N 4, p. 759. «Current population reports. Population characteristics». Series P-20, N 108, Washington, July 1961; Dr. K. H. Mehlan, Dr. S. Falkenthal. A. születési intervallum jelentősége a nő termékenysége és egészsége szempontjából (Интервалы между рожденьями и их влияние на плодовитость и здоровье женщин). Demográfia, 1962, V. Évf, 4 Szám.

Таблица 5

Средний интервал между рождениями в зависимости от общего числа рождений у женщин *

Общее число рождений у женщин	Средний интервал (в месяцах) между рождениями									В среднем
	1-м и 2-м	2-м и 3-м	3-м и 4-м	4-м и 5-м	5-м и 6-м	6-м и 7-м	7-м и 8-м	8-м и 9-м	9-м и 10-м и т. д.	
2	49,9									49,9
3	37,3	49,3								42,8
4	32,3	38,9	49,2							39,6
5	29,4	34,0	35,3	44,3						35,3
6	28,3	30,9	34,3	34,0	40,4					33,4
7	27,6	27,2	28,1	31,0	33,2	41,9				30,3
8	25,9	25,4	27,6	27,9	29,4	31,5	39,2			29,1
9+	24,6	25,3	24,7	24,1	25,2	26,5	25,9	32,6	30,2 **	26,4

* Весь массив; включены женщины 50—69 лет, к моменту обследования состоявшие в первом браке до 50 лет.

** Несколько более низкий интервал между 9-м и 10-м и следующими рождениями объясняется приближением к возрастной границе физиологической плодовитости (50 лет), в результате чего продолжительные интервалы становятся невозможными.

32,2% между девятым и десятым и следующими рождениями (табл. 6).

Если иметь в виду, что для определения времени наступления новой беременности из интервала следует исключить 11—12 месяцев: 9 месяцев продолжительности нормальной беременности и 2—3 месяца послеродовой аменореи после предыдущего рождения⁷ (при отсутствии лактации), то оказывается, что в значительном числе случаев (приблизительно от 25 до 33%) беременность наступала в течение первого года после истечения периода послеродовой аменореи, связанной с рождением предыду-

⁷ По данным Поттера — 2 месяца (R. G. Potter. Birth intervals: structure and change. — «Population studies», 1963, v. 17, N 2). По данным Венсаня (Vincent) — 3 месяца (см. L. Henry. La fécondité naturelle. Observation, théorie, résultats. — «Population», 1961, N 4).

Таблица 6

Распределение интервалов между рождениями по величине интервала в зависимости от очередности рождения; весь массив, рождения 1920—1949 гг.

Интервалы между рождениями	Доля (в %) интервалов продолжительностью										Итого	Медиана (месяцев) **	
	до 1 года*	1 год	2 года	3 года	4 года	5 лет	6 лет	7 лет	8 лет	9 лет			10 и более лет
1-м и 2-м	3,1	30,4	30,2	13,5	7,4	4,7	3,4	2,3	1,6	1,1	2,3	100	29,2
2-м и 3-м	3,0	25,1	32,2	15,6	7,6	4,8	3,7	2,4	1,7	1,5	2,4	100	31,1
3-м и 4-м	3,0	25,9	33,0	14,9	7,5	5,0	3,1	2,4	1,6	1,4	2,2	100	30,4
4-м и 5-м	3,7	26,4	31,9	15,8	8,5	5,0	2,7	2,1	1,3	1,0	1,6	100	30,3
5-м и 6-м	4,2	25,6	33,2	15,7	7,9	5,0	3,1	1,9	1,2	0,9	1,3	100	30,3
6-м и 7-м	3,8	26,7	33,4	16,5	6,6	4,9	3,2	1,9	1,0	0,7	1,3	100	30,4
7-м и 8-м	4,5	26,8	35,1	15,9	9,0	3,5	2,2	1,4	0,6	0,5	0,5	100	29,6
8-м и 9-м	4,5	30,9	31,3	15,1	6,8	4,7	2,9	2,1	1,1	0,4	0,2	100	28,3
9-м и 10-м и т. д.	5,0	32,2	32,9	14,4	7,2	3,3	2,1	1,5	0,6	0,2	0,6	100	28,3

* Кроме интервалов продолжительностью 9—11 месяцев сюда включено незначительное число случаев до 9 месяцев, которые, по-видимому, частично были результатом ошибочного указания дат рождения.

** Медиана вычислена на основании группировки по полугодовым интервалам.

щего ребенка. А если исключить период лактации, когда вероятность беременности ниже, то срок ее наступления окажется еще более близким к предыдущему рождению.

Столь значительная доля коротких интергенетических интервалов, обнаруженная нами, не представляет собой исключительного явления. Наши данные в этом отношении очень близки к соответствующим показателям по США (табл. 7), где доля родившихся через интервал от 12 до 23 месяцев после предыдущего рождения для родившихся в 1930—1949 гг. вторыми, третьими и четвертыми колебалась от 25 до 30%, т. е. приблизительно в тех же пределах.

Медианные интервалы, которые, по нашим данным, для всего массива колеблются от 28 до 31 месяца, также указывают на большую долю коротких интервалов.

физиологической плодовитости или за-за вторичного бесплодия в результате абортов.

Для рождений, происшедших в 1920—1949 гг., удлинение интервалов сопутствовало сокращению частоты следующих рождений в городах всех трех групп территорий совершенно последовательно до пятого рождения. После пятого рождения в городах III группы и после восьмого рождения в городах всех трех групп эта закономерность несколько нарушается. По-видимому, тут сказались случайные колебания, вызванные малым числом наблюдений.

В городах всех трех групп территорий доля следующих рождений сильно сокращалась после второго рождения. Вместе с тем удлинялся интервал между вторым и третьим рождениями. Большое сокращение доли следующих рождений и удлинение интервала после второго рождения характеризуют тип формирования семьи в городском населении, где наибольшее число женщин имело только два рождения.

По нашей разработке когорта городских женщин 1910—1914 гг. рождения (последняя когорта, которая может быть нами прослежена до возраста 45—49 лет) распределялась по общему числу рожденных детей следующим образом:

Число рожденных детей	Доля женщин с данным числом рожденных, ‰	Число рожденных детей	Доля женщин с данным числом рожденных, ‰
1	216	6	49
2	260	7	39
3	209	8	19
4	120	9+	22
5	66		

Относительно большая длительность интервала между вторым и третьим рождениями (у многих женщин последнего) в некоторых случаях была, по-видимому, результатом сознательного планирования появления третьего ребенка в более поздний срок, а в других — следствием случайного срыва мер предупреждения деторождения после некоторого периода успешного их применения.

По данным, относящимся к Москве, наиболее длинный интервал (52,6 месяца) наблюдается между первым и вторым рождениями. Это свидетельствует о том, что в Москве в большом числе случаев откладывалось рождение уже второго ребенка.

Сокращение интервалов между рождениями высоких очередностей, наблюдавшееся и в городах, объясняется, как уже указывалось, выпадением из расчетов женщин с малым числом рождений.

Интересно отметить, что вычисленные нами интервалы между рождениями для городских поселений территорий с низкой рождаемостью (I группа) очень близки к аналогичным показателям в ГДР (табл. 9).

Таблица 9

Средний интервал между рождениями

Территория	Средний интервал (в месяцах) между рождениями							
	1-м и 2-м	2-м и 3-м	3-м и 4-м	4-м и 5-м	5-м и 6-м	6-м и 7-м	7-м и 8-м	8-м и 9-м и т. д.
ГДР, 1960 *	45,4	46,3	42,9	38,1	34,3	31,6	29,0	27,8
СССР, городские поселения I группы территорий	45,7	48,0	44,7	40,5	35,6	33,5	33,8	28,5**

* К.— Н. Mehlan und S. Falkenthal. Die Geburtenabstände und ihre Bedeutung für die Fruchtbarkeit und Gesundheit der Frau. — «Zentralblatt für Gynäkologie», 1963, Н. 24, S. 839.

** Между 9-м и 10-м и т. д.

Результаты сравнения показателей в сельских местностях трех групп территорий за период 1920—1949 гг. дают возможность сделать вывод о существовании в них разных типов формирования семьи.

Сельская местность территорий с высокой рождаемостью (III группа) отличалась большей частотой следующих рождений, сравнительно мало изменяющейся с повышением их очередности. Интергенетические интервалы колеблются от 34 до 36 месяцев.

По данным Анри, средний интервал между рождениями в условиях физиологической плодовитости — «естественный» интервал — составляет 33 месяца⁸. К аналогич-

⁸ L. Henry. Etude statistique de l'espacement des naissances. — «Population», 1951, N 3.

ному выводу приходит Поттер⁹. Основываясь на длительности компонентов этого интервала (послеродовой аменореи, ановулярных циклов, времени после овуляции, требующегося для зачатия, беременности), он заключает, что средний интервал до 34 месяцев свидетельствует об отсутствии предупреждения деторождения. Колебания между интервалами в этих условиях зависят в основном от периода лактации, который в сельской местности III группы территорий довольно продолжителен.

Таким образом, сельское население III группы территорий по типу формирования семьи относится к населению, не регулирующему ни числа детей, ни времени их появления.

Это в известной степени подтверждается тем, что интергенетические интервалы не имеют здесь тенденции к сокращению с повышением очередности рождения, т. е. что мало рожавших женщин почти нет и выпадение их из расчета не может сказаться на показателях.

Совершенно иная картина наблюдалась в сельской местности I группы территорий — с наиболее низкой рождаемостью. Относительное число следующих рождений значительно снижалось с повышением очередности рождения и для каждой очередности было гораздо ниже, чем в III группе. Так, для пятого рождения оно составляло в I группе 65%, в то время как в III группе достигало 90%. Вместе с тем интергенетические интервалы (до интервала между четвертым и пятым рождениями) здесь значительно выше интервалов в III группе, которые, как указывалось, можно принять за типичные для нерегулируемой рождаемости. Эти данные указывают, таким образом, на то, что среди сельского населения I группы территорий распространено регулирование как числа детей, так и времени их появления.

Промежуточное положение занимала сельская местность группы территорий со средней рождаемостью (II группа). Здесь процент следующих рождений для всех очередностей был ниже, чем в III группе, а интервалы — очень близкими к «естественным».

По средним данным за 1920—1949 гг. можно было бы заключить, что в сельской местности II группы территорий

практиковалось ограничение числа детей, но не регулировалось время их появления. Однако анализ данных в динамике обнаруживает, что и в этой группе уже в довоенный период (1930—1934 гг.) средние интервалы между рождениями стали повышаться. Таким образом, население и этих территорий переходит к регулированию деторождения в отношении как числа рождений, так и интервалов между ними.

Динамика интергенетических интервалов по календарным периодам. Средние интервалы между рождениями, происшедшими в данном календарном периоде, и следующими по очереди рождениями (независимо от того, в какие годы они произошли) в течение довоенного периода систематически увеличивались (табл. 10). Мы рассматриваем здесь изменения лишь для первых четырех очередностей рождения (в городах — для первых трех), поскольку динамика интервалов для более высоких очередностей обусловлена не только действительным их изменением, но и изменением доли интервалов, относящихся к женщинам с разным числом рождений.

Интервалы между рождениями, происшедшими в 1920—1924 гг. и в следующие годы, даже в городах находились на уровне средних физиологических. Но в дальнейшем интервалы в городах повышались и почти для всех рождений четырех первых очередностей, происшедших в 1930—1934 гг. и в 1935—1939 гг., превышали 41 месяц.

Необходимо отметить, что сроки следующих рождений для рождений 1935—1939 гг. были в известной степени обусловлены факторами, действовавшими в противоположных направлениях. В некоторой (хотя и меньшей) степени это относится и к рождениям 1930—1934 гг. С одной стороны, постановление о запрещении абортс приблизило время части рождений, поскольку некоторые беременности, которые, возможно, до запрещения абортс были бы прерваны (а соответствующие рождения отложены), закончились родами. С другой стороны, некоторые из возможных следующих рождений для этого периода должны были прийти уже на годы войны, а фактически могли произойти только после ее окончания.

Для рождений, происшедших в годы войны, естественно, была характерной отсрочка следующих рождений, и поэтому для рождений 1940—1944 гг. интервалы больше.

⁹ R. G. Potter. Birth intervals: structure and change.— «Population studies», 1963, v. 17, № 2.

Таблица 10

Динамика средних интервалов между рождениями

Очередность рождения	Средний интервал между данным и следующим рождением по годам, когда произошло данное рождение					Медианный интервал	
	1920—1924 гг.	1925—1929 гг.	1930—1934 гг.	1935—1939 гг.	1940—1944 гг.	1935—1939 гг.	1945—1949 гг.
Весь массив							
1	33,0	34,7	37,7	38,9	46,6	28,6	30,1
2	33,3	35,6	40,5	41,4	49,9	30,9	31,5
3	32,0	37,0	38,8	38,1	47,9	29,3	33,3
4	31,1	32,8	39,6	38,7	44,5	31,4	31,6
Городские поселения							
1	32,6	37,7	42,7	41,2	49,4	29,3	33,2
2	32,5	37,9	44,2	44,2	57,0	32,2	34,1
3	36,8	38,3	38,9	41,2	52,7	29,9	34,8
Сельская местность, всего							
1	33,0	34,0	36,2	37,9	45,0	28,3	28,7
2	33,4	35,3	39,9	40,4	47,1	30,5	30,3
3	31,2	36,8	38,8	37,4	46,3	29,1	32,8
4	31,4	32,7	38,9	38,2	44,6	30,8	31,4
Сельская местность I группы							
1	34,4	39,2	42,3	42,0	47,4	30,2	34,1
2	33,8	42,3	47,0	47,1	47,0	35,1	34,8
3	32,7	42,9	45,1	42,2	44,3	30,8	35,3
4	31,8	36,2	45,5	42,9	47,3	34,9	32,2
Сельская местность II группы							
1	31,5	31,2	33,8	36,4	46,5	27,1	27,0
2	30,5	32,6	37,9	38,5	49,2	29,5	30,8
3	29,4	33,6	38,7	37,6	48,9	29,2	32,1
4	30,0	31,3	38,8	37,7	44,3	29,5	30,6
Сельская местность III группы							
1	35,6	33,8	32,6	34,4	39,2	28,3	29,5
2	39,4	34,3	36,4	35,2	44,1	29,0	28,1
3	33,5	38,5	34,4	33,0	44,1	28,0	30,0
4	34,1	33,0	35,0	35,7	42,9	29,7	31,9

Изменение длины интергенетических интервалов в послевоенном периоде по сравнению с довоенным может быть установлено путем сравнения интервалов для рождений, происшедших в 1935—1939 и в 1945—1949 гг. Так как в отношении рождений 1945—1949 гг. некоторая (хотя, вероятно, незначительная) часть отдаленных следующих рождений могла оказаться за пределами периода наблюдения (он заканчивался 1 января 1960 г.), то для такого сравнения мы вместо средних воспользовались медианами, поскольку на них неучтенные крайние значения должны были оказать меньшее влияние. Сопоставление медианных интервалов для рождений 1945—1949 и 1935—1939 гг. обнаруживает, как правило, удлинение по первым четырем очередностям рождения (см. табл. 10).

Таким образом, динамика протогенетических и интергенетических интервалов имела противоположный характер. Первое рождение — начало формирования семьи — стало происходить во все более раннем периоде после вступления в брак. Однако темпы дальнейшего роста семьи замедлялись — интервалы между следующими рождениями увеличивались.

Зависимость между интергенетическими интервалами и возрастом женщины. Важно установить, в какой мере интервалы между рождениями определяются возрастом женщин. Вычисление средних интергенетических интервалов по очередности рождения и возрасту женщин обнаруживает:

1) для всех очередностей рождения — сокращение интервалов между рождениями данной очередности и следующими у женщин 45—49 лет;

2) значительное увеличение интервалов у женщин в возрасте 40—44 лет, особенно в низких очередностях рождения.

Первое из этих явлений — результат того, что для женщин этих возрастов (45—49 лет) исключена возможность родить через продолжительное время из-за приближения к физиологической границе плодотворного периода. Второе явление представляет собой отражение уже отмеченного нами факта — удлинения интервала, предшествующего рождению последнего ребенка. Очевидно, для большинства женщин, родивших в этом возрасте, следующее рождение было последним.

Причины, обусловившие изменение длительности ин-

Средний протогенетический интервал (в годах) в зависимости от возраста вступления в брак *

Возраст при вступлении в брак	Городские поселения		Сельская местность			Весь массив
	все группы	I и II группы	все группы	I и II группы	III группа	
16—17 лет	2,30	2,29	2,65	2,15	3,34	2,59
18—19 лет	1,95	1,91	2,40	2,05	3,30	2,27
20—24 года	1,78	1,75	1,91	1,83	2,55	1,86
25—29 лет	1,87	1,86	1,93	1,91	2,37	1,91
30 лет и более	1,74	1,75	2,59	2,59	. . . **	2,38

* Включены женщины, вступившие в первый брак в 1920—1944 гг. и состоявшие в нем до момента обследования или до 50 лет.

** Малое число случаев.

тервалов между рождениями в остальных возрастных группах, в частности обнаруженное при разработке увеличение их в первых очередностях в возрасте 25—29 и 30—34 лет, не столь ясны. Надо полагать, что роль «последнего интервала» здесь также немаловажна. Для внесения ясности в этот вопрос разработка должна производиться с группировкой по общему числу рождений у женщины, чего мы не могли сделать по техническим причинам.

Из методических установок, которые имели бы значение для будущих исследований данного вопроса, необходимо обратить внимание на целесообразность параллельной разработки по возрасту женщины на начало интервала между рождениями и возрасту на конец его. В исследовании, произведенном по индийским данным, обнаружено, что при такой двойной группировке характер связи между возрастом женщины и длиной интервала между рождениями различается в зависимости от того, из какого возраста исходить¹⁰.

Возраст, когда женщина вступила в брак, оказывает существенное влияние на срок появления первого ребенка. По нашим данным, как это отмечалось и в других работах, в частности в нашем исследовании по Закавказью¹¹, протогенетический интервал был наиболее длительным у женщин, вступивших в брак в самом молодом возрасте — 16—17 лет¹² (табл. 11). Самое раннее первое рождение наблюдалось у женщин, вступивших в брак в возрасте 20—24 лет.

Протогенетические интервалы в сельской местности I и II групп территорий мало отличаются от интервалов в соответствующих возрастах вступления в брак в городах (за исключением малочисленной группы женщин, вступивших в брак старше 30 лет). В отношении значительного превышения интервалов по сельской местности III группы, пока еще не нашедшего объяснения, здесь сле-

¹⁰ R. G. Potter, Y. E. Gordon, M. Parker and Y. B. Wyon. A case study of birth interval dynamics.— «Population studies», July 1965.

¹¹ Р. И. Сифман. Рождаемость в селах Закавказья с начала XX века до Великой Отечественной войны.— Сб. «Проблемы демографической статистики». М., изд-во «Наука», 1966.

¹² Плодовитость вступивших в брак до 16 лет мы не смогли проанализировать из-за малочисленности таких случаев.

дует отметить, что явление это наблюдается во всех группах по возрасту вступления в брак.

На интервалы между дальнейшими рождениями возраст вступления женщины в брак не оказывает столь большого влияния, как на срок первого рождения. Изменение интергенетических интервалов в связи с возрастом вступления в брак не обнаруживает четких закономерностей. Следует лишь отметить, что женщины, вступившие в брак в 20—24 года, у которых раньше всего происходило первое рождение, отличаются наибольшими интервалами между следующими рождениями почти для всех очередностей.

Интервалы у всех женщин и у женщин, состоящих в первом браке. У поколения женщин, которые были объектом нашего исследования, интергенетические интервалы вне зависимости от того, в каком браке произошли рождения и произошли ли они в браке или вне его, должны были отличаться от интервалов между рождениями, происшедшими в непрерывном браке. Больше число повторных браков как следствие прерванных войной семейных связей должно было привести к удлинению интервалов между рождениями, если бы мы рассматривали их безотносительно к тому, прерывался брак или нет. Это относится

главным образом к интервалу между первым и вторым рожденьями, так как случаи повторного вступления в брак женщин с несколькими детьми встречались, конечно, значительно реже. Наши разработки дают возможность определить влияние непрерывности брака на интервал между первым и вторым рожденьями, что достигается сопоставлением этого интервала в двух группах женщин с законченным периодом плодovitости (50—69 лет к моменту обследования): а) состоявших в первом браке до конца этого периода и б) всех женщин, независимо от их состояния в браке.

Во второй группе женщины интервалы вычислялись как средняя разность между возрастом женщины при рождении последнего и первого ребенка у имевших два рождения. Средний интервал составлял в этой группе около 5 лет, или 60 месяцев (табл. 12), в первой же группе был равен 49,9 месяца (табл. 5).

Надо полагать, что в послевоенный период, когда повторных браков заключается меньше, разница в интервалах между рожденьями в этих двух группах женщин менее значительна, и поэтому требование изучать их в отношении непрерывного брака сейчас уже не столь обязательно. Это важно установить для решения вопроса о методике дальнейшего изучения интергенетических интервалов.

Интервал между первым и последним рожденьями. Интервал между первым и последним рожденьями характеризует продолжительность периода фактической плодovitости женщин. Период потенциальной физиологической плодovitости составляет, как известно, около 35 лет. Фактически деторождение происходит лишь в течение незначительной части этого времени. Для женщин в возрасте 50—69 лет к моменту обследования интервал между первым и последним рожденьями равен был по всему массиву в среднем только 13 годам: 10,5 года в городских поселениях и 13,7 года в сельской местности (см. табл. 12). Однако показатель этот дает, очевидно, преувеличенное представление о фактическом периоде деторождения, поскольку он вычислен на основании данных о женщинах, имевших не менее двух рождений. Имевшие только одно и не имевшие ни одного рождения в расчет не были приняты.

Интервал между первым и последним рожденьями

Таблица 12

Средний интервал (в годах) между первым и последним рожденьями у женщин с законченным периодом плодovitости (50—69 лет к моменту обследования)

Территория	Общее число рождений				
	2	3	4—5	6+	в среднем
Городские поселения					
Москва	5,8	8,7	12,9	17,2	9,6
I группа	5,2	8,9	12,1	16,5	10,2
II группа	4,7	7,9	11,8	17,1	10,7
III группа	4,9	7,9	11,5	16,9	10,7
В среднем	5,0	8,3	11,9	16,9	10,5
Сельская местность					
I группа	5,0	8,7	12,1	17,5	11,6
II группа	5,0	7,7	11,8	17,8	13,5
III группа	5,3	9,3	13,6	20,4	17,3
В среднем	5,0	8,3	12,2	18,5	13,7
Весь массив	5,0	8,3	12,1	18,3	13,0

сильнейшим образом зависит, конечно, от общего числа рожденных женщиной детей. В результате различий в числе рождений он составлял в сельской местности I группы республик 11,6 года, II группы — 13,5, III группы — 17,3, а в Москве — только 9,6 года. При одном и том же общем числе рождений колебания интервала между первым и последним рожденьями по различным территориям были незначительны (см. табл. 12).

Разным общим числом рожденных детей прежде всего обусловлены и колебания продолжительности интервала в зависимости от возраста вступления в брак. У женщин, вступивших в брак в возрасте до 19 лет, этот интервал составляет в среднем 14,8 года. С повышением возраста вступления в брак он сокращается и достигает 6,3 года у вступивших в брак в возрасте 30 лет и старше (табл. 13).

Установленная зависимость между продолжительностью периода деторождения у женщин, имевших не менее двух рождений, и возрастом вступления их в брак соответствует колебаниям в суммарной плодovitости при

Таблица 13

Средний интервал (в годах) между первым и последним рождением в зависимости от возраста вступления в брак; весь массив

Возраст вступления в брак	Общее число рождений				
	2	3	4—5	6+	В среднем
До 19 лет	5,2	8,8	12,9	19,2	14,8
20—24 года	5,3	8,3	11,8	17,0	11,9
25—29 лет	4,4	7,3	10,2	14,9	8,8
30 лет и позже	3,9	6,8	8,4	15,0	6,3

различном возрасте вступления в брак, которые наблюдаются, по нашим данным, у женщин с законченным периодом плодovitости. Чем раньше вступила женщина в брак, тем выше у нее суммарная плодovitость. Так, показатели суммарной плодovitости для женщин 50—69 лет, к моменту обследования состоявших в первом браке до 50 лет, были следующими:

Возраст вступления в первый брак	Среднее число рождений на 100 женщин
16—17	540
18—19	501
20—24	413
25—29	290
30 лет и позже	180

Однако и при одном и том же общем числе рождений раннее вступление в брак приводит к длительному периоду деторождения, позднее вступление в брак — к более короткому периоду (см. табл. 13). Обусловлено это, очевидно, тем, что при позднем вступлении в брак женщина располагает меньшим временем для выполнения своей программы деторождения.

* * *

Интервалы между рождениями и между вступлением в брак и первым рождением, вскрывая темпы формирования семьи в разных группах населения, позволяют глубже

вникнуть в закономерности образования семьи и процесса рождаемости. Введение соответствующих показателей в систему информации о воспроизводстве населения дало бы возможность более правильно оценить уровень рождаемости и сделать более точным прогноз будущего числа рождений, а следовательно, и прогноз роста населения.

В качестве статистических материалов могут быть использованы данные ретроспективных наблюдений — опросов женщин о рожденных ими детях. Целесообразно включить соответствующие показатели и в систему текущей информации о естественном движении населения. Для этого в программе регистрации рождений вопрос об очередности рождения данного ребенка необходимо дополнить указанием даты предшествующего рождения. В некоторых странах (Франция, Венгрия и другие) это делается. Анализ протогенетических и интергенетических интервалов в текущем порядке позволил бы оценить влияние изменений в них на уровень рождаемости. Он пролил бы свет на вопрос, в какой мере динамика рождаемости обусловлена не только изменением размера семьи, но и изменением темпов ее формирования.

Однако данные текущей регистрации не могут полностью заменить здесь результатов специальных обследований. Они не дают возможности определить общее число детей, рожденных женщиной в течение всей ее жизни, которое служит важнейшим группировочным признаком при разработке данных об интергенетических интервалах и может быть установлено только путем опроса женщин с законченным периодом плодovitости.

Надо надеяться, что этот еще мало изученный вопрос — вопрос о величине протогенетических и интергенетических интервалов в разных группах населения и в разные периоды времени подвергнется у нас дальнейшему изучению и займет прочное место в углубленных исследованиях рождаемости.

ВЛИЯНИЕ СМЕРТНОСТИ В РАЗНЫХ ВОЗРАСТАХ НА УВЕЛИЧЕНИЕ СРЕДНЕЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

В демографической статистике общепризнано, что для правильного измерения уровня смертности определенного населения в конкретный отрезок времени следует исключать таблицы дожития, или, как их часто называют, таблицы смертности. Такие таблицы показывают, как постепенно убывает поколение новорожденных в силу воздействия меняющейся с возрастом смертности. По этим таблицам определяется и средняя продолжительность дальнейшей жизни для новорожденных или для тех, кто достиг определенного возраста¹.

Средняя продолжительность жизни новорожденного считается наиболее правильным методически и наиболее совершенным обобщающим измерителем уровня смертности. Вот уже не первое столетие, как этого взгляда придерживается теория и практика демографической статистики во всем мире, хотя последние еще не всюду отошла и от значительно менее совершенного показателя — общего коэффициента смертности на 1000 жителей всей страны, области, города и т. п.

¹ Среднюю продолжительность предстоящей жизни, или средний табличный возраст смерти, можно вычислить только путем построения таблиц смертности. Величина этого показателя не зависит от возрастной структуры населения, и в этом его принципиальное отличие от среднего возраста умерших.

Несмотря на исторически окрепшую традицию применения показателя средней продолжительности жизни в качестве обобщающего измерителя уровня смертности, этому показателю присущ один весьма существенный дефект. Средняя продолжительность жизни, или *средний табличный возраст смерти*, как всякая средняя величина, должна быть типической, т. е. должна быть основана на таком распределении признака, в котором вблизи этой средней располагается возможно большее число случаев.

Между тем многовековой статистический опыт повсеместно показал, что в обычных условиях — при отсутствии войны, голода, стихийных бедствий — распределение умерших по возрастам имеет не один, а два максимума. Число умерших велико при рождении и в ближайший к нему период жизни и постепенно убывает к 10—15 годам. Второй максимум числа умерших приходится на конец работоспособного возраста или на старческие возраста. Поэтому средняя продолжительность жизни новорожденного оказывается величиной атипичной, лежащей между двумя характерными максимумами табличной частоты смертных случаев. Ее величина при прочих равных условиях зависит от соотношения между числами смертей детей и взрослых, а это соотношение бывает весьма различным.

Понятно, что в населении, имеющем более высокие по-возрастные показатели смертности, средняя продолжительность жизни будет ниже, так как это величины, так сказать, обратные. Однако зависимость между ними не так проста. Допустим, что во всех возрастах смертность уменьшилась одинаково, скажем, ровно наполовину. (Пример этот чисто гипотетический, потому что смертность обычно сильнее изменяется в детских и самых молодых возрастах и меньше всего у пожилых и стариков; бывает даже, что в одних возрастах она уменьшается, а в других возрастает.) Однако неправильно было бы предполагать, что в этом случае средняя продолжительность жизни удвоится; в действительности она изменится иначе, в зависимости от того, какой набор по-возрастных вероятностей смерти имеет место в данном населении.

Чтобы судить о том, как велики могут быть различия в этом отношении, приведу здесь некоторые иллюстрации. Как известно, первой научно построенной таблицей дожи-

тия является таблица Эдмунда Галлея для лютеран польского города Вроцлава по данным 1687—1691 гг., которая с достаточной степенью приближения отразила условия смертности XVII—XVIII столетий². В качестве более близкого к нам времени можно взять таблицу для США за 1900—1902 гг.³ и социалистической Чехословакии за 1958 г.⁴

Распределение умерших по возрасту (в %) в этих таблицах (мужчины и женщины вместе⁵) радикально отличаются друг от друга:

Интервал возраста	Вроцлав, 1687—1691 гг.	США, 1900—1902 гг.	Чехословакия, 1958 г.
0—1	28,11	12,45	2,90
1—15	21,41	8,59	1,00
15—60	31,34	31,01	14,99
60+	19,14	47,95	81,11
Итого . . .	100	100	100

Согласно таблице Галлея, 28,11% новорожденных умерло на первом году жизни; к началу этого столетия в США этот процент снизился до 12,45%, а в Чехословакии теперь составляет лишь 2,90%, т. е. почти в десять раз меньше, чем был во Вроцлаве. Еще сильнее, более чем в 21 раз, уменьшилась доля детей, умерших в возрасте от 1 до 15 лет. Относительное число умерших в рабочем возрасте (15—60 лет) в первых двух таблицах почти тождественно, но к 1958 г. оно снизилось до 14,99%, т. е. более чем в два раза. В результате в то время как, согласно таблице Галлея, возраст 60 лет переживало около одной пятой поколения, по таблице для Чехословакии — уже больше четырех пятых поколения.

В соответствии с наличием двух максимумов смерти и изменением высоты смертности по возрасту всю таблич-

² М. В. Птуха. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., Госполитиздат, 1945, стр. 80—103.

³ «United States life tables 1890, 1901, 1910 and 1901—1910», by James W. Glower. Washington, 1921, p. 52—53.

⁴ «Statistická ročenka Československé socialistické republiky. 1960». Praha, 1960, p. 80.

⁵ Показатели для обоих полов исчислены автором по пропорции мальчиков и девочек при рождении в 1958 г.

ную совокупность умерших можно разбить на две части: детей до 15 лет и взрослых, считая таковыми тех, кому исполнилось 15 лет. Сопоставим данные трех таблиц дожития (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение показателей трех таблиц

Возраст	Вроцлав 1687—1691 гг.	США 1900—1902 гг.	Чехословакия 1958 г.
А. Распределение табличных смертей по возрасту, ‰			
0—15	4952	2104	390
15+	5048	7896	9610
Итого . . .	10 000	10 000	10 000
Б. Средний табличный возраст смерти, лет			
0—15	2,26	2,06	1,67
15+	52,19	61,81	72,45
Для всех возрастов	27,46	49,24	69,70
В. Средний табличный возраст смерти, данные таблицы Галлея = 100			
0—15	100	91	74
15+	100	118	139
Для всех возрастов	100	179	254

Из чисел средней части таблицы (Б) достаточно отчетливо видна условность выведения общей средней продолжительности жизни из двух столь различных совокупностей, как дети, умирающие в среднем после двух лет жизни, и взрослые, доживающие в среднем до 52—72 лет. В таблице Галлея веса обеих групп — детей и взрослых — были почти одинаковы и общая средняя — 27,46 года, — будучи простой арифметической средней между 2 и 52 годами, особенно фиктивна. Но, по мере того, как доля детей в общей массе табличных смертей снижается, средняя продолжительность жизни новорожденного приближается к среднему табличному возрасту смерти взрослых и перестает быть столь фиктивной величиной, как когда-то.

Следует подчеркнуть, что средние величины продолжительности жизни в этих двух основных группах изменяются в разных направлениях. В то время как средняя продолжительность жизни взрослых повышается, средний табличный возраст смерти детей, наоборот, как правило,

снижается. Это объясняется тем, что ранняя детская смертность особенно туго поддается сокращению, и поэтому ее роль в образовании общего числа детских смертей повышается, что и снижает среднюю для всех детей. Таким образом, динамика средней продолжительности жизни новорожденного, как видно из таблицы (раздел В), оказывается значительно более благоприятной, чем динамика продолжительности жизни взрослых. В нашем примере первая выросла в 2,5 раза, в то время как вторая — лишь в 1,4 раза. Общая средняя продолжительность жизни (для новорожденного) увеличивается вследствие двух обстоятельств: 1) большего дожития родившихся до вступления в рабочий возраст в результате снижения смертности детей и 2) продления долголетия взрослых.

О том, что произведенное здесь сопоставление трех таблиц дожития отражает основные тенденции исторического развития результатов борьбы за долголетие, можно судить, сравнив показатели отдельных стран за длительный промежуток времени. Вполне оправдываемо желание проследить этот процесс на материалах нашей родины. Пользуясь опубликованными данными, можно составить следующую таблицу изменения средней продолжительности жизни в СССР (оба пола вместе) ⁶:

Возраст	1896—1897 гг.	1926—1927 гг.	1958—1959 гг.
1. 0—15	1,84	1,76	2,05
2. 15+	59,83	64,48	73,22
3. Все возраста	32,37	44,35	68,59
Разность (2—3)	27,46	20,13	4,63

По функциям, имеющимся в таблицах дожития ⁷, эти два значения среднего табличного возраста смерти (0—

⁶ «Смертность и продолжительность жизни в СССР, 1926—1927 гг.». Изд. ЦУНХУ Госплана СССР. М.—Л., 1930; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том». М., Госстатиздат, 1962, стр. 262—279.

Таблицы 1896—1897 и 1926—1927 гг. относятся только к Европейской части СССР.

⁷ Здесь и далее мы пользуемся принятыми в демографической статистике обозначениями табличных величин:

l_x — число доживающих до точного возраста x лет;

L_x или $L_{x/x+a}$ — число живущих в возрасте от x до $x+1$ или от x до $x+a$ лет;

d_x или $d_{x/x+a}$ — число умирающих в интервале возраста x , $x+1$ или x , $x+a$;

15, 15+) были найдены так: по таблице для лиц обоих полов в СССР в 1958—1959 гг. дожившие до 15 лет проживали еще 58,22 года, т. е. умирали в среднем $58,22 + 15 = 73$ -летними. Иными словами, средний табличный возраст смерти взрослых $\bar{x}_{взр} = 15 + e^0_{15}$. Для определения среднего табличного возраста умерших до 15 лет ($\bar{x}_{дет.}$) рассуждаем следующим образом. Если бы в этих возрастах никто не умирал, то в интервале от 0 до 15 лет было бы прожито $100\,000 \times 15$, т. е. $l_0 \times 15$. Фактически же было прожито $L_0 + L_1 + \dots + L_{15} = T_0 - T_{15}$ лет. Это значит, что всем поколением родившихся недожито $15l_0 - (T_0 - T_{15})$ лет. В возрасте от 0 до 15 лет умерли $(l_0 - l_{15})$ человек. Каждый умерший недожил в среднем $\frac{15l_0 - (T_0 - T_{15})}{l_0 - l_{15}}$ лет. Следовательно, средний табличный возраст смерти детей в возрасте до 15 лет равен:

$$\bar{x}_{дет.} = 15 - \frac{15l_0 - (T_0 - T_{15})}{l_0 - l_{15}}.$$

Нетрудно заметить, что направление общих изменений в смертности населения и у нас соответствует тому, что в начале статьи обнаружено было сопоставлением трех различных таблиц, с той только разницей, что изменения произошли за несравненно более короткий срок, причем основные достижения в удлинении жизни принадлежат периоду уже после Великой Отечественной войны.

Сравнение второй и третьей строк таблицы (стр. 138) обнаруживает, что в СССР решающее значение в продлении средней продолжительности жизни (для новорожденного) имело падение высокой прежде смертности детей и соответствующее повышение дожития до начала работоспособного возраста (условно до 15 лет). Средний табличный возраст смерти для доживших до 15 лет увеличился с 60 до 73 лет, между тем как общая средняя продолжительность жизни выросла с 32 до 69 лет, что почти втрое превышает удлинение жизни взрослых. Заслуживает внимания то, что разрыв между средней продолжительностью жизни при рождении с 27,5 года в 1896—1897 гг. сокра-

T_x — сумма лет жизни для поколения таблицы, начиная с возраста x лет и до конца жизни;

e^0_x — средняя продолжительность дальнейшей жизни для тех, кому исполнилось x лет. В частности, e^0_0 — средняя продолжительности жизни новорожденного.

тился до 4,6 года в 1958—1959 гг. Очевидно, это произошло благодаря резкому повышению дожития детей, т. е. резкому перераспределению весов между первой и второй возрастными группами при выводе общей средней. В 1896—1897 гг. соотношение этих весов было 526 : 474, а в 1958—1959 гг. — приблизительно 75 : 925.

Итак, простое сопоставление средней продолжительности жизни новорожденного следует признать недостаточным для общей характеристики уровня смертности при сравнении последней как во времени, так и между отдельными странами, городами, общественными классами, национальностями и т. п. В этом случае необходимо как минимум выделить показатели средней продолжительности жизни взрослых и детей, т. е. вывести два отдельных, но типических показателя средней продолжительности жизни. Так как средний табличный возраст смерти детей меняется относительно мало и изменения эти почти не влияют на величину средней продолжительности жизни новорожденного, то в качестве общей характеристики смертности можно принять разность между средней продолжительностью жизни новорожденных и достигших 15 лет. Чем больше разрыв между ними, тем большее значение для данного населения имеет более высокая смертность в возрастах от 0 до 15 лет.

* * *

Среди широких кругов населения существует неправильное представление о средней продолжительности жизни для населения в целом или, точнее, о *показателе средней продолжительности предстоящей жизни для новорожденного*. Средняя продолжительность жизни населения СССР выросла с 32 лет в 1896—1897 гг. до 69 лет в 1958—1959 гг., т. е. более чем вдвое⁸. По этому поводу рассуждают приблизительно так: раньше, до революции, люди доживали, конечно, до разного возраста, но в среднем жизнь их обрывалась где-то около 32 лет. Теперь же она удлинилась до 69 лет. Следовательно, основной выигрыш приходится на период между 32-м и 69-м годами, т. е. на цветущий работоспособный возраст, и лишь частично захватывает и «пенсионный возраст».

Такое представление о характере изменений в смерт-

⁸ «Народное хозяйство СССР в 1960 году». Статистический ежегодник. М., Госстатиздат, 1961, стр. 62 и 155.

ности и действительном удлинении жизни является, однако, ошибочным, так как превратно трактует суть перемен, происходящих в смертности и долговечности человеческой жизни. Оно было бы приблизительно правильным, если бы величины средней продолжительности жизни были типическими, т. е. если бы раньше основная масса умирающих действительно концентрировалась возле 32 лет, а теперь возле 69 лет. Однако дело обстоит совсем не так: величины средней продолжительности жизни, как было показано в начале статьи, только сравнительно недавно — каких-нибудь 10—20 лет назад, да и то далеко не повсеместно, начали приближаться к такому состоянию. А такие величины средней продолжительности жизни, как 40 и даже 50 лет, были в сущности столь же фиктивными, как, скажем, средний доход на душу населения в капиталистическом мире, исчисленный для бедняков-тружеников и миллионеров вместе взятых.

Дело в том, что в данном случае неправильно персонифицировать результат исчислений средней продолжительности жизни, производимых для поколения родившихся. Отдельный человек не может умереть 60-летним, не прожив целого года на первом году своей жизни, целого года на втором и т. д. вплоть до смерти. А при вычислении показателя средней продолжительности жизни для совокупности лиц в каждом одногодичном интервале возраста, благодаря тому, что в нем кто-либо все же умирает, проживается в среднем *не по одному году, а всегда меньше*, причем настолько меньше, насколько недожили в этом возрасте умершие, т. е. в зависимости от частоты смертных случаев в этом возрасте (точнее, еще и от распределения умерших в пределах данного возрастного интервала).

Прослеживая в таблице дожития постепенное вымирание с возрастом поколения родившихся, мы можем убедиться, что в условиях смертности 1896—1897 гг. каждый новорожденный проживал на первом году жизни в среднем не целый год, а 0,8171 года, на втором году — 0,6813, на 20-м — 0,5132, на 40-м — 0,4321, на 60-м — 0,2997 года и т. д. Суммирование этих величин по всем интервалам возраста и дает *среднюю продолжительность жизни* для данного населения в данный период времени. Поэтому неправильно представлять себе, будто бы средняя величина 32,37 года в 1896—1897 гг. состояла из 32

полных одногодичных групп (первого, второго и т. д. лет жизни) и последней дробной 0,37, приходящейся на интервал между 32-м и 33-м годами жизни. В действительности вся эта величина получена из дробных частичек года, прожитых в разных одногодичных интервалах возраста, в том числе и в возрастах больше 33 лет, т. е. в возрастах больших (и намного больших) величины средней продолжительности жизни для того времени.

Точно так же и увеличение средней продолжительности жизни с 32 до 69 лет совсем не значит, что действительный ее прирост падает на возраст между 30-м и 70-м годами жизни. На самом деле он возник в результате того, что смертность, правда далеко не в одинаковой мере, понизилась во всех возрастах, вследствие чего в каждом возрасте стало меньше умирать и больше доживать до следующего возраста, а поэтому табличное поколение новорожденных стало проживать в каждом возрастном интервале больше, чем раньше. Таким образом, действительное приращение жизни складывается из разных приращений длительности жизни в разных возрастах. Если с 1957—1958 до 1958—1959 гг. средняя продолжительность жизни в СССР выросла с 68 до 69 лет, то это совсем не значит, что удлинилась жизнь стариков; на самом деле в этом приращении приняли участие все возраста, причем приращение жизни старых людей практически сыграло тут как раз наименьшую роль.

Итак, вычисляемая при помощи таблицы дожития средняя продолжительность жизни может быть получена двумя способами: во-первых, как средний (взвешенный) возраст умерших, во-вторых, как частное от деления суммы лет, прожитых табличным поколением живущих в каждом интервале возраста, на исходное число таблицы дожития (именно так она обычно и вычисляется).

Можно предложить несколько видоизменить вычисление средней продолжительности жизни. При этом увеличению числа доживающих до 15 лет будет придаваться меньшее значение, чем при обычном способе вычисления, и в большей мере будет отражена смертность взрослых. Предложенная здесь величина названа *общей средней продолжительностью жизни*. Она исчисляется по формуле:

$$\bar{x}_{\text{общ.}} = \frac{T_0 - T_{15}}{l_0} + e_{15}^0.$$

При общепринятом вычислении средней продолжительности жизни новорожденного при втором слагаемом надо было бы поставить еще множитель $\frac{l_{15}}{l_0}$, который учитывает косвенный эффект изменения смертности детей.

Так как смертность лиц разного возраста менялась и меняется далеко не одинаково, не всегда ясно и пути, которыми может быть достигнуто это снижение. Поэтому теоретически и практически важно учесть влияние снижения смертности в отдельных возрастах на увеличение средней продолжительности жизни. Такой расчет не требует особого труда и может быть выполнен по любой полной или краткой таблице дожития. Разработанная нами методика расчета и некоторые итоги, полученные при ее применении, приводятся ниже.

Идея расчета заключается в следующем. Существующий средний уровень смертности какой-либо возрастной группы сказывается на величине средней продолжительности жизни двояким образом.

Во-первых, под влиянием смертности численность вступивших в данную возрастную группу уменьшается за время пребывания в ней; следовательно, в этом возрасте проживается меньше, чем в том случае, если бы в нем никто не умирал. Продолжительность жизни представляет собой частное от деления суммы лет, прожитых поколением родившихся во всех интервалах возраста, на начальную численность изучаемой совокупности (табличное число живорожденных). Поэтому указанное сокращение жизни *внутри* данной группы укорачивает и среднюю продолжительность всей жизни. Это влияние можно называть *прямым*.

Во-вторых, если в данной возрастной группе смертность низка (или в ней вовсе никто не умирает), то остается в живых и переходит в следующую возрастную группу больше лиц, а тем самым больше лет может быть прожито поколением в старших возрастах вплоть до конца жизни. Эти дополнительные годы жизни, проживаемые *вне* данного возраста, представляют собой результат *косвенного* влияния смертности в данном возрасте на величину средней продолжительности жизни. Конечно, деление влияния на прямое и косвенное до некоторой степени условно и зависит от выбора величины возрастного интервала.

Расчет степени влияния данного уровня смертности на среднюю продолжительность жизни заключается в последовательной замене, начиная от младших возрастов к старшим, смертности одной исходной таблицы дожития смертностью другой. В качестве исходной таблицы можно взять исторически более раннюю таблицу дожития для той же страны или любую другую таблицу. Так же можно изучать различия территориального порядка, сравнивая, например, таблицу для СССР в целом с синхронными таблицами союзных республик, областей или городов и т. п. Нужно сказать, что в тех случаях, когда по данной таблице смертность выше, чем по исходной, влияние данной смертности на среднюю продолжительность жизни может оказаться отрицательным как в отдельных интервалах возраста, так и по таблице в целом.

Средний табличный возраст смерти (средняя продолжительность жизни) равен:
для детей до 15 лет

$$\bar{x}_{\text{дет.}} = (L_{0,15} - 15l_{15}) : d_{0/15} = (T_0 - T_{15} - 15l_{15}) : (l_0 - l_{15})$$

для взрослых (15 лет и старше)

$$\bar{x}_{\text{взр.}} = e_{15}^0 + 15.$$

Сравниваются две таблицы дожития. Данные первой — базисной — обозначаются как указано выше, величины же, относящиеся ко второй, сопровождаются знаком «'», например l'_x и т. д.

Влияние снижения уровня смертности в определенной возрастной группе на увеличение средней продолжительности жизни новорожденного можно выразить следующим образом:

а) влияние изменения смертности на первом году

$$\text{жизни прямое} = (L'_0 - L_0) : l_0,$$

$$\text{косвенное} = T_1 (l'_1 : l_1) : l_0,$$

$$\text{общее} = \text{сумме обеих величин};$$

б) то же для смертности в возрасте от 1 до 15 лет

$$\text{прямое} = [L'_{1/15} - L_{1/15} (l'_1 : l_1)] : l_0,$$

$$\text{косвенное} = T_{15} (l'_{15} : l_{15}) : l_0,$$

$$\text{общее} = \text{сумме обеих величин};$$

в) то же для смертности в возрасте от 15 до 60 лет

$$\text{прямое} = [L'_{15/60} - L_{15/60} (l'_{15} : l_{15})] : l_0,$$

$$\text{косвенное} = T_{60} (l'_{60} : l_{60}) : l_0,$$

$$\text{общее} = \text{сумме обеих величин};$$

г) то же для смертности в возрасте 60 лет и старше
прямое и общее $= [T'_{60} - T_{60} (l'_{60} : l_{60})] : l_0;$
косвенное $= 0.$

Покажем ход вычислений на конкретном примере изменений смертности мужчин Европейской части СССР от 1896—1897 до 1926—1927 гг. (табл. 2).

Исходные величины для вычислений следующие:

1896—1897 гг.	1926—1927 гг.	отношение	1896—1897 гг.	1926—1927 гг.
(1)	(2)	(2) к (1)	L_0	
l_1 70582	79898	1,13199	$L_{1/15}$ 772439	86009
l_{15} 51140	66328	1,29699	$L_{15/60}$ 1891681	958314
l_{60} 28398	40297	1,41901	T_{60} 398665	2532128
			T_0 3143193	614935
				4191386

Во второй колонке таблицы 2 (Базис 0) находятся соответствующие числа базисной таблицы. В третьей колонке (1) в первую строку вписывается число L'_0 второй таблицы (в нашем примере это будет число для 1926—1927 гг., равное 86009), а все последующие получаются умножением чисел базисной колонки на 1,13199 = 79898 : 70582. Вычитая из чисел колонки (1) данные колонки (0), находим приращение числа прожитых лет вследствие снижения смертности на первом году жизни (колонка Δ_1). Так как $l_0 = 100\,000$, то, чтобы получить приращение средней продолжительности жизни, результат следует разделить на эту величину.

Влияние снижения смертности в возрасте от 1 до 15 лет рассчитано в колонках (2) и Δ_2 . В первые две строки колонки (2) вписываются числа из таблицы дожития для 1926—1927 гг., а числа двух других строк получаются умножением чисел базисной таблицы на 1,29699 = 66328 : 51140. Сопоставление чисел в колонках (2) и (1) дает нам Δ_2 — дополнительное приращение числа прожитых лет вследствие снижения смертности в возрасте от 1 до 15 лет. Числа колонки Δ_2 также должны быть разделены на 100 000. И так далее. Результаты вычислений с округлением двух последних значащих цифр приведены в таблице 3.

Заметим, что вообще правильнее пользоваться таблицами дожития, рассчитанными отдельно для мужчин и женщин, так как и сами уровни смертности, и изменения их довольно значительно различаются у лиц разного пола.

Таблица 2

Расчет прожитого времени

Интервалы возраста	Базис (0)	(1)	$\Delta_1 = (1) - (0)$	(2)	$\Delta_2 = (2) - (1)$	(3)	$\Delta_3 = (3) - (2)$	Δ_4
0—1	80408	86009	+5601	86009	—	86009	—	—
1—15	772439	874393		958314	+83921	958314	—	—
15—60	1891681	2141364		2453491	+377907	2532128	+78637	—
60+	398665	451285		517065	+461828	565710	+48645	+49225
Сумма	3143193	3553051	+409858	4014879		4142161	+127282	+49225

Что же показали такого рода расчеты? Рассмотрим подробнее изменение смертности в Европейской части СССР с 1896—1897 по 1926—1927 гг. За этот промежуток времени средняя продолжительность жизни новорожденного выросла у мужчин с 31,432 до 41,914 года, т. е. увеличилась на 10,482 года, у женщин с 33,356 до 46,329 года, т. е. увеличилась на 12,973 года. Это удлинение жизни получено было в результате влияния снижения смертности в основных возрастных группах (табл. 3).

Если рассматривать общее (прямое и косвенное) влияние снижения смертности в данном возрасте на приращение средней продолжительности жизни (графы 4 и 7 табл. 3), то легко заметить, что решающим для этого периода было снижение смертности детей. В частности, весьма велико было влияние снижения смертности на первом году жизни: оно обусловило удлинение жизни на 4,099 года у мужчин и на 3,816 года у женщин. Прямое же влияние снижения смертности в этом возрасте было более чем скромно: оно дало приращение у мужчин на 0,056, у женщин — на 0,052 года. Максимальный эффект оказалось изменение смертности в возрасте от 1 до 15 лет, вызвав

Таблица 3

Влияние снижения смертности в основных возрастных группах на удлинение средней продолжительности жизни новорожденных (Европейская часть СССР, 1926—1927 гг.)

Интервалы возраста	Удлинение средней продолжительности жизни, лет					
	мужчины			женщины		
	прямое	косвенное	общее	прямое	косвенное	общее
1	2	3	4	5	6	7
0—1	0,056	4,043	4,099	0,052	3,764	3,816
1—15	0,839	3,779	4,618	0,910	4,072	4,982
15—60	0,786	0,487	1,273	1,485	1,350	2,835
60+	0,492	—	0,492	1,340	—	1,340
Всего	2,173	8,309	10,482	3,787	9,186	12,973

приращение 4,618 года у мужчин и 4,982 года у женщин, причем тут даже прямое воздействие оказалось довольно значительным: оно прибавило к средней продолжительности жизни почти по году. Необходимо, однако, заметить, что прямое влияние снижения смертности зависит не только от нее самой, но и от величины возрастного интервала; при прочих равных условиях оно тем больше, чем длиннее этот интервал. А так как в таблице интервалы возраста разные, то числа в графах (2) и (5) несравнимы.

Своеобразны различия в эффекте изменения смертности среди взрослых мужчин и женщин. Прямое и косвенное влияние изменений смертности в работоспособном возрасте у женщин оказались почти одинаковыми, у мужчин же прямое влияние намного превышает косвенное. Различие обусловлено тем, что смертность взрослых женщин снизилась гораздо сильнее, чем мужчин, в частности в старческом возрасте.

Важно также подчеркнуть для этого периода значительно большее косвенное влияние снижения смертности. Для мужчин прямое влияние обусловило приращение средней продолжительности жизни на 2,173 года, а косвенное — на 8,309 года, для женщин соответственно — на 3,787 и 9,186 года.

Не нужно думать, что отмеченные здесь соотношения вообще обычны и неизменны. Некоторые из них действительно сохраняются и при сравнении других таблиц, но большинство сильно меняется и представляет, так сказать, индивидуальные особенности движения конкретных уровней смертности.

Чтобы продемонстрировать некоторые общие закономерности, приведем здесь результаты некоторых наших исчислений. Воспользовавшись разработанной нами методикой, мы попытались выяснить, на основании каких по-возрастных изменений смертности было достигнуто такое увеличение средней продолжительности жизни. Для этого показатели упомянутых ранее, а также некоторых других таблиц были сравнены попарно, причем в каждом случае хронологически более ранняя таблица принималась в качестве базисной. Результаты исчислений представлены в таблице 4.

Из-за недостатка места ограничиваемся рассмотрением только общего влияния снижения смертности в разных возрастах на увеличение средней продолжительности жизни, не расчлняя его на прямое и косвенное, а также рассмотрением лишь относительного значения снижения смертности, не затрагивая абсолютных величин прироста. Все же необходимо отметить, что с течением времени, когда смертность значительно снижается и до пожилых лет доживает уже большая часть родившихся, косвенное влияние снижения смертности по сравнению с прямым существенно уменьшается в отличие от только что рассмотренного примера по СССР и дореволюционной России.

В первой и третьей строках таблицы 4 использованы данные таблиц, рассмотренных в начале статьи. Из них видно, что относительное значение снижения смертности в детских возрастах падает и соответственно возрастает роль снижения смертности в работоспособном возрасте и стариков. Эта общая тенденция отчетливо видна по данным типовых таблиц смертности, исчисленных ООН, представляющих собой некоторое обобщение анализа смертности в разных возрастах на основании 158 таблиц дожития 50 стран мира, относящихся к первой половине XX столетия. О наличии других, индивидуальных особенностей в движении смертности можно судить по данным других таблиц, приведенных здесь.

В частности, сопоставление синхронных таблиц для

Таблица 4

Относительное значение изменений смертности в разных возрастах для увеличения средней продолжительности жизни (по различным таблицам дожития) *

Сравниваемые таблицы	Прирост продолжительности жизни, лет	Относительное значение (в %) по группам возраста				
		0—1	1—15	15—60	60+	Итого
1	2	3	4	5	6	7
<i>Оба пола</i>						
Вроцлав, 1687—1691 гг. и США, 1900—1902 гг.	21,776	27,2	38,0	29,5	5,3	100
США, 1900—1902 гг. и США, 1949—1951 гг.	18,832	28,1	25,5	37,2	9,2	100
США, 1900—1902 гг. и Чехословакия, 1958 г.	20,457	26,1	23,8	41,1	9,0	100
<i>Мужчины</i>						
Европейская часть СССР, 1896—1897 и 1926—1927 гг.	10,482	39,1	44,1	12,1	4,7	100
УССР, 1895—1898 и 1925—1928 гг.	9,420	26,0	51,4	18,4	4,2	100
УССР, 1925—1928 и 1958—1959 гг.	21,477	32,8	37,5	23,5	6,2	100
ГДР, 1952—1953 и 1955—1958 гг.	1,074	60,0	10,8	30,7	—1,5	100
<i>Типовые таблицы ООН</i>						
№ 90 и 95	2,363	35,6	22,1	32,0	10,3	100
№ 100 и 105	1,717	22,8	20,2	40,9	16,1	100
№ 110 и 115	1,042	17,3	15,2	41,1	26,4	100
<i>Женщины</i>						
Европейская часть СССР, 1896—1897 и 1926—1927 гг.	12,973	29,4	38,4	21,9	10,3	100
УССР, 1895—1898 и 1925—1928 гг.	11,753	18,5	40,8	27,8	12,9	100
УССР, 1925—1928 и 1958—1959 гг.	24,477	25,3	33,6	28,1	13,0	100
ГДР, 1952—1953 и 1955—1958 гг.	1,611	28,9	9,8	34,7	26,6	100

Таблица 4 (окончание)

Сравниваемые таблицы	Прирост продолжительности жизни, лет	Относительное значение (в %) по группам возраста				
		0—1	1—15	15—60	60+	Итого
1	2	3	4	5	6	7
Типовые таблицы ООН						
№ 90 и 95	2,418	31,3	22,8	32,7	13,2	100
№ 100 и 105	1,434	24,5	20,3	38,8	16,4	100
№ 110 и 115	0,850	18,8	15,7	34,7	30,8	100

* М. В. Птуха. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков, стр. 80—103; М. В. Птуха. Очерки по статистике населения. М., 1960, стр. 391—392; С. А. Новосельский. Смертность и продолжительность жизни в России. Пр., 1916, стр. 120—134; «Смертность и продолжительность жизни в СССР, 1926—1927 гг.» М.—Л., 1930; «United States life tables 1890, 1901, 1910 and 1901—1910», by James W. Glower. Washington, 1921, p. 52—53; «Statisticka ročenka Československé socialistické republiky. 1960». Praha, 1960, стр. 80; «Statistisches Jahrbuch der Deutschen Demokratischen Republik 1963». Berlin, Statatverlag der DDR, 1963, S. 516—518; «Vital Statistics Special Reports», v. 41, N 1. «Life tables for 1949—1954». Washington, 1954; «Population studies», N 25, «Methods for population projections by sex and age», N. Y., 1956 (United Nations).

Европейской части СССР и УССР показывает, что относительное значение снижения смертности в отдельных возрастных группах было далеко не идентичным.

Можно отметить также, что в удлинении жизни женщин по сравнению с мужчинами относительно большую роль, как правило, играет снижение смертности взрослых, в частности стариков.

Большой интерес представляет правильная характеристика смертности лиц трудоспособного возраста, так как эти лица обычно составляют основную массу живущих. Кроме того, экономическое значение их как производителей материальных и духовных благ особенно велико. Смертность в этом возрасте вообще невелика, и числа умерших тонут в общей массе смертей. Общие характеристики смертности лишь в небольшой степени отражают эту смертность. Для наиболее целесообразной ее характеристики можно рекомендовать исчисление следующего обобщающего показателя — *укорочение жизни в рабочем возрасте*. Таковым мы несколько условно считаем возраст

15—60 лет⁹. Предполагается, что в этом возрасте никто не должен умирать, т. е. все достигшие 15 лет должны доживать до 60 лет, или прожить 45 лет. В изучаемом населении проживается обычно меньше: разница и составляет укорочение жизни в годах.

Величины укорочения трудоспособной жизни по таблицам дожития определяются по формуле:

$$\frac{45l_{15} - (T_{15} - T_{60})}{l_{15}}$$

Если величины T_x отсутствуют, можно пользоваться менее точной формулой:

$$\frac{45l_{15} - (l_{0e_0}^0 - l_{15e_{15}}^0)}{l_{15}}$$

Кроме этой основной характеристики целесообразно вычислять еще количество несохраненных жизней, т. е. количество недоживших до 60 лет из 10 000 достигших 15 лет:

$$\frac{l_{15} - l_{60}}{l_{15}} \cdot 10\,000,$$

а также средний возраст смерти в рабочем возрасте:

$$60 - \frac{45l_{15} - (T_{15} - T_{60})}{l_{15} - l_{60}}.$$

Величина $T_{15} - T_{60}$ отвечает приблизительно разности $l_{15e_{15}}^0 - l_{60e_{60}}^0$ т. е. сумме лет недожитых табличным поколением в рабочем возрасте.

Такая характеристика смертности имеет то преимущество, что в ней учитывается не просто относительное число смертей в сравнении с числом живущих, но и то, что смерть в более раннем возрасте наносит большой ущерб населению, так как затраты на воспитание детей и подростков не покрываются возможным полезным трудом лиц, преждевременно умерших. Этими общими замечаниями приходится здесь ограничиться.

⁹ Эти границы несколько отличаются от принятых в нашей экономической литературе 16—60 лет для мужчин и 16—55 лет для женщин, однако делают показатели сопоставимыми по полу. Кроме того, они дают возможность пользоваться для характеристики смертности лиц рабочего возраста не только полными, но и краткими таблицами дожития (исчисляемыми для пятилетних возрастных интервалов).

В заключение попытаемся подвести некоторые общие итоги достижениям в увеличении средней продолжительности жизни и отметить некоторые особенности условий, в которых предстоит протекать борьбе за долголетие в ближайшем будущем. Для ясности предупреждаем, что и здесь мы не будем касаться совершенно различных возможностей продления жизни в капиталистическом мире и социалистических странах. Не будет речи и о конкретных мероприятиях по борьбе с преждевременным старением и продлении творческой, полноценной жизни в возрасте, который теперь считается пенсионным, и о других не менее важных вопросах. Мы ограничиваемся исключительно рамками узкой темы, поставленной в заголовке статьи.

Чтобы попытаться проникнуть в будущее, необходимо хотя бы ориентировочно представить себе, какой может быть в дальнейшем смертность. Для этого допустим, что в будущем порядке дожития целиком выпадут преждевременные смерти и все родившиеся станут доживать до 60 лет. Такое допущение, конечно, не вполне реалистично, в частности трудно допустить, чтобы совсем не было родившихся без каких-либо дефектов, препятствующих внеутробному существованию. Трудно полностью избежать и чисто случайных смертей, поражающих и вполне здоровый организм. Тем не менее в качестве некоторого предельного, идеального положения такое допущение все же теоретически приемлемо. В этом случае средняя продолжительность жизни в отличие от того, что было и есть, целиком будет определяться типичным возрастом неизбежного постарения, вблизи которого будут группироваться все смертные случаи «идеальной» таблицы дожития. Какой это будет возраст, не так уж важно, ибо для такого населения интересующая нас тема вообще теряет свое практическое значение. В качестве рабочей гипотезы мы можем допустить, что это будет около 85 лет (для мужчин и женщин вместе).

Сопоставим с такой «идеальной» таблицей дожития фактические наихудшую и наилучшую (табл. 5).

Даже беглое сопоставление приведенных чисел показывает, какие громадные сдвиги уже произошли в снижении смертности и насколько ограничены по сравнению с прошлым возможности продления жизни в дальнейшем, даже при условии полной ликвидации всех смертных случаев в

Сопоставление таблиц дожития

Интервал возраста	«Идеальная» таблица	Чехословакия, 1958 г.	Вроцлав, 1687—1691 гг.
А. Распределение умерших по возрасту			
0—15	—	3,90	49,52
15—60	—	14,99	31,34
60+	100	81,11	19,14
Все возраста	100	100	100
Б. Годы, прожитые в данных интервалах возраста, которые составляют среднюю продолжительность жизни новорожденного			
0—15	15	14,48	8,69
15—60	45	41,41	16,41
60+	25	13,81	2,36
Все возраста	85	69,70	27,46
В. Годы, прожитые в данных интервалах возраста (данные «идеальной» таблицы = 100)			
0—15	100	96,5	57,9
15—60	100	92,0	36,5
60+	100	55,2	9,4
Все возраста	100	82,0	32,3

возрасте до 60 лет. Чтобы точнее представить себе будущие возможности по сравнению с уже пройденным путем, представим расчет увеличения средней продолжительности жизни при переходе от таблицы Галлея к таблице Чехословакии 1958 г. и от последней к «идеальной» таблице (табл. 6).

В Чехословакии 1958 г. полная ликвидация всех смертных случаев детей до 15 лет может добавить к средней продолжительности жизни лишь 2,762 года (2,080 + 0,682), причем решающий выигрыш достигается ликвидацией смертности на первом году жизни (+2,080 г.). Заметим, что смертность в возрасте до года в Чехословакии уже была невелика: в 1958 г. — 29,5‰¹⁰, а в 1960 г.

¹⁰ «Statisticka ročenka ČSSR. 1960». Praha, 1960, стр. 76.

Таблица 6

Приращение средней продолжительности жизни новорожденного вследствие изменений смертности в основных возрастах

Интервалы возраста	Фактические приращения, лет			Перспективные приращения, лет			Распределение общих приращений по возрастам (в %)	
	таблица для Чехословакии 1953 г. по сравнению с таблицей для Вроцлава 1687—1691 гг.			«идеальная» таблица по сравнению с таблицей для Чехословакии 1938 г.			фактические приращения	перспективные приращения
	прямое	косвенное	общее	прямое	косвенное	общее		
0—1	0,167	9,347	9,514	0,026	2,054	2,080	22,5	13,6
1—15	2,859	10,382	13,241	0,091	0,591	0,682	31,4	4,5
15—60	10,166	5,509	15,675	1,908	2,654	4,562	37,1	29,8
60+	3,804	—	3,804	7,979	—	7,979	9,0	52,1
Итого	16,996	25,238	42,234	10,004	5,299	15,303	100	100

она снизилась даже до $23,5\%_{00}$ ¹¹. Относительно большего эффекта в Чехословакии можно достичь ликвидацией смертных случаев в работоспособном возрасте. Это добавило бы дополнительно еще 4,562 года к тому, что было в 1958 г. Но основной путь продления жизни — это удлинение средней продолжительности жизни после 60 лет; собственно, для будущих лет это основной резерв. Последние два столбца таблицы 6 показывают резкие изменения в относительном значении снижения смертности в различных возрастных группах. Они свидетельствуют о том, насколько меньше теперь резервы снижения смертности до 60 лет. Все же, как мы видим, возможности достичь продления жизни путем снижения смертности детей и в работоспособном возрасте далеко еще не исчерпаны, хотя и сильно сократились.

Гипотеза, положенная в основу «идеальной» таблицы дожития, — допущение, что никто не умирает ранее достижения 60 лет — позволяет применять принципиально иные показатели смертности, измеряющие, насколько фактическая смертность в разных возрастах укорачивает среднюю продолжительность жизни, что представляет большое удобство для оценки уровня смертности. Однако теоретическое обоснование таких методов измерения смертности и методика соответствующих расчетов — тема специальной работы.

¹¹ «Statistická ročenka ČSSR. 1962». Praha, 1962, стр. 98.

М. В. Курман

Харьков

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ УЧЕТЕ РАЗВОДОВ

Общезвестно, что компонентами так называемого естественного движения населения наряду с рождаемостью и смертностью считаются также брачность и разводимость. К сожалению, изучению последних в нашей демографии уделяется значительно меньше внимания. Между тем анализ брачности и разводимости имеет огромное значение не только в специально-демографическом, но и в общесоциологическом плане.

Современное состояние учета и статистики разводов оставляет желать много лучшего. Мы берем на себя смелость утверждать, что существующий порядок учета разводов допускает возможность двойного счета одного и того же случая развода.

В самом деле, сейчас «технология» учета разводов требует прохождения таких двух предварительных стадий: решения судебного органа о расторжении брака; последующей регистрации факта расторжения брака в ЗАГСе, где составляется акт о разводе, второй экземпляр которого направляется в органы государственной статистики для целей учета.

При этом каждый из разведенных супругов может зарегистрировать развод:

- а) самостоятельно, независимо от другого;
- б) через разное время после решения суда — когда ему (или ей) понадобится свидетельство о разводе;

в) в разных ЗАГСах — по месту жительства каждого из бывших супругов в момент регистрации развода.

Такой порядок регистрации разводов может привести, а во многих случаях и приводит к их двойному счету. Этому немало способствует нечеткость действующей в настоящее время инструкции. Хотя на ЗАГСы и возлагается обязанность перед регистрацией развода проверить, не зарегистрирован ли он одним из супругов раньше, в инструкции не указано, как именно нужно такую проверку производить.

В ранее действовавших инструкциях порядок такой проверки был подробно разработан.

В виде иллюстрации приведем несколько конкретных фактов повторной регистрации разводов, обнаруженных при проверке, произведенной в Харьковской области в 1963 г., которой автору довелось руководить.

Лозовский городской ЗАГС *в один и тот же день*, 13 октября, зарегистрировал дважды под номерами 42 и 43 один и тот же случай развода по заявлениям мужа и жены.

Орджоникидзевский районный ЗАГС (Харьков) зарегистрировал 25 апреля акт развода под № 98, и *в тот же день* этот развод был зарегистрирован ЗАГСом Краснозаводского района под № 192.

Краснозаводский районный ЗАГС зарегистрировал 13 ноября развод под № 27, *в тот же день* этот же развод был зарегистрирован Орджоникидзевским районным ЗАГСом под № 277.

В 1962 г. произошел из ряда вон выходящий случай: гражданин К. в один и тот же день, 12 октября, в одном и том же ЗАГСе расторг два брака — под № 318 составлен акт о расторжении первого брака, зарегистрированного в 1941 г., и под № 312 значится акт о расторжении второго брака, зарегистрированного в 1952 г.

В целом проверка показала, что из общего числа 5190 актов о разводе, составленных в Харьковской области в 1963 г., 406, или 7,8%, составлены повторно на разводы, уже зарегистрированные.

Дублирование актов о разводе возможно и в течение большего чем год времени, что можно подтвердить данными о распределении случаев повторной регистрации развода по числу месяцев, прошедших со времени первичной регистрации:

Число месяцев	Доля случаев, %	Число месяцев	Доля случаев, %
В том же месяце . . .	18,0	Через 6 месяцев	5,2
Через 1 месяц	27,9	» 7 »	3,2
» 2 месяца	17,2	» 8 »	2,3
» 3 »	11,6	» 9 »	0,9
» 4 »	7,3	» 10 »	0,9
» 5 месяцев	5,5	» 11 »	0,0
Итого		100	

Только 18% случаев повторной регистрации развода произведено в том же месяце, что и первичная регистрация; более четырех пятых случаев повторной регистрации производится с отставанием на срок от 1 до 10 месяцев. Таким образом, есть полное основание утверждать, что некоторая часть разводов, зарегистрированных в *предыдущем* году, особенно во второй его половине, дублируется в *отчетном* году. Мы подсчитали, сколько прошлогодних разводов было бы в Харьковской области зарегистрировано повторно в 1963 г., если бы доля дублированных записей и распределение их по срокам отставания повторной регистрации от первой были бы такими же, как в 1963 г. (таблица).

Из общего числа продублированных в 1962 г. в Харьковской области разводов — при уровне 1963 г. их должно было быть 398 — не менее чем на 80 разводов повторные акты могли составляться в 1963 г. Таким образом, число случаев повторной регистрации разводов в 1963 г. составило 486, или 10,4% общего числа разводов, зарегистрированных в этом году в Харьковской области (без дубликатов).

Наконец, если учесть, что какая-то часть разводов регистрируется повторно по прошествии года и более, то можно утверждать, что дублируется не менее 11% регистрируемых в области разводов. Поскольку у нас нет никаких оснований полагать, что регистрация разводов в Харьковской области поставлена хуже, чем в других областях Советского Союза, то мы приходим к выводу, что приблизительно каждый девятый развод в нашей стране учитывается дважды.

Динамика разводов в послевоенные годы и сложный уровень коэффициентов требуют серьезного

Таблица

Распределение числа продублированных разводов по времени регистрации

Месяцы 1962 г.	Зарегистриро- но разводов	В том числе дванды	Из общего числа зарегистрированных дванды зарегистрировано вторично											в 1962 г.	в 1963 г.
			в том же месяце	через								9—11 мес.			
				1 мес.	2 мес.	3 мес.	4 мес.	5 мес.	6 мес.	7 мес.	8 мес.				
I—IV	1583	122	22	34	21	14	9	7	6	4	3	2	122	— *	
V	452	35	6	10	6	4	3	2	2	1	1	—	34	2	
VI	463	36	7	10	6	4	3	2	2	1	1	—	34	1	
VII	515	40	8	11	7	5	3	2	2	1	1	—	36	4	
VIII	445	35	6	10	6	4	3	2	2	1	1	—	29	6	
IX	366	29	5	8	5	3	2	2	2	1	1	—	21	8	
X	428	33	6	9	6	4	2	2	2	1	1	—	21	12	
XI	423	33	6	9	6	4	2	2	2	1	1	—	15	18	
XII	443	35	6	10	6	4	3	2	2	1	1	—	6	29	
В 1962 г.	5118	398	72	101	57	34	21	13	10	5	3	2	318	—	
В 1963 г.	—	—	—	10	12	12	9	10	12	7	8	—	—	80	

* Возможно, что некоторые разводы, зарегистрированные в марте-апреле 1962 г., окажутся через 9—11 месяцев вторично зарегистрированными в 1963 г.

внимания. Так, число разводов на 1000 браков составляло ¹:

	1950 г.	1960 г.	1963 г.
СССР	34	107	143
Москва	135	276	333
Ленинград	107	219	306

Итак, за период 1950—1963 гг. коэффициент разводимости (на 1000 браков) увеличился в СССР более чем в 4 раза и достиг 143, а по нашим крупнейшим городам составляет сейчас более 300. В нашу задачу не входит выяснение причин и факторов, определяющих уровень и

¹ «Вестник статистики», 1965, № 1, стр. 93—96.

динамику показателей разводимости — это дело социологов. Имея в виду задачу данной статьи, уместно поставить более узкий вопрос: вправе ли мы сейчас сохранять существующий порядок учета разводов, который заведомо приводит к их дублированию? Не вызваны ли столь высокие показатели разводимости отчасти дефектами самого порядка регистрации разводов?

Какой же должна быть система регистрации разводов, которая обеспечила бы их точный учет?

Наиболее простой и вместе с тем наименее отклоняющейся от существующего порядка нам представляется следующая система:

1. Основным юридическим документом о разводе считается решение суда, которое, кстати, содержит все необходимые для статистической разработки данные.

2. Копии решения суда составляются в трех экземплярах, из которых два выдаются разведенным, а третий передается судебным органом в ЗАГС по месту нахождения суда, вынесшего решение о разводе.

3. На основании полученной копии судебного решения ЗАГС составляет акт о разводе в двух экземплярах, причем второй экземпляр, как и теперь, передается в органы государственной статистики.

4. За свидетельством о разводе заинтересованные стороны обращаются в тот ЗАГС, куда была направлена копия судебного решения.

Предлагаемая система должна обеспечить точный учет всех разводов вследствие двух обстоятельств:

а) ликвидации случаев дублирования актов о разводе в ЗАГСах;

б) охвата тех случаев развода, которые ранее вообще не учитывались, поскольку ни один из разведенных не обращался в ЗАГС за свидетельством о разводе.

Нам приходилось слышать возражение, что якобы предлагаемая система будет способствовать увеличению числа разводов, поскольку некоторая часть разведенных после вынесения судебного решения восстанавливает прежние брачные союзы. Это возражение вызвано смешением двух различных аспектов развода — *юридического* и *фактического*.

Известно, что текущий учет не в состоянии охватить фактические разводы (как и браки), а охватывает только юридические случаи развода. Между тем первичным юри-

дическим документом о разводе служит именно судебное решение. И хотя по закону брак считается расторгнутым после оформления развода в ЗАГСе, общественное признание этого факта, без сомнения, наступает с момента вынесения решения судом; акт о разводе — это вторичный, часто с опозданием составляемый документ. Тем самым выдвинутое возражение опровергается.

Предлагаемая система учета дает также возможность получить более правильные показатели разводимости. Углубленное изучение разводимости невозможно без анализа возрастной структуры разведенных и продолжительности расторгнутых браков, что в свою очередь требует решения еще одного вопроса — какую дату следует считать *моментом расторжения брака*: дату ли вынесения судебного решения о разводе или дату регистрации развода в ЗАГСе. Сейчас моментом расторжения брака считается дата регистрации развода в ЗАГСе. В соответствии с изложенным нам представляется гораздо более правильным считать брак расторгнутым с момента вынесения судебного решения о разводе.

Практика показала, что в многих случаях между датой судебного решения и датой составления акта о разводе в ЗАГСе протекает значительное время — месяцы, а то и годы. В этих условиях статистическая разработка неизбежно грешит против действительности в отношении продолжительности расторгнутого брака, причем всегда в сторону ее увеличения.

В заключение нам хочется коснуться еще одного вопроса — о распределении учтенных разводов при статистической разработке между городом и сельской местностью.

Согласно указаниям ЦСУ СССР при определении места постоянного жительства вступающих в брак или расторгающих его следует исходить из совместного адреса вступающих в брак или совместного адреса расторгнувших брак. Если же в акте о браке или о разводе у супругов записаны разные адреса, разработка производится в соответствии с адресом ЗАГСа, где зарегистрирован брак или развод.

Нам представляется, что в этом отношении указания для регистрации браков и разводов не должны быть одинаковыми.

В самом деле, вступающие в брак в подавляющем большинстве случаев проживают после брака совместно.

Напротив, разведенные в огромном большинстве случаев проживают после расторжения брака раздельно, и тогда место их постоянного жительства устанавливается при статистической разработке в зависимости от местонахождения ЗАГСа, производившего регистрацию. Но разводы сельских жителей, как и их браки, регистрируются не в сельсоветах, а только в районных бюро ЗАГСа. Районные же центры, за небольшим исключением, — это города или городские поселения. Таким образом, если в момент регистрации развода бывшие супруги — сельские жители проживали в разных местах, акт о разводе относят (в соответствии с местонахождением ЗАГСа) к городскому населению. В результате при статистической разработке многие разводы вопреки действительности относят к городскому населению.

Нам представляется более правильным в тех случаях, когда разведенные имеют после развода разные адреса, дополнительно устанавливать их совместный адрес до развода и по этому адресу производить распределение разводов между городской и сельской местностью.

Е. М. Морева

Научно-исследовательский институт ЦСУ СССР

ВЛИЯНИЕ ПОРЯДКА РЕГИСТРАЦИИ РАЗВОДА НА ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВОДИМОСТИ

Семейное состояние — одна из основных демографических характеристик населения, поэтому очень важна и информация о заключаемых и расторгнутых браках. Демография не имеет собственного источника текущей информации о браках и разводах. Конечно анализ расторгнутых браков можно вести по данным переписей и специальных обследований. При отсутствии их остается пользоваться материалами загсовской регистрации, однако этот источник неполностью отвечает потребностям демографического анализа разводов.

Частота разводов зависит от многих факторов, как социально-экономических, так и демографических. Из числа демографических факторов наибольшее значение имеют возраст и длительность брака.

Не учитывая возраста разводящихся, нельзя составить правильного представления об уровне разводимости. Если, например, в одной стране частота разводов выше, чем в другой, то, прежде чем делать какие-либо выводы, нужно выяснить, какова в этих странах возрастная структура населения. Очевидно, там, где в населении преобладают молодые возраста, будет больше и разводов. О значении второго фактора некоторое представление дает следующий пример. По данным А. Г. Харчева¹, в 1960 г. в

¹ А. Г. Харчев. Брак и семья в СССР. М., изд-во «Мысль», 1963, стр. 212.

СССР почти половина распавшихся браков просуществовала менее 4 лет. Но чем больше к этому времени было недавно заключенных браков, тем при прочих равных условиях должно быть больше их и среди распадающихся браков. Следовательно, не зная распределения существующих браков по длительности, из приведенного А. Г. Харчевым факта нельзя сделать определенных выводов.

Учитывая важность этих факторов, исчисляют специальные коэффициенты разводимости, как повозрастные, так и по продолжительности брака.

Возраст разводящихся и длительность брака зависят от того, с какого момента брак считается прекращенным. Между тем момент прекращения брака как теоретически, так и практически может определяться по-разному. В некоторых странах моментом прекращения брака считается дата вынесения судом решения о разводе. Во многих странах разводящиеся обязаны зарегистрировать свой развод не позднее чем через 6 месяцев после вынесения судебного решения, иначе им придется начинать бракоразводный процесс сначала. В Японии же датой прекращения брака считается фактическое прекращение брачных отношений, которое фиксируется в акте во время регистрации развода со слов супругов. Последний способ установления продолжительности расторгнутого брака позволяет пользоваться для анализа расторгнутых браков по длительности не только данными переписей и специальных обследований, но и материалами текущей регистрации разводов.

В СССР юридический, т. е. зарегистрированный, брак считается прекратившимся с момента регистрации развода в ЗАГСе обоими супругами или одним из них. Для регистрации развода необходимо решение суда.

Заявление в суд о разводе супруги подают в основном тогда, когда фактические брачные отношения уже прекращены, и, возможно, давно, даже несколько лет назад. После решения суда не все регистрируют в ЗАГСе свой развод тотчас же. Супруги могут обратиться туда сразу, могут не обратиться вообще, один из них может прийти в ЗАГС вскоре, а другой спустя несколько лет. Таким образом, фактически брак уже не существует, а юридически он все еще продолжается. Юридическая длительность брака часто оказывается больше его фактической длительности.

То же относится и к возрасту. Если суд вынес решение о расторжении брака, когда супругам было, допустим, по 25 лет, а в ЗАГС они пришли через 2 года, то акты при разработке по возрасту попадают в группу 27 лет. Таким образом, может оказаться преувеличенной не только длительность брака, но и возраст разводящихся.

Для того чтобы выяснить, как существующий порядок оформления разводов и система разработки актов о разводе отражаются на демографических показателях, в частности на составе разводящихся по возрасту и по длительности брака, мы разработали материалы о разводах для одного из районов Москвы. Были изучены материалы бракоразводных процессов в городском суде, где в «Деле о расторжении брака» имеется:

1) заявление о расторжении брака, подаваемое одним или обоими супругами, в котором указывается фамилия, имя, отчество, год рождения, последнее место жительства, мотивы развода, а во многих случаях также дата фактического прекращения брака;

2) протокол заседания народного суда;

3) заявление супругов в городской суд;

4) протокол заседания и решение городского суда².

На основании решения суда ЗАГСы составляют акт о расторжении брака, если хотя бы один из разводящихся обратился туда. В актах указывается фамилия, имя, отчество, возраст, дата регистрации брака, который это по счету брак, дата решения суда, дата регистрации развода и номер выданного свидетельства о разводе.

Нами было изучено 536 законченных дел о расторжении брака по Бауманскому району Москвы.

Из этих 536 пар, в отношении которых в 1962 г. состоялось решение суда о разводе, за три с половиной года³ не зарегистрировали свой развод в ЗАГСе Бауманского района 163 пары. Можно полагать, что часть их сделает это в последующие годы, если им по каким-либо мотивам нужно будет получить свидетельство о расторжении брака. Если свидетельство им не понадобится, они вообще могут не зарегистрировать развода. Нужно иметь в виду, что некоторые из них могли за это время разъехаться по разным

² Работа проводилась по материалам 1962 г., т. е. до Указа Президиума Верховного Совета от 10 ноября 1965 г., упростившего порядок оформления разводов.

³ Были изучены акты с 1 января 1962 г. по 20 сентября 1965 г.

районам и зарегистрировать развод в соответствующих ЗАГСах. Не исключена возможность и примирения супругов.

Среди 373 разводов, которые были зарегистрированы в ЗАГСе, оказалось семь случаев, когда развод был повторно зарегистрирован другим супругом⁴. Из остальных 366 в 38% случаев расторжение брака зарегистрировали оба супруга и в 62% случаев — один из них. В отношении каждого расторгнутого брака были собраны следующие сведения: дата регистрации брака, дата подачи заявления о разводе, дата судебного решения, дата регистрации развода и в 336 случаях (67%) также дата фактического прекращения брака.

На основании собранных материалов была получена следующая группировка разводящихся по возрасту (табл. 1).

Таблица 1

Распределение по возрасту разведенных, указавших в заявлении дату фактического прекращения брака
(335 случаев*)

Возраст	Доля разводящихся (в %), имевших данный возраст			
	на момент фактического прекращения брака		на момент регистрации развода	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
До 20	2,1	1,8	—	—
20—24	14,9	22,1	8,7	12,5
25—29	27,5	27,2	19,7	23,5
30—34	22,1	21,5	26,6	26,0
35—39	12,5	13,1	15,8	16,7
40—44	7,8	7,4	10,7	9,6
45—49	6,2	3,9	8,1	5,4
50 и более	6,9	3,0	10,4	6,3
Итого . . .	100	100	100	100
Средний возраст	32,6	30,8	35,3	33,4

* Один случай не вошел в разработку из-за отсутствия указаний о возрасте.

⁴ Эти семь случаев повторной регистрации развода не были включены в разработку.

Распределение разводящихся по их возрасту на момент регистрации развода (т. е. то, которое мы обычно получаем по материалам текущего учета) сильно отличается от распределения их по возрасту на момент фактического прекращения брака. В таблице 1 хорошо виден сдвиг в сторону молодых возрастов, причем довольно существенный. Фактически мужчин, прекративших брак в возрасте до 30 лет, было 44,5%, а по данным регистрации — только 28,4%, женщин — соответственно 51,5 и 36,0%. Существенность такого различия не подлежит сомнению. Хотя из-за особенностей возрастного состава населения Москвы наши материалы о возрастном составе разводящихся не могут считаться репрезентативными, в данном случае это не имеет значения. Здесь речь идет не о случайных ошибках, неизбежных при любой системе учета, а о систематической ошибке, возникающей вследствие отсрочки развода от момента фактического распада семьи до регистрации в ЗАГСе.

В результате этого же явления оказывается преувеличенной и длительность расторгнутого брака. В нашем исследовании рассматривались четыре возможных варианта длительности расторгнутого брака (табл. 2).

Таблица 2

Распределение расторгнутых браков по длительности

Длительность брака, рассчитанная от даты регистрации брака	Число случаев, в которых указаны обе даты	Доля случаев (в %), когда расторгнут брак длительностью					Средняя длительность расторгнутого брака
		до 1 года	1—4 лет	5—9 лет	10 и более лет	всего	
До регистрации развода первым из супругов . . .	366	2,5	35,0	29,5	33,0	100	8,0
До решения суда о разводе	366	3,6	35,5	29,5	31,4	100	7,7
До подачи заявления в суд . . .	366	10,1	37,4	24,6	27,9	100	6,9
До фактического прекращения брака	336*	21,4	39,6	20,2	18,8	100	5,3

* 30 случаев не были включены в разработку, ввиду того что в них не была указана дата фактического прекращения брака.

Когда длительность брака считается от его заключения до регистрации развода первым из супругов, то возникает систематическая ошибка, которая влияет как на результаты анализа разводимости, так и на расчеты, если данные статистики разводов применяются для анализа и прогноза состава населения по семейному состоянию. Если же длительность брака при разработке исчислять от его заключения до решения суда о разводе, то можно более объективно судить о длительности брака, так как она менее завышена по сравнению с фактической длительностью брака.

Приведенные данные позволяют также выяснить, как различаются фактическая и юридическая длительность расторгнутых браков, т. е. насколько точно статистические сведения отражают истинную картину при условии, что в сводки попадают данные о юридическом, а не о фактическом разводе.

В тот период, когда в СССР юридический и фактический брак считались равноправными и процедура развода была максимально упрощена, момент прекращения юридического брака считался момент подачи заявления о разводе. Можно предполагать, что в то время этот момент мало запаздывал относительно момента фактического прекращения брака. Однако усложнение процедуры развода отдалило момент подачи заявления от момента фактического прекращения брака. Это видно из сопоставления даты подачи заявления и указываемой в заявлении даты фактического прекращения брака. Таким образом, если в настоящее время исчислять длительность расторгнутого брака от его регистрации до подачи заявления о разводе, то такой показатель не будет полностью удовлетворять требованиям демографического анализа.

Поскольку демографию интересует прежде всего фактическое состояние в браке, было бы логично исходить из фактического прекращения брака и при изучении развода, особенно если учесть, что интервал между фактическим разводом и подачей заявления может быть значительным. Данные о фактической длительности прекратившихся браков были бы очень полезными, особенно для перспективных расчетов населения по семейному состоянию и для анализа плодovitости. Если считать длительностью брака интервал от его регистрации до фактического

прекращения, то мы получим наиболее точную характеристику длительности брака, возможную в современных условиях. Средняя фактическая длительность расторгнутого брака, согласно нашим данным, равна 5,3 года.

Однако точно установить дату фактического прекращения брака практически чрезвычайно трудно. Следует, в частности, иметь в виду, что при современной процедуре развода подающие заявление могут сознательно искажать действительность и указывать более давние сроки фактического прекращения брака, чтобы уменьшить вероятность отказа в иске, так как суд, естественно, легче разрешает развод в тех случаях, когда семья распалась давно.

Таким образом, сопоставляя длительность брака, измеренную разными методами, мы видим, что с 8 лет (когда она считается от регистрации брака до регистрации развода в ЗАГСе одним из супругов) длительность брака уменьшается до 5,3 года (когда она считается от заключения брака до его фактического прекращения). Иными словами, «юридическая» длительность брака по сравнению с «фактической» преувеличена, по нашим материалам, в среднем почти на три года.

Вопрос об учете разводов играет значительную роль в статистике воспроизводства населения. Но, как мы видели, существующий порядок регистрации разводов имеет организационные недостатки. Один из них — это неизбежное преувеличение длительности расторгнутого брака и возраста супругов. Отсутствует возможность объективно установить дату фактического прекращения брака, и можно ориентироваться только на его юридически признаваемую дату.

Несовершенство порядка регистрации разводов привело статистические органы к необходимости провести специальные исследования. В настоящее время принят экспериментальный метод регистрации разводов в Литовской ССР. Там регистрация развода производится путем отметки в акте о браке о том, что данный брак расторгнут, а супругам выдается свидетельство о разводе. Этот порядок нам кажется неприемлемым для СССР в целом, так как ЗАГС, где хранится акт о браке, может находиться не в том районе, где живут и муж и жена в момент развода. Для Литовской ССР это не имеет значения ввиду сравнительно небольшой территории, хотя и не вполне понятно, как ре-

гистрировать развод для тех, чей брак был зарегистрирован на территории другой республики.

Чтобы избежать преувеличения длительности брака, на наш взгляд, можно было бы выписку из судебного решения составлять в трех экземплярах: два выдавать на руки супругам, а третий отсылать в органы ЗАГСа. При этом суд должен указать, в каком именно ЗАГСе следует зарегистрировать этот развод. Тогда ЗАГС, получив выписку из решения суда, составлял бы акт о разводе независимо от того, когда явятся туда разведенные. Датой юридического развода можно считать в этом случае дату вступления в законную силу судебного решения. По закону установленную судом сумму следует взимать при выдаче свидетельства о разводе, поэтому такой порядок не связан с изменением финансовых правил.

Несовершенство существующей системы проявляется и в том, что развод регистрируется по месту жительства одного из супругов, а не по их последнему совместному месту жительства, поскольку к моменту подачи заявления в суд супруги, естественно, в большинстве случаев разъезжаются. Раздельное жительство супругов на момент расторжения брака при существующей системе регистрации разводов создает предпосылки для дублирования сведений.

При разработке данных о разводе в территориальном разрезе необходимо руководствоваться принципом, что расторгнутый брак должен быть отнесен к территории, где находилось последнее место совместного постоянного жительства супругов. Ввиду того что в настоящее время оно ни в одном документе не зафиксировано, разработка разводов по мелким территориальным единицам, а тем более раздельно по городу и селу, по нашему мнению, нецелесообразна.

Все приведенные выше соображения не претендуют, конечно, на исчерпывающее разрешение проблемы и составляют лишь часть обширного комплекса вопросов, связанных с системой информации о семейном состоянии населения. Создание такой системы требует дальнейших глубоких исследований,

III. Исследования воспроизводства населения

А. Г. Волков

Научно-исследовательский институт ЦСУ СССР

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ СНИЖЕНИЯ КОЭФФИЦИЕНТА РОЖДАЕМОСТИ

На протяжении последних лет причины падения рождаемости в нашей стране стали едва ли не основной темой демографических исследований. Во всяком случае редкая работа, посвященная развитию демографических процессов, обходится без попыток более или менее подробно осветить характер и факторы этого явления. Такой интерес вполне понятен, если иметь в виду, что при сравнительно низком уровне смертности, достигнутом в нашей стране благодаря успехам здравоохранения и улучшению условий жизни народа, наблюдаемое сейчас падение естественного прироста почти целиком определяется сокращением рождаемости.

Другой причиной многочисленных попыток истолковать социально-демографические факторы рождаемости служит то, что в течение долгого времени в нашей специальной, да, впрочем, и популярной, литературе господствовало догматическое утверждение, будто снижение рождаемости характерно лишь для капиталистического общества, а в условиях социализма повышение благосостояния народа якобы ведет к росту рождаемости, который представляет собой характерную черту социалистического закона народонаселения. Распространению такого взгляда, бытующего и до сего времени, несмотря на теперь уже очевидное его противоречие фактам, способствовала общая неразработанность теоретических проблем демографии и отсутствие глубоких исследований демографических процессов.

При этом особенности социально-экономического развития нашей страны, в частности такие огромные социальные преобразования, как коллективизация сельского хозяйства и индустриализация, а затем Великая Отечественная война и послевоенное восстановление народного хозяйства, по-разному влияли на рождаемость и вызывали колебания коэффициента рождаемости. Эти колебания мешали заметить общую тенденцию его падения, которая может быть отчетливо прослежена лишь за сравнительно долгий отрезок времени. Глубокому же изучению динамики рождаемости и факторов ее изменения препятствовала упомянутая выше предвзятость в оценке демографических процессов.

Объяснить причины произошедших изменений пытались многие. Почти при всех этих объяснениях пользуются наиболее грубым измерителем рождаемости — общим ее коэффициентом, представляющим собой отношение числа рождений за год к численности всего населения (в‰). Между тем в деторождении участвует не все население, а только женщины, причем не все, а лишь определенного возраста (условно от 15 до 49 лет). Далее, средние числа родившихся сильно различаются по возрастам и в пределах этого контингента, будучи очень небольшими в возрастной группе 15—19 лет, затем резко возрастая до максимума в 20—29 лет и затем постепенно снижаясь, чтобы достигнуть нуля где-то к 50 годам. Понятно поэтому, что коэффициент рождаемости может испытывать на себе влияние изменений в доле женщин в населении, доли среди них замужних, возрастного состава детородного контингента и т. д., т. е. целого ряда факторов структурного порядка.

Именно поэтому, говоря о рождаемости, следует различать, на наш взгляд, рождаемость как общее понятие *интенсивности деторождения* в тех или иных конкретных возрастных, социальных и иных группах населения и *коэффициент рождаемости* как меру (и очень грубую) этого явления. Даже при неизменной интенсивности деторождения в разных группах населения одно лишь изменение его состава по тем или иным из упомянутых выше признаков может повести к изменению общего коэффициента рождаемости. Выяснение роли структурных сдвигов поможет уловить компоненты этого изменения, однако оно мало что скажет о действительных причинах падения ин-

тенсивности деторождения. Между тем именно в изучении последних мы заинтересованы. Почти всегда ссылаются, например, на рост городского населения как на одну из причин падения рождаемости. Ясно, однако, что если в городе коэффициент рождаемости ниже, чем в сельской местности, то увеличение доли городского населения неизбежно вызовет падение общего коэффициента. Но это само по себе мало что прояснит в том, почему в городах рождаемость ниже, чем на селе.

В соответствии со сказанным выше задачей настоящей работы было выяснить, в какой мере наблюдавшееся до сих пор сокращение коэффициента рождаемости было обусловлено изменением состава населения, в какой — изменением интенсивности деторождения. Определить это можно следующим путем¹. Если исходить из того, что интенсивность деторождения есть число детей, рожденных в какой-либо группе, отнесенное к численности этой группы, а общий коэффициент есть средняя из частных коэффициентов, взвешенная по долям соответствующих частей, то коэффициент рождаемости можно представить как среднюю из ряда частных коэффициентов:

$$n = \frac{N}{S} = \frac{N}{W} \cdot \frac{W}{S} = \frac{N}{W_{15-49}} \cdot \frac{W_{15-49}}{W} \cdot \frac{W}{S},$$

где

- N — число рождений;
- W_{15-49} — число женщин 15—49 лет;
- W — число всех женщин;
- S — численность населения.

В этой формуле $\frac{N}{W_{15-49}} = f$ представляет собой коэффициент плодовитости, который в свою очередь можно представить как среднюю из коэффициентов брачной и внебрачной плодовитости:

¹ Общий подход к измерению роли отдельных компонентов в изменении коэффициента рождаемости разработан В. С. Козловым (см. В. С. Козлов. Естественное движение населения капиталистических стран Европы. М., Госстатиздат, 1959, стр. 37—52).

$$\frac{N}{W_{15-49}} = \frac{\sum_{x=15}^{49} f_x^m \cdot W_x^m}{\sum_{x=15}^{49} W_x^m} \cdot C + \frac{\sum_{x=15}^{49} f_x^u \cdot W_x^u}{\sum_{x=15}^{49} W_x^u} \cdot (1 - C),$$

где f_x^m и f_x^u — возрастные коэффициенты соответственно брачной и внебрачной плодовитости;

W_x^m и W_x^u — числа замужних и незамужних в отдельных возрастах;

C — доля женщин, состоящих в браке.

Ввиду того что по материалам текущего учета рождений нельзя выделить детей, родившихся вне брака, данные о которых были бы сопоставимыми с числом женщин, состоящих в фактическом браке по переписи, для получения коэффициента брачной плодовитости мы относили всех родившихся к числу замужних по переписи. Полученный таким путем коэффициент брачной плодовитости несколько выше действительного, кроме того, его изменение отражает изменение доли внебрачных рождений в общем их числе. Однако можно полагать, что эта доля изменилась не настолько, чтобы значительно повлиять на результаты.

Таким образом, окончательно коэффициент рождаемости можно представить в следующем виде:

$$n = \frac{\sum \frac{N_x}{W_x^m} \cdot W_x^m}{\sum W_x^m} \cdot \frac{W^m}{W_{15-49}} \cdot \frac{W_{15-49}}{W} \cdot \frac{W}{S}, \text{ (где } W^m = \sum W_x^m),$$

т. е. как произведение коэффициента брачной плодовитости, вычисленного указанным выше способом, доли замужних среди женщин детородного возраста, доли последних среди всех женщин и доли женщин в населении.

Такой подход открывает возможность определить, как повлияло изменение каждого из этих сомножителей на изменение их произведения, т. е. коэффициента рождаемости. С этой целью мы воспользовались методом стандартизации. Закрепляя поочередно каждый из сомножителей на исходном уровне, мы рассчитывали, каким был бы коэффициент рождаемости при неизменности всех остальных.

Сравнение было произведено для двух периодов между переписями 1926 и 1939 гг. и переписями 1939 и 1959 гг. Для того чтобы его произвести, нужно было иметь все компоненты приведенной выше формулы на все три даты.

К сожалению, для исходного периода (1926 г.) в источниках приводятся довольно основательно различающиеся величины. Объясняется это недостоверностью и неполнотой учета в то время, отсутствием исходных данных по территориям за пределами Европейской части РСФСР. Это касается как общего коэффициента рождаемости, так и возрастных показателей плодовитости. С. А. Новосельский и В. В. Паевский приводят коэффициент рождаемости для Европейской части РСФСР в 1926—1927 гг. — 43,6‰, а по всему Союзу — 41,8‰². Б. Я. Смуглевич указывает для 1926 г. 43,7‰, а для 1927 г. 43,4‰³.

При исчислении же возрастных коэффициентов плодовитости для всей территории СССР на основании данных по Украине и бывшей Ленинградской губернии С. А. Новосельский и В. В. Паевский делают поправку, исходя из того, что в Европейской части РСФСР коэффициент рождаемости был в это время на 4% выше, чем в среднем по Союзу. Эта поправка основана на соотношении коэффициентов рождаемости по Европейской России и всей России, равном 100:96. Есть основание думать, что такое соотношение объясняется большим недоучетом числа рождений в то время и что в действительности коэффициент рождаемости в Европейской части РСФСР был не выше, а ниже, чем в других частях Союза.

Сейчас ЦСУ СССР публикует для того времени несколько более высокие коэффициенты рождаемости. Согласно официальной публикации, коэффициент рождаемости в современных границах СССР составлял в 1926 г. 44,0‰, в 1928 г. — 44,3‰⁴. Эти данные, по-видимому, больше отвечают действительности.

² С. А. Новосельский и В. В. Паевский. О сводных характеристиках воспроизводства и перспективных исчислениях населения. — «Труды демографического института», т. 1. Л., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 15.

³ Б. Я. Смуглевич. Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики. М.—Л., Соцэкгиз, 1936, стр. 146.

⁴ «Народное хозяйство СССР в 1964 году». Статистический ежегодник. М., изд-во «Статистика», 1965, стр. 34.

В основу нашего расчета было положено поэтому среднее число рождений за 1926—1927 гг., отвечающее этому коэффициенту, т. е. увеличенное против данных С. А. Новосельского и В. В. Паевского. Соответственно несколько видоизменены были и числа рождений по возрастам, принятые для расчета. Численности женщин, в том числе плодovитого возраста, и доли замужних были взяты по данным соответствующих переписей, условно считавшихся приуроченными к середине периода, охватывающего два года, смежных с переписью. Разумеется, указанные условности делают результаты расчетов лишь приближенными, однако общую тенденцию последние показывают, по-видимому, достаточно верно.

Рассмотрим сначала влияние изменения доли городского населения. Для этого вычислим для каждого периода общий коэффициент рождаемости как среднюю из коэффициентов для города и села, взвешенную по долям городского и сельского населения во всей его численности. При этом коэффициенты для города и села примем в одном случае фактические, а в другом — на уровне 1926—1927 гг. Доля городского населения в обоих случаях фактическая. Результаты расчета представлены в таблице 1.

Таблица 1

Влияние изменения доли городского населения на динамику коэффициента рождаемости

Изменение компонентов коэффициента рождаемости	Коэффициент рождаемости (в % к уровню 1926—1927 гг.)			
	1926—1927 гг.	1938—1939 гг.	1958—1959 гг.	1965 г.
Меняются: коэффициенты для города и села и доля городского населения (фактические изменения) . . .	100	76	58	42
только доля городского населения	100	96	91	89

Показатели таблицы дают основание заключить, что увеличение доли городского населения (за эти годы она выросла с 18 до 53%) могло снизить коэффициент рождаемо-

сти только на 41%; фактически он снизился на 58%. Разницей мы обязаны изменению коэффициентов рождаемости как в городе, так и на селе.

Теперь посмотрим, как повлияли перечисленные выше компоненты на изменение коэффициента рождаемости отдельно для городского и сельского населения (табл. 2).

Таблица 2

Демографические факторы снижения коэффициента рождаемости в СССР с 1926—1927 по 1958—1959 гг.

Изменение компонентов коэффициента рождаемости	Коэффициенты рождаемости (в % к уровню 1926—1927 гг.)					
	городское население			сельское население		
	1926—1927 гг.	1938—1939 гг.	1958—1959 гг.	1926—1927 гг.	1938—1939 гг.	1958—1959 гг.
Меняется: только возрастной состав замужних . .	100	98	93	100	96	95
только доля замужних среди женщин 15—49 лет	100	103	100	100	102	90
только доля женщин 15—49 лет в населении	100	104	105	100	97	103
только возрастные коэффициенты брачной плодovитости	100	99	73	100	79	72
все компоненты, кроме возрастных коэффициентов брачной плодovитости	100	105	97	100	95	87
все компоненты (фактические изменения)	100	104	71	100	76	63

В таблице показана динамика коэффициента рождаемости при различном изменении его компонентов. Первые три строки характеризуют изменение коэффициента рождаемости под влиянием изменения только одного какого-нибудь компонента: возрастного состава замужних, доли замужних среди женщин плодovитого возраста либо доли последних в населении.

Изменение возрастного состава контингента женщин плодородного возраста в течение рассматриваемого периода снизило коэффициент рождаемости, но незначительно, причем почти одинаково в городском и сельском населении. Изменение доли замужних на коэффициент рождаемости в городском населении почти не повлияло, а в сельском населении влияние его было заметно только для периода с 1938—1939 по 1958—1959 гг. Здесь это, несомненно, косвенные демографические последствия войны. Изменение доли женщин плодородного возраста в населении в небольшой степени способствовало повышению коэффициентов.

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет сравнение с фактическими изменениями перемен, вызванных, с одной стороны, структурными факторами (пятая строка табл. 2), с другой — изменением возрастных коэффициентов брачной плодородности (четвертая строка). Рассматривая эти изменения, мы можем констатировать следующее:

если бы менялись только возрастные коэффициенты брачной плодородности, а все остальные компоненты оставались неизменными, то коэффициент рождаемости изменился бы почти так же, как это и было на самом деле;

при изменении всех остальных компонентов (таком, каким оно было в действительности) и неизменной брачной плодородности коэффициент рождаемости оставался бы близким к его уровню в 1926—1927 гг.

Если отрицательное воздействие структурных изменений на коэффициент рождаемости приписать только влиянию войны (в действительности оно в известной мере есть следствие воздействия и других социально-экономических факторов), то в сельском населении она сказалась более сильно: коэффициент рождаемости снизился бы на 13 пунктов даже при неизменной брачной плодородности. При этом за период с 1926—1927 по 1938—1939 гг. влияние структурных факторов в городе и на селе было противоположно по знаку. Как видно из таблицы 2, в городе они способствовали повышению коэффициента рождаемости, а на селе снижали его. Здесь, очевидно, сказалось воздействие индустриализации экономики и начавшейся в 30-годах интенсивной миграции населения, прежде всего трудоспособной молодежи, из сел в города.

Воздействие, которое оказало на коэффициент рождае-

мости падение брачной плодородности, резко различается между городом и селом также по периодам. В городах с 1926—1927 гг. по 1938—1939 гг. оно было очень незначительным и компенсировалось улучшением демографической структуры городского населения, зато стало главным фактором изменений во втором периоде. В сельской же местности, наоборот, в первый период коэффициент рождаемости снижался в основном благодаря сокращению брачной плодородности, а факторы структурного характера возобладали только во втором периоде, по-видимому главным образом после войны. Можно констатировать, таким образом, что последствия войны в указанном выше смысле больше понизили коэффициент рождаемости сельского населения. При всем том даже отмеченные различия не меняют общего вывода о том, что *основной причиной снижения коэффициента рождаемости были не структурные изменения, вызванные войной, а падение брачной плодородности* т. е. интенсивности деторождения в семьях, причем в городе оно сказалось в большей степени, чем на селе.

Аналогичный расчет можно сделать и для нескольких лет после переписи 1959 г. В эти годы (1960—1965 гг.) в возраст максимальной плодородности входили женщины, родившиеся в годы войны, число которых было относительно меньше. Это, казалось бы, дает основание утверждать, что основной причиной изменения коэффициента рождаемости в эти годы было именно изменение доли плодородного контингента, и в частности женщин в наиболее плодородных возрастах. Интересно выяснить, насколько справедливо такое суждение.

Для выяснения этого был применен тот же прием расчета, что и раньше. Не располагая сведениями о возрастном составе женщин плодородного возраста и о доле среди них замужних, мы могли сделать, конечно, лишь гораздо более грубую прикидку. Разделив среднегодовые числа рождений на соответствующие общие коэффициенты плодородности, мы получили численности женщин плодородного возраста. Сопоставление их с численностью населения на середину периода дало возможность вычислить и долю этих женщин в населении. Стандартизуя, как и раньше, по уровню соответствующих показателей, но взятых теперь для 1958—1959 гг., можно проследить, какой из двух этих компонентов (доля женщин плодородного возраста или коэффициент плодородности) определял изменение коэффициента рождае-

Таблица 3

Основные демографические факторы снижения коэффициента рождаемости с 1958—1959 до 1964—1965 гг.

Изменение компонентов коэффициента рождаемости	Коэффициент рождаемости, в ‰*				
	в 1958—1959 гг.	в 1960—1961 гг.	в 1961—1962 гг.	в 1963—1964 гг.	в 1964—1965 гг.
Меняется:					
только доля женщин плодovитого возраста	25,2	23,9	23,5	23,0	22,9
расхождение с фактическим изменением, ‰	—	—0,5	+0,4	+2,7	+3,9
только общий коэффициент плодovитости	25,2	25,7	24,8	22,3	20,9
расхождение с фактическим изменением, ‰	—	+1,3	+1,7	+2,0	+1,9
оба компонента (фактические изменения)	25,2	24,4	23,1	20,3	19,0

* Средние значения коэффициентов для двух лет вычислены по данным о числах родившихся за двухлетия и численности населения на середину периода.

емости на протяжении шести лет, следующих за переписью 1959 г. (табл. 3).

Обращают на себя внимание два обстоятельства:

- 1) разрыв между фактическими и условными значениями коэффициента рождаемости увеличивается, особенно при неизменности коэффициента плодovитости, т. е. при изменении только доли женщин плодovитого возраста;
- 2) изменение коэффициента рождаемости при условии постоянства коэффициента плодovитости дальше от фактического его изменения, чем при условии неизменности доли женщин плодovитого возраста.

Если бы в 1964—1965 гг. доля женщин плодovитого возраста в населении была такой же, как в действительности, а общий коэффициент плодovитости оставался на уровне 1958—1959 гг., то коэффициент рождаемости был бы почти на 4‰ выше, чем на самом деле. В обратном случае, т. е. при неизменности доли женщин плодovитого возраста и фактическом снижении коэффициента плодovитости, он был бы выше фактического только приблизительно на 2‰.

Отсюда следует, что в течение рассматриваемого пе-

риода понижали коэффициент рождаемости оба компонента, причем, как и прежде, основным фактором было снижение общего коэффициента плодovитости. Изменение доли плодovитого контингента повлияло гораздо меньше.

К сожалению, отсутствие в нашем распоряжении детальных сведений о динамике доли замужних и об изменении возрастного состава плодovитого контингента лишают возможности сделать сопоставление более глубоким, в частности его нельзя было произвести для города и села в отдельности.

Однако элементарная передвижка данных переписи 1959 г. по коэффициентам дожития, вычисленным на основании таблиц смертности для 1958—1959 гг.⁵, показывает, что при довольно незначительном изменении численности плодovитого контингента (с 1959 по 1965 г. он, по нашим расчетам, сократился приблизительно на 1%) возрастная его структура должна была претерпеть довольно существенные изменения. Малолетние контингенты женщин, родившихся в годы низкой рождаемости, передвинулись в течение этого периода в возрастные группы 20—24 и 30—34 года, особенно в начальные возрасты этих групп. Доля первой из этих пятилетних групп в плодovитом контингенте уменьшилась за рассматриваемый период приблизительно на одну треть, второй — приблизительно на одну шестую часть. Указанное понижение было компенсировано, однако, ростом численности женщин в смежных возрастных группах (в частности, в группе 25—29 лет), доля которых за этот период увеличилась.

Благодаря этой взаимной компенсации изменение структуры плодovитого контингента мало сказалось на числе рождений. Простой расчет (по тому же, что и ранее, принципу, т. е. путем сопоставления числа рождений при изменении возрастной структуры плодovитого контингента и при условии ее неизменности) показывает, что изменение возрастной структуры плодovитого контингента обусловило лишь около 25% снижения числа рождений. Остальное следует отнести, по-видимому, на счет распространения сознательного ограничения деторождения.

Таким образом, изменение возрастной структуры жен-

⁵ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том». М., Госстатиздат, 1962, стр. 278—279. (Передвижка была сделана для городского и сельского населения вместе.)

щин 15—49 лет, связанное со снижением рождаемости в прошлом, в частности в годы войны, хотя и сыграло определенную роль в снижении числа рождений (а следовательно, и коэффициента рождаемости), но роль далеко не определяющую, даже, можно сказать второстепенную.

Все это дает основания сделать вывод, что в последние несколько лет основной причиной сокращения коэффициента рождаемости в нашей стране были, как и раньше, не столько структурные изменения, связанные с последствиями войны, сколько сокращение интенсивности деторождения. Каких возрастов это коснулось в наибольшей степени, видно из сравнения возрастных коэффициентов плодovitости за ряд лет. В 1964—1965 гг. число родившихся на 1000 женщин в возрастах 15—19 лет и 20—24 года составило 61—62%, в возрастах 35—39 лет — 30%, а в возрастах 45—49 лет — только 18% соответствующих показателей для 1926—1927 гг. Это свидетельствует о том, что семьи все больше ограничиваются одним-двумя детьми и у все большего числа женщин процесс деторождения заканчивается в раннем возрасте.

* * *

Первый и наиболее очевидный вывод из произведенного нами анализа — общий коэффициент рождаемости, которым сейчас широко пользуются для того, чтобы охарактеризовать динамику рождаемости, а иногда и объяснить причины происходящих изменений, не может дать о них правильного представления. Необходимо разработать и ввести в практику демографического анализа измерители, которые дали бы возможность изучить действительные изменения в интенсивности деторождения и оценить ее перспективы, а также накапливать соответствующие статистические данные.

Поскольку вероятность появления следующего ребенка в семье в большой мере зависит от числа уже имеющихся в ней детей, чрезвычайно важно знать распределение женщин по числу рожденных ими детей. Включение соответствующего вопроса в программу предстоящей Всесоюзной переписи населения 1970 г. позволило бы не только провести более глубокие демографические исследования рождаемости, но и оценить будущее распределение семей по числу детей. О том, насколько важны такие

данные для оценки будущих трудовых ресурсов, планирования числа детских учреждений, пособий многодетным матерям и т. д., нет нужды говорить пространно.

Вместе с тем весьма существенное значение приобретает исследование социальных и экономических факторов, воздействующих на решение родителей ограничивать число детей в семье. Большая роль здесь принадлежит обследованиям мнений родителей о желаемом и идеальном числе детей в семье и о причинах, побуждающих их откладывать рождение ребенка или от него отказываться.

Наконец, необходимо разработать методику оценки влияния этих факторов на интенсивность деторождения в будущем. Только на основе этого возможен точный демографический прогноз, научно обоснованная государственная политика народонаселения.

В. И. Козлов

Институт этнографии АН СССР

О ВЛИЯНИИ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ПЛОДОВИТОСТЬ

Характерная особенность исследований, проводимых в последнее время в области изучения воспроизводства населения, состоит не только в расширении круга изучаемых вопросов, но и в более глубоком подходе к ним. Это относится и к важнейшей, на наш взгляд, проблеме, связанной с изучением факторов рождаемости, которая, как известно, определяет в настоящее время главные черты процесса воспроизводства в разных странах мира. В нашей стране размах исследований в этом направлении пока невелик, а их тематика ограничена изучением влияния на показатели рождаемости и плодovitости социально-экономических факторов, в первую очередь уровня благосостояния (заработная плата, жилищные условия и т. п.). Значительно слабее изучаются социально-психологические факторы, одному из которых и посвящена данная статья.

Сравнительно небольшое внимание исследователей к социально-психологическим факторам плодovitости можно отчасти объяснить трудностью их изучения. Несмотря на свой производный в конечном счете характер, эти факторы во многих случаях влияют на плодovitость непосредственно и даже более сильно, чем социально-экономические факторы. Процесс воспроизводства населения испытывает влияние факторов личного и общественного сознания, зависит от воздействия ряда социальных установок, которые возникают под влиянием материальных

условий жизни общества, но проявляются, лишь проходя через сознание людей. Рождаемость и плодovitость непосредственно связаны с осознанным желанием брачных пар иметь детей. Немаловажное значение имеет, конечно, доступность и эффективность противозачаточных средств, однако роль этого фактора не следует преувеличивать. Простейшие противозачаточные средства и аборт известны людям с глубокой древности и довольно эффективно применялись у некоторых народов для планирования числа детей. Тот факт, что подобные средства не получили в прошлом, а во многих странах не получают широкого распространения и теперь, может быть объяснен прежде всего влиянием социальных установок и традиций, определенной социально-психологической атмосферой. Немаловажную роль в создании такой атмосферы играет религиозный фактор.

* * *

Не останавливаясь на происхождении религии, ее социальных и гносеологических корнях, ее роли в жизни людей на различных этапах истории общества и других вопросах, достаточно подробно освещенных в нашей литературе¹, отметим, что религия, по выражению Маркса, есть «извращенная реальность», искаженное отражение в сознании людей господствующих над ними природных и общественных сил. Однако, будучи закреплена канонически, представ в виде этической системы, религия не меньше, чем другие идеологические надстройки, влияет на формирование общественного и личного сознания, на образ жизни людей и их взаимоотношения. Она оказывает, в частности, существенное влияние на многие стороны воспроизводства населения, регламентируя брачно-половые отношения, воздействуя на формирование отношения людей к деторождению, многодетности и т. п. Ниже мы остановимся главным образом на характеристике влияния на плодovitость основных религиозных систем с необходимыми, как нам представляется, краткими сведениями об их сущности и распространении. В центре нашего внимания находится население зарубежных стран. Это связано как с наличием материала, так и с тем, что наи-

¹ См., например, С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., Госполитиздат, 1964.

большее влияние религиозный фактор оказывает на плодovitость в странах мира с высоким коэффициентом естественного прироста, к которым относится большинство самых населенных стран зарубежной Азии, Африки и Латинской Америки.

Буддизм — древнейшая из так называемых мировых религий, т. е. религий, распространенных в разных странах и у разных народов мира, возник в VI—V вв. до н. э. в Северной Индии и оттуда распространился в другие страны Азии. В начале нашей эры в нем выделились два основных направления: *махаяна*, считающая, что достичь «спасения» могут не только священнослужители и монахи, но и миряне, и *тихаяна*, считающая, что достичь «спасения» можно только путем хотя бы временного отказа от всего мирского. Общая численность буддистов во всем мире составляет около 200 млн. человек.

Буддизм не обнаруживает четкого отношения к плодovitости и во всяком случае скорее ограничивает, нежели поощряет ее. Отрицая земные интересы, изображая жизнь, как зло и непрерывную цепь страданий, признавая единственным путем к спасению самоограничение и внутреннее самоусовершенствование, буддизм ни одной из своих догм не связывает достижение вечного блаженства в потустороннем мире с земными обязанностями по продолжению рода. Все направления буддизма (кроме специфического культа *тантризма*) поощряют безбрачие как наиболее верный путь к совершенству; десятки, а в некоторых странах сотни тысяч буддийских монахов обречены на безбрачие. Особенно велик процент монахов в районах распространения *ламаизма*, где каждый второй сын обычно посвящался в ламы. От обычая безбрачия священнослужителей отошли по существу лишь буддисты Японии. Однако введенное буддизмом (и в этом одна из его противоречивых сторон) понятие «каммы» как бесчисленного числа перерождений, пока душа не достигает вечного блаженства — «нирваны», в сущности призывает к деторождению, тем более что, по мнению буддистов, дух может проникнуть в новое тело лишь во время зачатия.

Страны, население которых исповедует хинаяну (Бирма, Таиланд, Лаос и др.), отличаются в настоящее время высокой плодovitостью, однако благосклонное отношение к многодетности сложилось здесь, несомненно, еще до появления буддизма. Райен, изучавший причины высокой

рождаемости на Цейлоне, установил в результате опроса около 70 буддийских священников, что отношение их к браку и семье сложилось главным образом под влиянием старых обычаев и что буддизм, по их мнению, «не ставит своей целью разрушение каких-либо древних традиций, в частности традиции ранних браков»². В подобных условиях буддизм косвенно оказывает даже положительное влияние на плодovitость, ограничивая распространение контроля рождаемости. Большинство из опрошенных Райеном священников считали употребление каких-либо мер ограничения деторождения, в том числе контрацептивов, равноценным убийству живого существа, что, как известно, строго запрещено буддизмом; лишь некоторые просвещенные священники допускали возможность применения противозачаточных средств. Буддизм противодействует тенденции контроля рождаемости, в котором заинтересованы прежде всего женщины, также и тем, что он провозглашает главенство мужчины в семье.

Индуктизм, возникший в середине I тысячелетия н. э. в Северной Индии, представляет собой ряд довольно сильно различающихся культов (некоторые ученые считают их даже отдельными религиями). Как и буддизм, индуизм считает, что можно достичь «спасения» путем ряда перерождений, успех которых зависит от выполнения дхармы, т. е. предписанных человеку обязанностей перед своей кастой. Представляя собой комплекс религиозных и философско-этических воззрений, а также свод строгих предписаний, индуизм регламентирует все права и обязанности человека от самого рождения до смерти. В настоящее время индуизм исповедует подавляющее большинство жителей Индии, Непала и Шри-Ланки; кроме того этой религии придерживаются значительные группы населения в Пакистане и на Цейлоне, а также балийцы (Индонезия). Общая численность индуистов в мире составляет около 400 млн. человек.

По сравнению с буддизмом индуизм — это, так сказать, более земная и более активная религия, способствующая, в частности, высокой плодovitости. Он привет-

² B. R. Y o n. Hinayana Buddhism and family planning in Ceylon.— «The interrelation of demographic, economic and social problem in selected underdeveloped areas». Milbank Memorial Fund. N. Y., 1954, p. 70.

ствуется ранние и всеобщие браки, а также деторождение, в первую очередь рождение сыновей. Один из трех священных долгов, с которыми родится мужчина, — долг перед предками — может быть оплачен только рождением сына. Этим же самым мужчина исполняет свое обязательство перед кастой, заинтересованной в увеличении числа своих членов, и одновременно обеспечивает для себя возможность дальнейших перерождений, так как только сын может произвести над умершим определенный священный обряд, освобождающий душу покойного от прежней земной оболочки. Необходимость для мужчины иметь наследника-сына в условиях высокой смертности приводила к тому, что в семье должно было быть по крайней мере два-три сына, а всего (учитывая равную возможность рождения девочек) четыре — шесть детей. Среди высшей касты — брахманов — родители невесты по традиции благословляют ее фразой: «Будь матерью восьми сыновей...»

Благосклонное отношение индуизма к плодovitости коренится в древних обычаях. Совани возводит их к периоду завоевания Индии племенами ариев, связывая с тем, что «колонизация нуждается в высокой плодovitости»³. Еще законы Ману (II—I вв. до н. э.) восхваляли многодетных матерей. Существовал обычай, отраженный в Махабхарате и сутрах, согласно которому вдова, оставшаяся бездетной, должна была вступить в брачные отношения с братом мужа или другим его ближайшим родственником. Можно предполагать поэтому, что традиционное предубеждение индуистов против вторичного замужества вдов, сохранившееся до сих пор, особенно среди высших каст, имеет сравнительно позднее происхождение. Влияние самой кастовой системы на плодovitость довольно сложно: с одной стороны, она создает предпосылки для высокой плодovitости, связывая престиж каждой касты и ее подразделений — готр — с их численностью, с другой — как бы препятствует этому, заставляя выбирать невесту среди ограниченного числа женщин (каждая готра эндогамна); последнее из-за диспропорции полов оказывается нередко весьма затруднительным.

В индуизме, как и в буддизме, контроль рождаемости

прямо не запрещен, однако отношение к нему в целом неодобрительно, так как он может нарушить цикл перерождений души. У некоторых индуистских сект такому контролю противостоит строжайший запрет убийства живых существ; немаловажное противодействие этому контролю — и приниженное положение женщины. По-видимому, малый эффект попыток распространения в Индии контрацептивных средств обусловлен не только низким культурным уровнем населения, но и тем, что общественное мнение и общественные традиции направлены не на ограничение деторождения, а на создание многодетных семей. Показательно, что даже такой крупный общественный деятель, как Ганди, признавал контроль рождаемости только в виде полного воздержания от половых сношений. Некоторый перелом в этом отношении наметился лишь в 50-х годах XX в., однако практические результаты его пока невелики.

Ислам, или магометанство, — вторая по численности своих приверженцев мировая религия — возник в VII в. н. э. в Аравии, а в период арабских завоеваний распространился по многим странам мира — от Испании на западе до Индонезии на востоке. Его исповедует подавляющее большинство населения стран Передней Азии и Северной Африки (включая Гвинею, Нигерию и некоторые другие государства южнее Сахары), а также некоторых областей Южной Азии (главным образом Пакистана), Юго-Восточной Азии (Индонезии, Малайи); кроме того, ислам исповедует в СССР верующее население Средней Азии и некоторых районов Кавказа и Поволжья. Общая численность мусульман составляет около 500 млн. человек.

Ислам в еще большей степени, чем индуизм, создает предпосылки для высокой плодovitости. Корни такого его отношения прослеживаются в более воинственном характере ислама, одним из основных священных предписаний которого служит укрепление сил приверженцев Аллаха и борьба за «истинную» веру против иноверцев. Распространению ислама, несомненно, способствовала разрешенная Магометом полигамия, причем мусульманин имел право взять себе в жены даже последовательницу другой единобожной религии (христианку, еврейку и т. д.). В отличие от других мировых религий ислам видит в половых отношениях один из источников наслаждения (это

³ N. V. Sovani. The problem of fertility control in India: cultural factors and development of policy. «Approaches to problems of high fertility in agrarian societies», Milbank Memorial Fund. N. Y., 1952.

отразилось и в мусульманской концепции рая); в отличие от буддизма, индуизма и христианства он не знает воздержания и полового аскетизма. Служение богу в исламе не требует безбрачия, священники должны жениться, как и обычные верующие; ислам приветствует и браки между рабами. Дети считаются одним из величайших благодеяний Аллаха; лишь некоторые мусульманские теологи утверждают, что добрые дела предпочтительнее многодетности. Бездетность жены считается серьезным основанием для развода или для того, чтобы взять вторую жену. Многодетные матери пользуются в мусульманских деревнях почетом и уважением окружающих.

В настоящее время почти все мусульманские народы отличаются высокой плодovitостью, связанной, в частности, с ранними и всеобщими браками. Доля женщин детородного возраста, состоящих в браке, в мусульманских странах, как правило, превышает 95% (в христианских странах обычно до 10—15% женщин и более оказываются вне брака). В мусульманских странах сравнительно легки и часты разводы, однако Коран разрешает скорый вторичный брак разведенных женщин и вдов (обычно требуется лишь интервал в три-четыре месяца, чтобы удостовериться, не была ли женщина беременной от первого мужа). Ритуальных ограничений брачно-половых отношений у мусульман значительно меньше, чем у индуистов. Традиции многодетности среди мусульман подкрепляются у них верой в то, что Аллах позаботится о детях, которые пришли в этот мир по его воле, и обеспечит их пищей. Аборты (особенно после того, как плод уже начал двигаться) строго запрещены одной из священных заповедей: «Не умертвляйте детей ваших из-за страха бедности». Вместе с тем Коран допускает контроль рождаемости путем прерванного полового сношения. В последнее время этому разрешению пытаются придать расширенное толкование. Муфтий (высшее духовное лицо у мусульман) Египта заявил: «Допустимо как для мужа, так и для жены, по взаимному согласию, принимать любые меры недопущения семени в матку, чтобы предотвратить зачатие»⁴. Однако меры планирования семьи распространяются среди мусульман весьма медленно; этому препятствует как приниженное по исламу положение

женщины, так и традиционная патрилокальность мусульманских семей.

Христианство — наиболее распространенная сейчас религия — возникло в начале нашей эры на востоке Римской империи как одна из сект *иудаизма*. В раннем средневековье христианство, оформившись в самостоятельную религию, распространилось среди народов Европы, а в период великих географических открытий (конец XV—XVII в.) проникло с европейцами и в другие части света. В настоящее время христианство исповедует подавляющее большинство верующего населения стран Европы, Америки, Австралии и значительные группы населения в других частях света (в Африке — в Эфиопии, ЮАР и др., в Азии — на Филиппинах и др.). Как и индуизм, христианство представляет собой не единую религиозную систему, а ряд религиозных течений (церквей) и сект, довольно сильно отличающихся друг от друга. Общая численность христиан на земном шаре составляет свыше 900 млн. человек, в том числе *католиков* — около 550 млн., *протестантов* (*лютеран, кальвинистов* и др.) — свыше 250 млн., *православных* — приблизительно 100 млн. человек.

Подобно буддизму, христианство не обнаруживает четкого отношения к деторождению. Евангелие почти ничего не говорит о деторождении и даже в отношении брака подчеркивает главным образом духовный характер этой связи. Центральное место в христианском учении занимает идея греховности и идея спасения. Во всех основных христианских церквях безбрачие, умерщвление плоти поощряется как наиболее верный путь к спасению души; монахи и монахини — «христовы братья и сестры» — пользуются у христиан особым уважением. Половая связь — тайная причина первородного греха — сохраняет по христианству элементы греховности даже в том случае, если она скреплена церковным обрядом, и допускается лишь постольку, поскольку она связана с появлением потомства. Все это свидетельствует о том, что христианство значительно отошло от прямого завета Библии «Плодитесь и размножайтесь», хотя у разных церквей этот подход сказывается все же по-разному. Православная и протестантские церкви допускают браки священнослужителей (кроме высших), однако это еще не может служить достаточным свидетельством их благосклонного отношения

⁴ «Human Fertility». N. Y., 1945, v. 10, N 10.

к плодovitости. Не останавливаясь на анализе некоторых специфических явлений христианства, таких, например, как секта скопцов, перейдем к характеристике отношения основных христианских церквей к контролю рождаемости.

В течение многих столетий христианские церкви считали ограничение семьи недопустимым, так как первая (некоторые отцы церкви утверждали, что и «единственная») цель половых отношений в браке — это дети. Отрицательное отношение к контролю рождаемости было одним из немногих положений, в котором сходились католичество, протестантские церкви и православие. Изменение их позиции наметилось лишь в последние 50—60 лет под давлением народных масс, которые во многих христианских странах встали на путь планирования семьи. Одними из первых — еще в конце XIX в. — выступили за допущение контроля рождаемости *нонконформисты* Англии. Другие протестантские церкви, и особенно католическая церковь, упорствовали в этом вопросе вплоть до конца второй мировой войны. *Англичане* на своей церковной конференции в 1930 г. признали единственным средством контроля полное воздержание от половых сношений и лишь в 1959 г. допустили употребление контрацептивов.

Католическая церковь, наиболее многочисленная и централизованная среди всех христианских церквей, долгое время занимала непреклонную позицию, считая контроль рождаемости «смертным грехом Онана». В энциклике 1930 г., касающейся всех сторон брачной жизни верующих, искусственные средства контроля рождаемости были отнесены к числу аморальных и недопустимых; после ее выхода церковники некоторых католических стран (Франции, Бельгии, Италии др.) развернули кампанию за запрещение продажи противозачаточных средств. Перелом наметился лишь в 1951 г., когда папа Пий XII в своем послании итальянскому католическому союзу акушеров не протестовал против контроля рождаемости и даже назвал несколько причин (в том числе и экономическую), оправдывающих такой контроль. На Вселенском соборе 1965 г. впервые в истории католической церкви развернулась широкая дискуссия по вопросу об отношении к контролю рождаемости, широко распространенному в одних католических странах и представляющему насущную потребность для других. Однако большинство кардиналов и епископов сочли возможным признать лишь «естествен-

ные» методы контроля: полное воздержание от половых сношений и использование метода месячного ритма. Позиция православной церкви в этом вопросе недостаточно определена; впрочем, в основных странах ее распространения (СССР, Болгария, Румыния, Югославия) ее влияние на общественную жизнь несущественно.

Кроме четырех основных мировых религий целесообразно хотя бы кратко остановиться на характеристике конфуцианства — религиозно-этического учения, оформившегося на рубеже нашей эры в Китае и с тех пор составлявшего основу религиозной жизни многомиллионного китайского народа. Численность конфуцианцев на середину XX в. составляла примерно 300 млн. человек. Центральное место в конфуцианстве занимает культ предков, исполнение обрядов почитания которых возложено на мужчин. В своем влиянии на плодovitость конфуцианство во многом сходно с индуизмом, так как его положительное влияние на плодovitость также проявляется главным образом в стремлении иметь наследников — сыновей. «С религиозной точки зрения, — пишет С. А. Токарев, — для китайцев самое дурное, что может случиться с человеком, — это не оставить по себе мужского потомства, которое могло бы приносить жертву и заботиться о благополучии умерших предков»⁵. Сходство между конфуцианством и индуизмом выступает и в некоторых частностях: например, конфуцианство почти столь же неодобрительно, как и индуизм, относится к вторичному замужеству вдов.

Запрещение индуизмом вторичных браков вдов связано с тем, что смерть мужа рассматривается им как наказание женщины за ее прегрешения. В 1829 г. был издан закон, запрещающий самосожжение вдов вместе с покойным мужем, в 1856 г. был издан закон, разрешающий их вторичное замужество, однако положение с тех пор изменилось мало. До сих пор в высших кастах вторичные браки вдов — исключительно редкое явление, в низших кастах они более часты, но в целом весьма малочисленны. Совершенно ясно, что подобные религиозные установки не могут способствовать повышению коэффициента брачности. Согласно переписи 1951 г., в Индии насчитывалось

⁵ С. А. Токарев Религия в истории народов мира. М., Госполитиздат, 1964, стр. 233.

около 20 млн. женщин-вдов, более половины из них — в плодovитом возрасте. В христианских странах отношение к замужеству вдов нейтральное, а ислам, как уже отмечалось, поощряет такие браки. У некоторых мусульманских народов существует обычай, согласно которому на вдове умершего должен жениться его брат или один из его ближайших родственников; этот обычай, несомненно, связан с практикой покупки невесты («калым»), когда ее считают затем имущественной принадлежностью семьи мужа.

В некоторых религиях существуют установкИ, регламентирующие половые сношения в браке. Особенно четко они проступают в индуизме, который осуждает половые сношения в дни моления определенным богам и богиням, при новолунии и полнолунии, в 11-й день лунного цикла, при лунном и солнечном затмении, в течение 2—3 дней после прекращения месячных, 4—6 месяцев после рождения ребенка и т. д. По имеющимся данным, эти ограничения в половых отношениях охватывают в сельской местности до 120 дней в году. Особо следует отметить обычай длительных посещений молодой женой дома своих родителей; такие визиты нередко продолжаются в течение 8 и более месяцев и заметно удлиняют разрыв между временем вступления в брак и наступлением беременности. При среднем возрасте вступления в брак женщины 14—16 лет первый ребенок у нее родится в среднем через 3,5—4 года. С повышением возраста вступления в брак этот разрыв несколько сокращается как вследствие увеличения физиологической плодovитости, так и потому, что с годами женщины постарше меньше соблюдают обычай длительных визитов к родителям⁶.

Целесообразно остановиться также на том, какое влияние оказывает на плодovитость полигамия, так как распространение ее определялось главным образом религиозными установками. Многоженство допускалось Риг-Ведой и у древних индусов, по-видимому, считалось обычным; еще в XIX в. около 5% индуистов жило в полигамном браке. Примерно такое же распространение имела полигамия и у буддистов. Раннее христианство, как и индуизм, не запрещало полигамии. Еще в средние века не-

которые короли и князья, в частности некоторые из Меровингов, имели по две законных жены. Отдельные христианские церкви (*анабаптисты, мормоны*) проповедовали полигамию как истинно христианский брак, однако подавляющее большинство христианских церквей и сект резко осудило ее. По существу единственная из мировых религий, определенно поддерживающая полигамию,— это ислам. Коран разрешает мусульманину иметь до четырех законных жен, не считая наложниц-рабынь. Однако сейчас даже в мусульманских странах количество полигамных браков сравнительно невелико; в некоторых из них, например в Пакистане, многоженство ограничено законодательным путем. Тем не менее данный вопрос, совершенно не освещенный в нашей литературе, по своему методологическому значению, особенно для историко-демографических исследований, требует хотя бы краткого рассмотрения.

Установлено, что полигамия оказывает в целом отрицательное влияние на плодovитость, хотя выяснить степень такого влияния довольно трудно. Сложность этого связана главным образом с тем обстоятельством, что вторая или следующая жена берется, как правило, не одновременно с первой, а гораздо позже и обычно бывает более молодой (исключения связаны преимущественно со случаями левирата — женитьбы на вдове старшего брата), причем элиминировать влияние различий в их возрасте не так легко. Первая жена значительное время живет фактически в моногамном браке, однако с появлением других жен дети первой могут считаться рожденными в полигамном браке; в случае смерти первой жены ее дети, а также дети второй жены могут снова учитываться как дети от моногамного брака и т. п. Если полигамия вызвана бездетностью первой жены, то общее число детей, приходящихся на одну женщину в полигамном браке, оказывается преуменьшенным.

Главная причина более низкой плодovитости женщин в полигамных браках заключается в уменьшении частоты половых сношений; половая активность мужчины, имеющего нескольких жен, обычно повышается, однако она не может возрастать пропорционально их числу. Следует также учесть, что с увеличением частоты сношений уменьшается число активных сперматозоидов, приходящихся на каждый половой акт, и что в полигамных бра-

⁶ J. R. Rele. Some aspects of family and fertility in India.—*«Population Studies»*, 1962, v. XV, N 3.

ках в большинстве случаев состоят мужчины среднего возраста и пожилые, а не более активные в данном отношении молодые мужчины. Все это усугубляется неравномерным вниманием мужа к своим женам. Мусульманская книга закона требует, чтобы муж поровну делил свое внимание между всеми женами и не оставался с одной более четырех месяцев. Обычно каждая жена имеет свою комнату или шатер и муж посещает ее в очередную ночь, причем установленный порядок посещения может быть изменен только с согласия самих жен. Фактически же чаще всего муж уделяет основное внимание какой-то одной жене, пренебрегая остальными. Отметим также, что традиционные ограничения половых сношений, в частности послеродовое воздержание, в полигамных браках могут соблюдаться более легко и, как правило, продолжают дольше, чем в моногамных. Все это удлиняет интервал между очередными зачатиями. По данным Мюсама, исследовавшего плодородность бедуинов Негева (Израиль), на замужнюю женщину старше 50 лет в моногамном браке приходилось в среднем 3,8 живых детей (7,7 рождений), в полигамном на первую жену — 3,1 (5 рождений), на вторую — 3,3 (5,4 рождений). Если же исключить бездетных женщин, то соотношение несколько сглаживается: на одну женщину в моногамном браке приходится 11,3, в полигамном браке — 10,2 рождений⁷.

Отмечая общее отрицательное влияние полигамии на плодородность, следует сказать и о некоторых ее положительных сторонах. Полигамные семьи обычно более состоятельны, и женщины в них меньше загружены работой, чем в моногамных, что благоприятно сказывается на их здоровье и положительно влияет на плодородность. И если в целом полигамия снижает плодородность, то во многих случаях она может значительно повысить показатель рождаемости, благодаря увеличению доли женщин, состоящих в браке.

* * *

Статистические данные, характеризующие различия в плодородности групп людей, принадлежащих к различным религиозным системам, сравнительно немногочисленны,

⁷ H. V. Muhsam. Fertility of polygamous marriages.— «Population Studies», 1956, v. X, N 1.

особенно в отношении буддизма и индуизма. Кроме того, данные не всегда достаточно сопоставимы, так как группировка по религиозной принадлежности не исключает различий в составе таких групп по возрасту и полу, а также уровню образования, месту жительства (город, село) и по некоторым другим социально-экономическим и социально-культурным характеристикам. Эти различия могут затемнить и даже исказить действительное влияние религиозного фактора.

Воздействие таких побочных в данном отношении факторов особенно сильно сказывается при попытках сопоставить данные по странам в целом, например мусульманский Пакистан и католическую Италию. Здесь это влияние усугубляется действием добавочных причин: различиями в системе законодательства, в степени и характере занятости населения и т. д. Другая сложность учета влияния религиозного фактора состоит в скудости материалов, характеризующих действительную религиозность населения той или иной страны. Сама религиозная принадлежность обычно определяется довольно формально, на основании религиозной принадлежности главы семьи или факта совершения обряда над младенцем, а не путем учета действительной религиозной убежденности того или иного лица, его связи с церковной организацией и т. п. Поэтому ниже мы ограничимся лишь небольшим числом примеров, которые, однако, могут иметь не только иллюстративное значение, но и определенную силу доказательства.

Согласно материалам индийской статистики, влияние религиозного фактора проступает уже в различии среднего возраста вступления в брак: после 1930 г. он составлял у женщин-индусок 14,2 года, у мусульманок — 15,1, у христианок — 18,6⁸. Однако по ряду причин, немаловажную роль среди которых играло, по-видимому, отмеченное выше традиционное ограничение половых отношений в браке, более раннее вступление в брак индусок не привело к более высокой плодородности. По данным переписи 1931 г., на 1000 замужних женщин в возрасте 15—39 лет приходилось детей до 4 лет включительно среди индусов — 817, среди мусульман — 900, а среди буддистов —

⁸ A. Das Gupta, R. Kumar Som. Couple fertility.— «The National Sample Survey», N 7. Calcutta, 1955, p. 97.

932⁹. Самая высокая плодовитость отмечена у сикхов, а самая низкая — у парсов, сравнительно небольшой религиозной группы, сосредоточенной преимущественно в городе Бомбее. Пониженная плодовитость парсов может быть объяснена не только жизнью в городе, но и сравнительно высокой долей грамотных, а также, по-видимому, более высоким жизненным уровнем; следует подчеркнуть, что зороастризм предписывает парсам добиваться материального благосостояния.

Плодовитость мусульман в сравнении с христианами может быть показана на примере Ливана, где численность этих двух общин примерно одинакова (табл. 1).

Таблица 1
Плодовитость женщин в религиозных общинах
в Ливане*

Тип поселения	Среднее число рождений на одну женщину старше 45 лет	
	муж-мусульманин	муж-христианин
Сельская местность . .	7,65	7,18
Города	6,53	3,70

* D. Yaukey. Differential fertility in Lebanon. — «Research in family planning». Princeton, 1962, p. 193.

Показательно, что разница между ними особенно заметна среди городского населения: горожане-христиане более свободно прибегают к контролю рождаемости, в то время как мусульмане, даже в условиях сравнительной доступности противозачаточных средств, стойко сохраняют традиции многодетности.

Значительный интерес представляет материал по странам Балканского полуострова, где соседствуют православные, католики и мусульмане. В Болгарии естественный прирост турок-мусульман, вследствие их более высокой

плодовитости, был заметно выше, чем у болгар-христиан. Согласно данным о естественном движении населения по религиозной принадлежности за 1925—1928 гг., коэффициент рождаемости среди православных, к числу которых принадлежала основная масса болгар, составлял 35,3⁰/₀₀, смертности — 18, естественного прироста — 17,3⁰/₀₀; среди мусульман (турки и часть болгар) — соответственно 41,0; 22,1 и 18,9⁰/₀₀¹⁰. Среднегодовой естественный прирост у турок в 1946—1956 гг. был приблизительно вдвое выше, чем у болгар.

В Югославии, по данным 1931 г., коэффициент рождаемости среди мусульман (боснийцы, албанцы, турки) составлял 44,5⁰/₀₀, среди православных (сербы, македонцы, черногорцы) — 44,0, среди католиков (хорваты, словенцы, венгры) — 33,5⁰/₀₀¹¹. В последующие годы мусульманское население Югославии сохранило высокую рождаемость, а христианское — снизило ее, в связи с чем различия в естественном приросте между религиозными группами усилились. Признавая условность имеющихся в нашем распоряжении статистических материалов, связанную со значительными социально-экономическими различиями между группами населения, исповедующими ту или иную религию, можно отметить все же, что численность мусульман-боснийцев за период с 1948 по 1953 г. увеличивалась ежегодно приблизительно на 2,5%, численность православных-сербов — на 1,6, численность католиков — хорватов и словенцев — всего на 1,0%.

В зарубежной литературе хорошо изучено влияние на плодовитость католичества и протестантских церквей, а также иудаизма. Судя по имеющимся материалам, плодовитость католиков во всех странах их обитания была, как правило, намного выше, чем у живущих там же протестантов. Данные таблицы 2, охватывающие значительный период, показывают, что в двух немецких районах эти различия четко проступают как в сельской местности, так и в городах. При общем снижении уровня плодовитости групп католиков и протестантов приблизительно вдвое, эти различия между ними сохранились.

Кроме прямых данных о различиях в плодовитости

⁹ K. Davis. The Population of India and Pakistan. Princeton, 1951, p. 223.

¹⁰ По данным «Статистически годишник на България. 1935», година 27. София, 1935.

¹¹ По данным «Statistički godišnjak. 1939». Beograd, 1939.

Таблица 2

Плодовитость протестантов и католиков в Германии *

Район и социальное положение изучаемых групп	Религиозная принадлежность	Среднее число детей на брачную пару старше 45 лет в браках, заключенных в		
		1880—1900 гг.	1901—1918 гг.	1919—1933 гг.
Крестьяне (Шварцвальд)	Протестанты . . .	5,96	4,64	3,46
	Католики	7,55	6,28	4,45
Крестьяне (долина Рейна)	Протестанты . . .	4,55	3,59	2,30
	Католики	5,84	4,48	3,08
Рабочие (Шварцвальд)	Протестанты . . .	5,30	3,75	2,14
	Католики	6,23	5,31	2,64
Рабочие (долина Рейна)	Протестанты . . .	5,02	3,52	2,37
	Католики	5,93	3,76	2,71

* R. Ungern-Sternberg, H. Schubnell. Grundriss der Bevölkerungswissenschaft. Stuttgart, 1950, p. 277.

Таблица 3

Распространение контроля рождаемости в Великобритании *

Время заключения брака и социальное положение	Доля (в %) практикующих контроль рождаемости	
	протестанты	католики
<i>Время заключения брака</i>		
До 1929 г.	55,4	20,0
1930—1939 гг.	68,0	38,9
1940—1949 гг.	73,9	61,2
<i>Социальное положение</i>		
Работники умственного труда	75,5	59,3
Работники физического труда		
квалифицированные	71,9	44,3
неквалифицированные	63,8	43,7

* G. Rowntree, R. M. Pierce. Birth control in Britain. — «Population Studies», 1961, v. XV, N 1.

религиозных групп большое методологическое значение имеют косвенные данные, связанные, в частности, с практикой контроля рождаемости. Приводимые в таблице 3 данные по Великобритании за 1961 г. показывают, что во всех социальных группах, и особенно среди рабочих, католики реже прибегают к такому контролю, чем протестанты, хотя за последнее время эта разница начинает уменьшаться.

Связь между плодовитостью и религиозной принадлежностью довольно основательно исследована в США, где для этой цели широко применялся метод анкетных обследований. Одно из первых крупных обследований, произведенное в 1941 г. в городе Индианаполисе, показало, что плодовитость католических брачных пар почти на 20% выше, чем протестантских, и на 55% выше, чем иудейских пар¹². При попытках провести более широкие обследования исследователи столкнулись с сильным влиянием побочных факторов: показатели плодовитости католиков испытывали понижающее влияние городской жизни (в США доля городских жителей среди католиков выше, чем среди протестантов), напротив, показатели плодовитости протестантов оказывались выше благодаря включению в их состав негритянского населения (принадлежащего в основном к протестантским церквям) и т. д. Поэтому в дальнейшем обследования обычно не выходили за рамки того или иного города, а негры, значительно отличающиеся по своему социально-экономическому и культурному положению от «белого» населения, выделялись в особую группу.

Результаты нескольких обследований населения Детройта, произведенных в 50-х годах, показывают связь плодовитости не только с религиозной принадлежностью, но и со степенью религиозности брачных пар. Молодые католические пары (до 35 лет), посещающие церковь еженедельно, имели в среднем по 2,22 ребенка, а посещающие церковь изредка — 1,88; среди протестантов-белых эти цифры соответственно 1,90 и 1,75; среди протестантов-негров — 2,32 и 2,25. Из таблицы 4 видно, что католики Детройта имели более высокую плодовитость, чем иудеисты и протестанты-белые, однако несколько уступали в этом отношении протестантам-неграм.

¹² «Social and psychological factor affecting fertility», ed. by P. K. Welpton and C. V. Kiser. N. Y., 1958.

Таблица 4

Плодовитость женщин в религиозных группах
в Детройте на 1957 г. *

Религиозная принадлежность	Среднее число детей у замужних женщин	
	15—44 лет	старше 45 лет
Католики	2,28	3,06
Протестанты-белые	2,13	2,69
Протестанты-негры	2,66	3,21
Иудаисты	1,75	2,22

* G. L e n s k i. The Religious factor. A sociological study of religious impact on political, economical and family life. N. Y., 1961, p. 23.

Для того чтобы исключить влияние побочных факторов, некоторые американские исследователи подбирали брачные пары, принадлежащие к различным религиозным группам, но имеющие одни и те же социально-экономические характеристики (одинаковые занятия, доход, жилищные условия, образование, продолжительность брака и т. п.). При доведении таких факторов почти до полного сходства (так называемом уравнивании) показатели плодovitости протестантов оказались близкими к показателям плодovitости иудаистов, но те и другие заметно уступали показателям плодovitости католиков (табл. 5).

Одним из показателей религиозности населения может служить доля не смешанных в религиозном отношении браков. По обследованиям, произведенным американскими социологами в городах Детройте и Нью-Хейвене, установлено, что подавляющее большинство верующих (среди протестантов — 74,4%, среди католиков — 93,8, среди иудаистов — 97,1%) заключает браки внутри своей религиозной группы; в других районах страны эти числа, вероятно, иные, но их порядок и соотношение вряд ли сильно меняются¹³. Незначительное число смешанных в религиозном отношении браков среди иудаистов, по-видимому, в значительной степени объясняется антисемитизмом, обособляющим их от остальной массы населения. Что же касается католиков, то высокий процент одно-

¹³ G. E. Simpson. People in families. Sociology, psychoanalysis and American family. N. Y., 1960, p. 136.

Таблица 5

Плодовитость и ее факторы *
(результаты обследования брачных пар с неуравновешенными (А)
и уравновешенными (Б) показателями)

	Протестанты		Католики		Иудаисты	
	А	Б	А	Б	А	Б
Средний возраст вступления женщины в брак	19,7	21,4	21,2	22,5	21,8	21,8
Среднее число детей фактическое	2,1	1,4	2,1	2,0	1,7	1,7
желаемое	3,0	2,8	3,5	3,7	2,6	2,6
Доля одобряющих контроль рождаемости, %	86	96	45	30	94	94
Доля пользующихся контрацептивами или методом ритма, %	75	83	57	59	86	86

* R. Freedman, P. K. Whelpton, J. W. Smith. Socioeconomic factors in religious differentials in fertility. — «American Sociological Review». N. Y., 1961, v. 26.

родных в религиозном отношении браков, несомненно, свидетельствует об их относительно большей религиозности по сравнению с протестантами.

Очень сильны позиции католической церкви в странах Латинской Америки, отличающихся в настоящее время наиболее высоким показателем естественного прироста по сравнению с другими районами мира. Сравнительные материалы по этим странам мало интересны, так как в подавляющем большинстве доля других религиозных групп в этих странах незначительна. Что же касается фактора степени религиозности, то влияние его проступает не столь четко, как в США. В Пуэрто-Рико, где католики составляют 82% населения, 38% из них почти никогда не посещают церковь и 22% посещают ее спорадически. Однако при опросе мужчин большинство их отвергло контроль рождаемости именно по религиозным мотивам, ставя все остальные причины на второй план¹⁴. При обследовании

¹⁴ R. Hill, L. M. Stycos, K. W. Back. The Family and population control. A Puerto-Rican experiment in social change. Chapel Hill, 1959, p. 53.

в Сан-Сальвадоре было установлено, что у католиков, посещающих церковь ежедневно, плодовитость несколько ниже, чем у менее ревностных католиков, однако конкретные причины этого явления не выяснены¹⁵.

Высокая плодовитость некоторых групп католиков в отдельных случаях поддерживалась не только общей позицией католической церкви, но и некоторыми конкретными социально-психологическими факторами, в том числе политическим соперничеством с другими группами населения. Подобное явление наблюдалось, например, среди католиков Нидерландов, соперничавших с протестантами страны. В XVI в., когда Нидерланды выделились в самостоятельное государство, католическая часть их населения была притесняемым религиозным меньшинством, заметно уступавшим по численности протестантам. Однако в XIX и особенно в XX в. численное преобладание протестантов начало уменьшаться. Это было связано с распространением среди них средств контроля рождаемости, в то время как среди католиков велась кампания за высокую плодовитость. В этой кампании участвовали не только католические священники, но и возникшая там католическая партия и католические профсоюзы, выступавшие против аборт и контрацептивов, дезорганизующих, по их словам, семью. Перед второй мировой войной плодовитость католиков в Нидерландах была на 45% выше, чем протестантов-лютеран, и на 15% выше, чем протестантов-кальвинистов; более высокая плодовитость католиков была отмечена и в послевоенный период¹⁶. В результате этого, а также в связи с большим распространением атеизма среди протестантов численность католиков, согласно данным переписи 1960 г., оказалось уже почти такой же, как численность протестантов.

Заканчивая краткий обзор материалов, характеризующих влияние религиозного фактора на плодовитость, следует еще раз подчеркнуть его зависимость от других социально-психологических и социально-экономических факторов. Многие из отмеченных выше религиозных обычаев, поощряющих высокую плодовитость, ведут свое начало от

¹⁵ C. J. Gómez. Religion, education and fertility control in Latin American societies. Proceedings of the World Population Conference. Belgrade, 30 august — 10 september 1965. Vol. II. N. Y., 1967, p. 1173—1174.

¹⁶ F. van Heek. Roman-Catholicism and fertility in the Netherlands. — «Population studies», 1956, v. X, N 2.

народных обычаев и традиций, возникших в тяжелых условиях существования человеческих коллективов как естественная реакция на высокую смертность; религия только освятила их и закрепила в своих канонах. Традиция ранних браков опирается на низкий уровень развития производительных сил. Ранние браки жителей Индии или, например, арабских стран связаны не столько с установками индуизма и ислама, сколько с аграрным характером экономики этих стран. Отсталое сельское хозяйство, в котором занята здесь подавляющая масса населения, не требует для своего ведения сколько-нибудь длительного производственного обучения или специального образования. Поэтому стремление к ранним бракам можно объяснить желанием скорее получить добавочную пару рабочих рук для труда в поле (у земледельцев) или для труда в домашнем хозяйстве (особенно у кочевников-скотоводов).

По силе своего влияния на плодовитость религия в большинстве случаев уступает другим факторам, например образованию. При исследовании плодовитости в Сан-Сальвадоре (1964 г.) установлено, что католицизм оказывает на плодовитость меньшее влияние, чем образование, которое очень быстро прививает терпимое отношение к контролю рождаемости даже ревностным верующим¹⁷. Слабое распространение мер планирования семьи в мусульманских странах объясняется не только установками ислама, поощряющими многодетность, приниженным по исламу положением женщины, но и низким уровнем грамотности населения. Во многих мусульманских странах (Иране, Ираке, Пакистане, Марокко и др.) лишь около 40% женщин старше 15 лет умеют читать и писать. Неграмотность и малограмотность населения тормозят распространение современных средств контроля рождаемости. Весьма показательным в этом отношении является положение в Турции, где, согласно данным опроса, более половины населения ничего не знало об этих средствах, что подтверждается большим разрывом между желаемым и фактическим числом детей¹⁸: в среднем мужчины считали идеальным числом детей в семье 3,7, женщины — 3,2, а в действительности каждая женщина старше 45 лет, состоявшая в браке, име-

¹⁷ C. J. Gómez. Op. cit.

¹⁸ D. Kirk. Factors affecting Moslem natality, U. N. Proceedings of the World Population Conference. Belgrad, 30 august — 10 september 1965. Vol. III. N. Y., 1967.

ла в среднем около 6 рождений. Можно предположить, что в таких странах развитие культуры и образования (а в эти понятия входит и знакомство с мерами планирования семьи) должно привести к распространению контроля рождаемости, невзирая на препятствующие ему религиозные установки.

Сделанные замечания не умаляют значения религиозного фактора, который, как показывает приведенный нами материал, оказывал и продолжает оказывать существенное влияние на рождаемость. Многие религиозные установки в результате многовекового их исполнения входят в культуру и быт народов, становятся по существу народными традициями и как таковые продолжают существовать даже после того, как религия уходит в прошлое. Подавляющее большинство жителей СССР в настоящее время атеисты, однако не случайно, что наиболее высокие показатели плодovitости отмечены у народов, в недавнем прошлом исповедовавших ислам: азербайджанцев, туркмен, узбеков, киргизов и др. Изучение этого и подобных им явлений нашими демографами и социологами будет иметь важное теоретическое и практическое значение.

Е. А. Садвокасова

*Институт социальной гигиены и организации
здравоохранения им. Н. А. Семашко*

РОЛЬ АБОРТА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СОЗНАТЕЛЬНОГО МАТЕРИНСТВА В СССР (по материалам выборочного обследования)

Человечество давно научилось ограничивать число рождаемых женщиной детей. Многовековая история сознательного ограничения деторождения показывает, что существуют три способа его осуществления: предохранение от возможного зачатия путем стерилизации одного или обоих супругов, применение разного вида противозачаточных средств и умерщвление уже зачатого ребенка в утробе матери (искусственный аборт).

Если не принимать во внимание различий в определении живорождения и мертворождения, что, конечно, имеет значение при исчислении показателей рождаемости, то государственная статистика большинства стран мира имеет более или менее сопоставимые сведения об этой части женской плодovitости, в частности о живорожденных. Статистика же аборта (искусственного прерывания беременности)¹ в силу субъективных причин, самой существенной из которых следует считать запрет искусственного аборта уголовным законодательством большинства капиталистических стран, представляет собой наименее разработанный раздел демографической статистики. В странах, где операция искусственного прерывания беременности не

¹ Под абортom понимается гибель плода раньше, чем его можно назвать мертворожденным, т. е. до достижения им полных 28 недель после зачатия.

преследуется законом, имеется более или менее достоверная государственная статистика аборта. Кроме того, даже в странах, где аборт запрещен законом, на основании специальных статистических исследований и разного рода косвенных данных делаются более или менее точные расчеты возможного количества абортов.

В наше время нет нужды доказывать, что аборт представляет собой проблему, затрагивающую не только семейные интересы, но в известной мере и интересы государства, так как он служит одним из наиболее распространенных методов ограничения деторождения. Как справедливо считают некоторые зарубежные ученые, аборт в наше время превратился в мировую проблему — во многих странах его уровень далеко перешагнул уровень живорождений или равен ему. При этом опыт многих стран показывает, что даже самый строгий запрет не в состоянии прекратить производство абортов, а широкая их легализация не может полностью ликвидировать криминальный аборт.

Отношение к регулированию деторождения вообще и в частности к аборту как одному из его методов зависит от политики населения в каждой стране и потому в одной и той же стране со временем претерпевает значительные изменения, а в один и тот же период резко различается между странами.

В царской России, как и во всех государствах того времени, искусственный аборт был запрещен законом. Передовая медицинская мысль — Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова — требовала отменить уголовное преследование за аборт самой женщины, а врача наказывать лишь в случаях корыстных целей с его стороны.

В. И. Ленин в своей статье «Рабочий класс и неомальтузианство», опубликованной в газете «Правда» 16 июня 1913 г., писал о необходимости «требовать безусловной отмены всех законов, преследующих аборт или за распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах и т. п. Такие законы — одно лицемерие господствующих классов. Эти законы не исцеляют болячек капитализма, а превращают их в особенно злокачественные, особенно тяжелые для угнетенных масс»².

В Советском Союзе аборт по медицинским и социальным показаниям был легализован 19 ноября 1920 г. Тем

самым советская женщина впервые в мире получила право свободно решать вопрос о своем материнстве. В связи с этим, вследствие выхода из подполья криминального аборта, количество зарегистрированных абортов в стране быстро возросло.

Во второй половине 30-х годов в СССР начали вступать в плодотворный возраст относительно малолюдные поколения женщин, родившихся в годы первой мировой и гражданской войн, когда уровень рождаемости был очень низким. Это обстоятельство послужило поводом (как потом выяснилось, ошибочным) для пересмотра закона о легализации аборта по социальным показаниям. Инициаторы этого мероприятия рассчитывали таким путем повысить неуклонно снижавшуюся рождаемость. После подготовки вопроса в периодической печати 27 июня 1936 г. было принято постановление «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»³. В первый же год после выхода в свет этого постановления количество зарегистрированных по всей стране абортов снизилось более чем в 3 раза, а в сельской местности — даже более чем в 4 раза. В последующие годы, однако, первые впечатления о запрете улеглись, и число абортов стало быстро увеличиваться и росло вплоть до 1940 г. В 1939 г. в городах число абортов на 1000 женщин плодотворного возраста (15—49 лет) составило, по нашим расчетам, 36,5.

При этом полные аборты, или аборты по медицинским показаниям, занимали менее 10% общего числа абортов по всей территории страны и лишь около 4% в сельской местности. Остальные женщины поступали в стационары с начавшимся вне его стен (неполным) абортом. Произведенное нами в те годы специальное изучение состояния этих женщин при поступлении на лечение показало, что по крайней мере третья часть их имела криминальный аборт, так как поступала в стационар с лихорадочным или септическим состоянием; при этом третья часть поступивших с неполным абортом имела поздние (выше трех месяцев) сроки беременности, что служит в этих случаях кос-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 257.

³ СЗ СССР, 1963, № 34, стр. 309.

венным доказательством вмешательства. Само собой разумеется, что в условиях запрета аборта установить точно, имел ли начавшийся аборт криминальный характер, не представляется возможным, ибо женщины держат это обстоятельство в глубокой тайне. Надо думать, что в действительности нелегальные аборт, совершенные в неподходящих условиях и поэтому наиболее опасные для здоровья женщины, составляли в этот период значительно больше трети всех неполных аборт.

За годы Великой Отечественной войны, которая привела как к весьма значительному уменьшению в тылу численности мужчин производительного возраста, так и к временным разрывам семейных связей, для тыловых территорий страны аборт утратил свое прежнее значение. Вместе с тем на территориях, освобождаемых от оккупации, встречалась необходимость разрешения аборт в случаях наступления беременности от оккупантов, возникшей чаще всего в результате насилия. После окончания Великой Отечественной войны в связи с возвращением из армии мужчин уже начиная с 1946 г. число зарегистрированных аборт увеличивается. Особенно тревожным был факт роста как в городах, так и в сельской местности количества неполных аборт.

Таким образом, Постановление 1936 г. о запрещении аборт по сути дела не стало и не могло стать сколь-нибудь серьезным стимулом повышения рождаемости, которая поднялась лишь на весьма короткий срок; оно лишь вынудило многих женщин в случаях нежелательной беременности прибегать к нелегальному абарту, рискуя своим здоровьем, а иногда и жизнью. Принимая во внимание все эти обстоятельства, 23 ноября 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения аборт»⁴ советским женщинам было предоставлено право самим решать вопрос о своем материнстве. После издания этого указа аборт стал в СССР общедоступным способом регулирования супругами величины семьи и получил широкое распространение.

Именно поэтому, поставив перед собой задачу изучить мотивы, побуждающие советскую женщину планировать число рождаемых ею детей, мы сочли возможным решать эту задачу путем исследования причин аборт. В период

полной свободы аборт это оказалось возможным, так как женщины, как правило, не стесняясь называют врачу или медицинской сестре причины, побудившие их обратиться в женскую консультацию за разрешением на производство аборт.

Исследование было произведено в РСФСР в 1958—1959 гг. путем опроса женщин при направлении их в стационар для производства аборт. Ответы подчеркивались на опросном листе самой женщиной или медицинской сестрой, а в некоторых случаях — врачом. Таким образом, из сферы нашего наблюдения были сознательно исключены случаи, когда женщина попадала в лечебное учреждение с неполным абарт и, как правило, утверждала, что не знает причины кровотечения, так как оно началось без всякого вмешательства с ее стороны. Причины неполных аборт нами не изучались.

Достаточная репрезентативность собранного таким путем материала (в отношении городского населения) подтверждается следующими данными: а) опросом было охвачено 0,6% всех зарегистрированных в лечебных учреждениях РСФСР аборт; б) население городов, в которых были собраны анкеты, составляет 17,3% всего городского населения Российской Федерации; в) помимо опроса были собраны по городам, где проживает 24,8% всего городского населения Российской Федерации, данные о возрасте всех имевших зарегистрированные аборт женщин. Они охватили 12,5% всех женщин, имевших аборт в городах РСФСР. Оказалось, что возрастной состав имевших аборт женщин по данным нашего опроса и по данным сплошного учета почти идентичен: весьма незначительные отклонения имеются лишь в отношении группы 20—29 лет.

По данным опроса, подавляющее большинство женщин, имевших аборт, как в городах, так и в сельской местности, состояло в браке, в основном в зарегистрированном браке. При этом в городах доля замужних была несколько больше, чем на селе, что соответствует официальным данным переписи о доле замужних в РСФСР.

Логично предположить, что в условиях полной свободы искусственного прерывания беременности к тайному абарту чаще прибегают незамужние из-за боязни огласки. Вероятно, именно этим объясняется значительно большая (по данным нашего опроса, в 10 раз) частота зарегистрированного аборт у замужних, чем у одиноких женщин.

⁴ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1955, № 22, ст. 425.

Что касается частоты аборта в связи с трудовой деятельностью женщин, то, по нашим материалам, на 1000 работающих женщин приходится 105,5 аборта, тогда как у неработающих женщин частота аборта значительно меньше — всего 41,5‰.

Имея в виду влияние аборта на здоровье, и особенно на производительную функцию женщины, важно знать, какое место среди имевших аборты занимают первобеременные. Этим женщинам, находящимся, как правило, в молодом возрасте, следует разрешать искусственное прерывание первой беременности только по медицинским показаниям, так как выскабливание еще ни разу не рожавшей матки может привести к тяжелым последствиям вплоть до стойкого бесплодия. По данным нашего опроса, доля женщин, прервавших свою первую беременность, довольно велика как в городах (6,0%), так и в сельской местности (3,8%), хотя и меньше, чем была до войны. В 1938 г., по материалам нашего исследования, доля первобеременных среди женщин, имевших неполные аборты, была более значительной: 14,3% в городах и 9,7% в сельской местности.

Собранные нами материалы дали, кроме того, возможность осветить вопрос о повторности аборта в одном и том же году. Если иметь в виду, что, по мнению специалистов, искусственное прерывание беременности, даже в идеальных условиях, не безвредно, врачей акушеров-гинекологов, а также организаторов здравоохранения должно насторожить то обстоятельство, что довольно значительное количество опрошенных нами женщин, имевших искусственные аборты, как в городах (15%), так и в сельской местности РСФСР (16%) подвергалось операции искусственного аборта повторно в одном и том же году.

Чрезвычайно важно распределение женщин, имевших аборты, по числу живых детей у них на момент опроса, а также по порядковому номеру абортированной беременности. Оно дает более или менее правильное представление о том, после какого по счету ребенка женщина начинает сознательно регулировать величину своей семьи.

По нашим данным, городские женщины начинают ограничивать деторождение уже после первого ребенка, а сельские — после второго. Так, среди опрошенных женщин, имевших аборты в 1958—1959 гг., искусственно прервавшие свою вторую беременность в городе составляли

18%, а в сельской местности — лишь несколько более 14%. Косвенно указанный вывод подтверждается и данными бюджетных обследований. В 1962 г. среди колхозников семьи с двумя детьми составляли только 32%, тогда как среди рабочих промышленности их было 39%, а среди служащих — 41%⁵.

Основная цель исследования, как уже упоминалось, состояла в выяснении причин, заставляющих женщин прибегать к аборту. При разработке и анализе собранного материала указанные женщинами причины прерывания беременности мы условно разделили на объективные и субъективные. К числу первых мы отнесли такие, как «отсутствие мужа», «грудной ребенок», «не с кем оставить ребенка дома и невозможно устроить его в детское учреждение» и «болезнь одного или обоих супругов». Субъективными причинами мы считали «нежелание матери сохранить беременность» и «нежелание отца иметь ребенка». Вне этих групп остались такие причины, как «материальная необеспеченность», «семейные неполадки», «много детей» и некоторые другие, поскольку мы не имеем достаточно удовлетворительного критерия для оценки объективности каждой из них. То, что одна женщина считает недостаточной материальной обеспеченностью, другую вполне удовлетворяет. Взаимоотношения в семье, которые одна женщина считает хорошими, другая может расценивать как совершенно ненормальные, не позволяющие ей иметь ребенка. Столь же различными могут быть и оценки жилищной обеспеченности семьи, исходя из которых супруги решают, обзавестись ли им еще одним ребенком. Да и к числу имеющихся в семье детей женщины могут относиться по-разному.

С другой стороны, при всей на первый взгляд субъективности таких причин, как «нежелание» иметь ребенка, следует признать, что субъективность в данном случае существует лишь формально, так как в каждой семье она вызвана причинами совершенно объективными, но оставшимися для нас неизвестными, а может быть, даже и не осознанными еще самими супругами. Именно поэтому, когда та или иная женщина указывала две причины или более, из которых одна была в нашем толковании объектив-

⁵ «Женщины и дети в СССР». Статистический сборник. М., Госстатиздат, 1963, стр. 68.

ной, а остальные субъективными, мы считали возможным относить этот случай к группе объективных причин, дабы не увеличивать группы «множественных», т. е. по сути дела неясных, причин, куда мы причисляли лишь случаи указания нескольких объективных причин одновременно.

Исходя из перспектив дальнейшего развития народного хозяйства и роста материального и культурного уровня жизни населения нашей страны, все указываемые женщинами причины аборта мы разделили на четыре группы: 1) «безусловно устранимые» в процессе дальнейшего построения коммунистического общества; 2) «условно устранимые»; 3) «неясные» и 4) «неустранимые». Распределение обследованных женщин по причинам аборта представлено в таблице. В ней приведены средние данные по РСФСР, однако материалы исследования имеются и по отдельным экономико-географическим районам Российской Федерации.

В первую группу — «безусловно устранимых» — причин вошли такие причины, как «не с кем оставить ребенка дома и невозможно устроить его в детское учреждение», «недостаток или отсутствие жилой площади», «материальная необеспеченность». Первая из них, за исключением районов Урала и Поволжья, занимает в городах и сельской местности почти одинаковую долю. Это зависит, по-видимому, не от более высокой обеспеченности сельской местности детскими учреждениями, а от особенностей условий жизни на селе, где работающая женщина может оставить ребенка дома под присмотром кого-либо из родных. В городских условиях возможность выписать из деревни или взять в семью родственницу или няньку для ухода за ребенком часто отсутствует.

Такое предположение подтверждается при анализе следующей причины в этой группе, сформулированной нами как «недостаток или отсутствие жилой площади» и находящейся по существу на границе объективных и субъективных причин. В самом деле, на недостаток жилой площади женщины могли ссылаться при весьма различном числе квадратных метров, приходящихся на одного члена семьи. Все зависит от привычек и запросов каждой отдельной семьи. В городах эта причина имеет, естественно, гораздо большее значение, чем в сельской местности, причем не только в среднем по Российской Федерации, но и по всем экономико-географическим районам

Таблица

Распределение опрошенных женщин по причинам аборта
(по данным выборочного исследования)

Причины аборта	Доля женщин, указавших данную причину, в % к общему числу опрошенных	
	город	село
1. Безусловно устранимые, всего . . .	35,0	26,3
В том числе		
не с кем оставить ребенка дома и невозможно устроить его в детское учреждение	11,0	10,9
недостаток или отсутствие жилой площади	14,0	4,2
материальная необеспеченность . .	10,0	11,2
2. Условно устранимые, всего	16,5	18,0
В том числе		
отсутствие мужа	5,9	7,3
болезнь одного или обоих супругов	5,7	5,1
семейные неполадки	4,9	5,6
3. Неясные, всего	38,9	45,2
В том числе		
нежелание матери сохранить беременность	30,2	40,1
нежелание отца иметь ребенка . .	2,9	3,1
множественные и другие причины	5,8	2,0
4. Неустранимые причины (грудной ребенок и многодетность)	9,6	10,5
Итого	100	100

республики, кроме района Дальнего Востока. Особенно большую роль эта причина в момент нашего исследования играла в Москве (25,2%), где лишь в следующие годы в связи с широко развернувшимся жилищным строительством стала идти на убыль нехватка жилищ. Наличие связи между этими двумя причинами («недостаток или отсутствие жилой площади» и «не с кем оставить ребенка дома») подтверждается величиной коэффициента ранговой кор-

реляции (Спирмэна), равной в городе⁶ $+0,51$, а на селе — лишь $+0,2$.

Третьей причиной в этой группе является «материальная необеспеченность». Субъективность ее определения не требует объяснений, все зависит исключительно от уровня материальных и культурных запросов каждой отдельной семьи.

Вся группа «безусловно устранимых причин» влечет за собой около трети аборт, произведенных опрошенными горожанками, и около четверти аборт, произведенных сельскими жительницами. При этом в городах аборт, произведенные по причинам, относящимся к первой группе, больше связаны с недостатком жилищ, чем на селе. Коэффициент ранговой корреляции между долей всей первой группы причин и недостатком или отсутствием жилой площади составляет в городах $+0,80$, в сельской местности $+0,44$. Такое соотношение сохраняется не только по всей территории Российской Федерации, но и по каждому из ее экономико-географических районов.

Интересно также отметить, что между уровнем рождаемости в городах и долей причин первой группы («безусловно устранимые») существует довольно сильная обратная связь: коэффициент ранговой корреляции равен $-0,57$. Из всех экономико-географических районов РСФСР в 1959 г. наиболее высоким коэффициент рождаемости был в районе Севера ($25,2\%$), где устранимые причины аборта занимали меньше всего места ($6,5\%$). Самый низкий коэффициент рождаемости отмечался в это время в районах Северо-Запада и Центра ($17,2$ и $17,3\%$), в которых устранимые причины аборта занимали наибольшее место ($44,9$ и $42,4\%$). В сельской местности эта связь менее выражена; коэффициент ранговой корреляции равен $-0,3$.

В противоположность первой группе причины, выделенные в четвертую группу, остаются, как нам представляется, не устранимыми и в дальнейшем. Мы включили в их число такие, как «грудной ребенок» и «многодетность». Доля этой группы по всем экономико-географическим районам Российской Федерации, за исключением района Урала, определяется в основном первой из

входящих в нее причин, т. е. наличием в семье грудного ребенка.

Ко второй группе — «условно устранимых» — причины мы отнесли «отсутствие мужа», «семейные неполадки» и «болезнь одного или обоих супругов». Первая из этих причин занимала в городах несколько меньшую долю, чем в сельской местности. Такое положение наблюдалось не только в среднем по РСФСР, но и по всем экономико-географическим районам Российской Федерации, исключая Дальний Восток. Оно вполне соответствует тому факту, что процент замужних женщин в возрасте 15—49 лет, по данным переписи 1959 г., в городских поселениях РСФСР несколько выше, чем в сельской местности. Существовавшая в то время значительная диспропорция между численностью мужчин и женщин в возрастах старше 36 лет постепенно сглаживается, что ведет при прочих равных условиях к сокращению числа незамужних женщин в наиболее производительных возрастах, вследствие чего «отсутствие мужа» как причина искусственного прерывания беременности должна потерять свое значение.

Такую причину, как «болезнь одного или обоих супругов», в городах называли несколько чаще, чем в сельской местности во всех экономико-географических районах Российской Федерации, за исключением районов Западной и Восточной Сибири. Дать вполне удовлетворительное объяснение этому явлению вряд ли возможно. Однако допустимо предположение, что в городах население чаще болеет, чем в сельской местности, что обеспеченность медицинской помощью сельских жителей сравнительно ниже. Ликвидация в будущем одних болезней и резкое сокращение других позволяет рассчитывать на снижение заболеваемости, а следовательно, и на значительное уменьшение в дальнейшем роли отдельных заболеваний как причины аборта.

«Семейные неполадки» занимали в среднем в городах несколько меньше места, чем в сельской местности, однако такое соотношение сохраняется не во всех экономико-географических районах. Эта последняя причина в группе «условно устранимых» причин сугубо субъективна и наименее ясна по своему содержанию. Однако можно предположить, что высокие темпы жилищного строительства и роста материальной обеспеченности, а также сокра-

⁶ Без Москвы.

щение числа одиноких женщин делают более устойчивыми семейные отношения.

Вся группа «условно устранимых» причин в среднем в городах занимает несколько меньше места, чем в сельской местности. Однако такое положение отмечается не во всех экономико-географических районах Российской Федерации.

В третью группу — «неясных» — причин вошли «нежелание матери сохранить беременность», «нежелание отца иметь ребенка», «множественные» и «другие» причины. Первая из них наиболее весома и занимает в сельской местности значительно больше места, чем в городах, во всех экономико-географических районах Российской Федерации, кроме Дальнего Востока.

В противоположность этому «нежелание отца иметь ребенка» занимает весьма скромное место среди причин аборта как в городе, так и на селе. Столь незначительная доля этой причины аборта, по нашему мнению, блестяще доказывает полную самостоятельность советской женщины в семье, в связи с чем она считается со своим собственным нежеланием иметь ребенка и значительно меньше принимает во внимание нежелание мужа. Мы уже упоминали, что за нежеланием иметь ребенка скрываются какие-то объективные причины, выяснить которые не представлялось возможным.

Последние в этой группе — «множественные» и «другие» — причины правильно рассматривать вместе, так как и по существу и по форме они составляют подгруппу неясных причин. Их доля в городах выше, чем в сельской местности, во всех экономико-географических районах Российской Федерации, кроме Дальнего Востока. Размеры всей третьей группы, как уже указывалось, определяются распространенностью причины «нежелание матери сохранить беременность».

Таким образом, в 1958—1959 гг. как в городах, так и в сельской местности Российской Федерации значительная доля искусственных абортов была вызвана причинами, так или иначе связанными с такими условиями жизни женщины и ее семьи, которые в результате дальнейших успехов в строительстве коммунистического общества в нашей стране будут полностью или частично сняты.

Небезынтересно отметить, что в Ленинграде в 20—30-х годах (первый период после легализации аборта) среди

причин аборта основное место занимала «материальная необеспеченность» (75,1% — у самодеятельных и 80,3% — у несамодеятельных женщин).

Как показывают наши материалы, нехватка жилищ в городах играет пока довольно большую роль как причина аборта, однако намеченное в перспективе жилищное строительство будет с каждым годом снижать значение этой причины, и недалеко то время, когда она будет устранена окончательно. Что же касается «материальной необеспеченности», то в нашей стране эта причина уже в настоящее время играет весьма подчиненную роль и несомненно будет совершенно устранена в ближайшем будущем.

Следует отметить, что довольно большое разнообразие данных по отдельным экономико-географическим районам Российской Федерации, а внутри их по разным городам заставляет предполагать наличие местных особенностей в причинах, побуждающих женщин к аборту.

В связи с нашим утверждением о широком распространении в СССР аборта как способа сокращения числа рождаемых женщиной детей следует уточнить размеры этого распространения.

Одновременно с Указом 1955 г. об отмене запрещения аборта в стране была введена специальная государственная статистика каждого случая аборта у женщины, госпитализированной в любой из стационаров города или сельской местности. Анализ материалов этой статистики показывает, что количество всех зарегистрированных в стране абортов на следующий же год после Указа резко возросло. Этот рост связан главным образом с уменьшением числа криминальных абортов (начатых вне лечебного учреждения), с которыми в период запрета женщины часто не обращались в больницу.

Лучшим доказательством такого утверждения является снижение смертности от неполного аборта за эти годы. Так, в СССР с 1939 по 1959 г. она снизилась в несколько раз и стала значительно меньше уровня смертности того периода, когда аборт был запрещен.

Бытующее у нас мнение о том, что в связи с ростом числа абортов снижается рождаемость в стране, не имеет под собой достаточных оснований. Так, если принять за исходные данные 1955 г. — последнего года, в котором еще действовал закон о запрещении аборта, то в 1963 г.

по всей территории страны (города и сельская местность) число всех зарегистрированных абортс увеличилось более чем в 3 раза, тогда как коэффициент рождаемости за эти же годы снизился лишь очень незначительно⁷:

Год	Коэффициент рождаемости (‰)	Год	Коэффициент рождаемости (‰)
1955	25,7	1960	24,9
1956	25,2	1961	23,8
1957	25,4	1962	22,4
1958	25,3	1963	21,2
1959	25,0		

Во всех союзных республиках абсолютное число всех зарегистрированных абортс в городах в несколько раз больше их числа в сельской местности. Это объясняется не только тем, что среди сельских жительниц аборт распространен меньше, чем среди городских, но и существующим порядком оказания медицинской помощи: женщины, постоянно проживающие в сельской местности, имеют право (и обычно им пользуются) производить аборт в городском лечебном учреждении, в связи с чем эти случаи учитываются в городе.

Динамика абсолютного числа внебольничных абортс весьма существенно отличается от динамики всех зарегистрированных абортс. Так, в условиях запрета абортс в 1955 г. по сравнению с 1954 г. отмечался рост внебольничных абортс во всей стране на 26,2%. На следующий же год после Указа об отмене запрещения абортс на фоне весьма значительного роста числа всех зарегистрированных абортс число внебольничных абортс резко снизилось. В 1956 г. по сравнению с 1955 г. число зарегистрированных внебольничных абортс уменьшилось почти на треть.

Доля внебольничных абортс в общей массе, резко снизившись в 1956 г., в течение всех последующих лет продолжает оставаться приблизительно на одном и том же довольно высоком уровне, составляя по стране в целом около 16%. Какая-то часть этого числа — самопроизвольные абортс, но нет сомнений в том, что большая часть — это нелегальные абортс.

В условиях полной свободы операции искусственного

прерывания беременности в стационаре наличие столь значительного числа нелегальных абортс, по мнению специалистов, связано с рядом обстоятельств. Среди них называют нехватку больничных коек для производства абортс, в результате чего возникает необходимость ожидания своей очереди; желание женщины в некоторых случаях во что бы то ни стало скрыть факт абортс от родных или сослуживцев; большой срок беременности или наступление ее ранее чем через 6 месяцев после предыдущего абортс, когда врач уже не имеет права дать разрешение на аборт; боязнь боли; недостаточную осведомленность женщин об опасности криминального абортс для их здоровья и даже жизни, т. е. недостаточную их санитарную грамотность.

Динамика абсолютного числа зарегистрированных абортс безотносительно к численности женщин плодovитого возраста (15—49 лет), естественно, недостаточна для анализа происходящих в этом явлении сдвигов. Поэтому мы обращаемся к показателям, которые могут несколько уточнить действительное положение. К ним относятся прежде всего данные о динамике уровней плодovитости и абортс на 1000 женщин плодovитого возраста.

Эти показатели изменялись в противоположном направлении. Если в 1958—1959 гг. коэффициент плодovитости был 88,7‰, то в 1962—1963 гг. он снизился до 83,2‰. За это же время число всех абортс на 1000 женщин плодovитого возраста выросло на 23,0%. Соответственно изменилось за эти годы соотношение между числом живорожденных и числом абортс. В 1962 г. по всей территории страны зарегистрированных абортс на каждую сотню родившихся живыми было примерно на треть больше, чем в 1958 г. В какой-то степени дополняет эту картину и доля абортированных беременностей в числе всех беременностей (роды плюс абортс), которая в 1962 г. в среднем по всей территории страны была сравнительно велика, причем в городах абортс занимали среди всех беременностей большее место, чем в сельской местности.

На протяжении десяти лет, прошедших со времени издания в СССР Указа об отмене запрещения абортс, количество зарегистрированных в лечебных учреждениях страны абортс все время увеличивается; при этом следует отметить, что начиная с 1961 г. число абортс стало

⁷ «Вестник статистики», 1966, № 2, стр. 93.

расти медленнее и в 1965 г. по сравнению с 1964 г. увеличилось весьма незначительно — всего на 0,6%.

Таким образом, данные сплошного учета аборт в СССР и рассчитанные на их основании показатели частоты аборт и соотношения между коэффициентом плодovitости и частотой аборт показывают, что аборт как способ избавления от нежелательной беременности чрезвычайно распространен в нашей стране.

Опыт многих лет полной свободы аборт в нашей стране показал, что удаление плодного яйца из полости матки, даже в ранние сроки беременности, руками опытного специалиста и в условиях хорошего медицинского стационара представляет собой серьезную биологическую и механическую травму для всего организма женщины, особенно первобеременной. Эта операция нередко приводит к серьезным ближайшим и отдаленным осложнениям, сказывающимся на менструальной функции, на течении последующих беременностей, а иногда вызывающим и вторичное бесплодие. Кроме того, проделанные женщиной аборты могут послужить причиной недонашивания беременности и аномалий плода при следующих родах. Однако из всего изложенного отнюдь не следует делать вывод о необходимости запрета аборт, так как это якобы повысит рождаемость. Советское Правительство поступило совершенно правильно, отменив в 1955 г. запрет аборт; это решение, по нашему мнению, не подлежит пересмотру. Недавно в Румынии, как сообщала наша печать⁸, в целях поощрения рождаемости и повышения заботы о матери и ребенке был принят декрет о запрещении аборт. При этом установлены материальные поощрения, а именно: семьям с тремя и более детьми на 30% снижается подоходный налог; при рождении третьего и каждого следующего ребенка государство выплачивает по 1000 лей единовременного пособия; женщинам, имеющим детей до семи лет, предоставлено право работать полсмены и т. д. Однако само запрещение аборт вряд ли сможет оказать серьезное воздействие на показатели рождаемости.

Современная, занятая в общественном труде, культурная женщина сама планирует величину своей семьи; и никакой административный запрет аборт законом не

⁸ «Правда», 9 октября 1966 г.

может изменить этого. К сожалению, для осуществления своего права сознательного материнства она слишком широко пользуется таким варварским методом, как аборт, который не только вредит ее здоровью, но и дорого обходится государству в прямом смысле этого понятия. Такие подсчеты сделаны в ГДР⁹. Оказывается, в 1959 г. искусственный аборт обошелся ГДР в 10 млн. марок стоимости содержания женщин в стационарах и почти в 600 тыс. потерянных ими рабочих дней.

Очевидно, дело не в запрете аборт, а в замене его надежными, доступными противозачаточными средствами. В этом отношении положение у нас оставляет желать много лучшего. Мы до настоящего времени не располагаем такими противозачаточными средствами, которые по своей безотказности могли бы конкурировать с абортом. Дело не только в недостаточном количестве или качестве таких средств, но и в неудовлетворительной осведомленности о них женщин, особенно женщин, только что вступивших в брачный возраст и начинающих половую жизнь, в неумении правильно пользоваться контрацептивами. Вследствие этого даже эффективные в опытных руках средства при их массовом употреблении оказываются неэффективными и теряют свою ценность в глазах женщин. В этой области акушерам-гинекологам предстоит большая работа. Не менее важно и воспитание молодежи в семье и школе.

В социалистическом государстве оптимальные условия роста населения не могут быть созданы путем административного вмешательства в сугубо интимные, семейные дела его граждан, к которым относится и определение числа рождаемых женщиной детей. В свое время Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Но я все же остаюсь при том мнении, что это — частное дело мужа и жены и, пожалуй, их семейного врача...»¹⁰

Советская женщина, получившая действительно равные права с мужчиной не только по закону, но и в жизни, ибо, по словам Ленина, «кроме Советской России, нет ни одной страны в мире, где бы было полное равноправие женщин»¹¹, сама планирует в настоящее время и будет планировать в дальнейшем величину своей семьи.

⁹ K. Mehlan. Die Familienplanung aus gesellschaftlicher Sicht. — «Das Deutsche Gesundheitswesen», 1964, H. 16, S. 743.

¹⁰ K. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35, стр. 362.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 200.

Каждое государство проводит свою политику населения, она может быть ограничительной, как это блестяще удалось осуществить в Японии, или поощрительной, как это имело место в послевоенные годы во Франции.

Не признавая прямого административного вмешательства государства в планирование числа рождаемых в семье детей, мы не исключаем возможности, а в некоторых случаях даже необходимости воздействия на деторождение государственными экономическими мерами. Разумеется, направление подобного рода мероприятий полностью зависит от характера воспроизводства населения: очень высокая рождаемость и очень высокий прирост населения могут потребовать мер для сокращения рождаемости, недостаточное воспроизводство населения — мер для ее увеличения. При этом следует помнить, что успех будут иметь только мероприятия, сочетающие интересы общества с личными интересами семьи.

Если в настоящее время в нашей стране, при общем благополучном положении, в некоторых районах (Латвия, Эстония, УССР и некоторые другие территории) воспроизводство населения суженное (нетто-коэффициент воспроизводства меньше единицы), то для них следует принимать действенные экономические меры, поощряющие рождение детей. К такого рода мерам относятся льготные условия труда для матери, весомые денежные пособия семье, начиная уже со второго ребенка, первоочередное выделение квартир и т. п. Запрещение аборта ни при каких обстоятельствах не может быть причислено к мерам поощрения рождаемости.

В. П. Пискунов, В. С. Стешенко

Институт экономики АН Украинской ССР

ВОСПРОИЗВОДСТВО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ССР

Несмотря на то что деление населения на городское и сельское производится по принципу места проживания, при сравнительном изучении демографических процессов в городских и сельских поселениях анализируются не территориальные, а социально-экономические особенности, поскольку в отделении города от села выразилось общественное разделение труда. Вместе с тем деление населения на городское и сельское не равнозначно делению его на сельскохозяйственное и несельскохозяйственное, а степень урбанизации — это показатель не только уровня индустриализации страны, но и улучшения культурно-бытовых условий жизни населения.

Если группировка населения по общественным группам и занятиям дает возможность раскрыть влияние на жизнь и психологию людей конкретных условий их работы, их места в системе общественного производства, то деление населения на городское и сельское позволяет уловить влияние на демографические процессы факторов более широкого характера. М. В. Птуха писал, что «скопление больших масс населения в одном месте само по себе вызывает известные социальные последствия и приводит к укладу жизни, который обычно именуется городским...»¹ Именно поэтому демографы всех стран уделяют такое большое внимание, казалось бы, чисто техническим вопросам классификации

¹ М. В. Птуха. Очерки по статистике населения. М., Госстатиздат, 1960, стр. 279.

населенных мест по числу жителей. Правильная группировка населенных мест по численности населения, т. е. по «чисто» количественному признаку, позволяет дифференцировать населенные пункты по качественным особенностям условий жизни населения.

К сожалению, многие из важнейших характеристик городского образа жизни не поддаются прямому статистическому измерению. Более того, мы не можем пока достаточно конкретно сказать, в чем помимо особенностей образа жизни различных социальных и профессиональных групп состоит специфика городского уклада жизни. Повидимому, изучение влияния городской среды на демографические процессы может быть успешным лишь при совместном анализе информации, относящейся к поселениям разной величины и к основным социальным и профессиональным группам населения. Поэтому одна из самых актуальных проблем демографии города заключается в получении достоверных показателей, характеризующих демографические особенности однородных социально-профессиональных групп в городских поселениях разной величины. Пока такие материалы отсутствуют, необходимо весьма осторожно интерпретировать данные, характеризующие особенности воспроизводства населения в городах разных типов, поскольку эти особенности могут быть обусловлены не столько спецификой жизни населения в этих городах, сколько своеобразием социально-профессиональной структуры их населения. С этими оговорками мы и приступаем к анализу некоторых особенностей воспроизводства городского населения Украины.

Некоторые структурные особенности городского населения, определяющие уровни демографических процессов

Городское население республики, как и все ее население, систематически «стареет», в нем увеличивается доля старших возрастных групп и уменьшается относительная численность молодежи. Нужно подчеркнуть при этом, что, хотя по темпам старения населения город сейчас несколько отстает от села (где рождаемость снижается быстрее), уровень постарения городского населения заметно выше.

Старение населения в городах, обусловленное относительно низкой и продолжающей снижаться рождаемостью,

в значительной степени компенсируется притоком населения из сел республики. Именно поэтому в городских поселениях с большим положительным сальдо миграций доля лиц пожилых и старческих возрастов намного ниже, чем в сельской местности (табл. 1). Миграция в большой мере обуславливает также особенности полового состава населения в поселениях различных типов.

Таблица 1

Возрастно-половая структура населения Украинской ССР по переписи 1959 г.

Типы поселений	Доля лиц данной возрастной группы (в %)				Приходится мужчин на 1000 женщин данной возрастной группы			
	0—19	20—34	35—49	50+	0—19	20—34	35—49	50+
Городские и сельские	34	27	18	21	1026	886	614	563
Сельские	36	24	17	23	1027	863	568	548
Городские, в среднем	33	30	19	18	1026	909	669	585
с числом жителей, тыс.								
до 100	35	29	18	18	1023	888	671	589
100—200	32	31	19	18	1032	873	651	572
200—500	33	33	18	16	1030	972	680	590
свыше 500	29	32	19	20	1027	933	663	578

Анализ брачной структуры населения свидетельствует о весьма интересных ее особенностях в разных типах поселений. Приведенные в таблице 2 данные показывают, что доля женатых мужчин наиболее низкая в самых крупных городах республики (с населением свыше 500 тыс.), а самая высокая — в небольших городах (с населением до 100 тыс.). Если же сопоставить брачный состав городского и сельского населения в целом, то из данных таблицы видно, что в сельских поселениях доля женатых мужчин во всех возрастных группах больше, чем в городских. Максимальный разрыв наблюдается в группе 25—29 лет, при переходе к старшим возрастам он систематически уменьшается.

Брачная структура населения Украинской ССР
по переписи 1959 г.

Пол и возраст	Число состоящих в браке на 1000 человек данного пола и возраста						
	все население	сельское население	городское население				
			в среднем	в поселениях с числом жителей, тыс.			
				до 100	100—200	200—500	свыше 500
<i>Мужчины</i>							
18—19	36	41	31	34	30	33	25
20—24	264	269	260	285	241	252	219
25—29	813	836	793	808	791	789	758
30—34	930	942	919	928	909	915	902
35—39	960	966	953	957	951	951	940
40—44	968	973	964	967	963	963	954
45—49	968	972	965	968	966	965	956
50—54	961	964	959	961	961	961	951
55 лет и старше	876	870	886	885	895	890	885
<i>Женщины</i>							
16—19	97	105	89	99	74	88	69
20—24	474	480	468	508	427	474	396
25—29	740	708	773	785	758	779	744
30—34	762	728	795	804	784	799	772
35—39	710	669	756	761	749	757	742
40—44	611	562	666	661	664	676	672
45—49	553	519	597	591	593	608	608
50 лет и старше	400	402	397	406	383	385	387

Причины весьма существенных различий в брачном состоянии мужчин между городом и селом заключаются, по-видимому, в следующем: во-первых, в городских поселениях больше учащих, которые по понятным мотивам откладывают женитьбу до окончания обучения, во-вторых, молодым людям, возвращающимся из армии и находящим занятие в индустриальных отраслях народного хозяйства, нужно относительно больше времени для приобретения квалификации, которая обеспечила бы им уровень жизни, соответствующий городским стандартам; в-третьих, в городских поселениях выше интенсивность разводов, и следовательно, больше мужчин, не состоящих некоторое время в браке; наконец, несомненно отрицательно сказывается на брачном состоянии городского населения недостаток жилищ.

По-видимому, большей или меньшей интенсивностью воздействия перечисленных выше факторов объясняются также некоторые особенности в брачном состоянии мужчин, живущих в городских поселениях разной величины. Например, высшие и средние специальные учебные заведения сосредоточены в самых больших городах республики. В этих же городах размещаются те отрасли народного хозяйства, которым необходима самая квалифицированная рабочая сила. Средний жизненный уровень в крупнейших городах республики, по-видимому, наиболее высок, а удельный вес частного жилого фонда наиболее низок². В крупных городах больше разводов, чем в малых и средних, и т. д. Можно также предположить, что различия в рассматриваемых брачных структурах в какой-то мере обусловлены факторами, относящимися к здоровью и смертности населения³.

Если бы не существовало диспропорций в численностях полов, рассматривать брачную структуру женщин отдельно от брачной структуры мужчин не имело бы особого смысла. Эти структуры тесно связаны, и на них воздействует

² Среди побудительных мотивов к вступлению в брак заметное место занимает возможность иметь отдельную комнату, обзавестись квартирой молодой женой относительно легче в частном жилом фонде.

³ Влияние смертности на брачное состояние населения тем заметнее, чем больше разница в возрастной смертности мужчин и женщин; при прочих равных условиях более высокая смертность мужчин увеличивает число вдов, а более высокая смертность женщин — число вдовцов.

один и тот же комплекс факторов социально-экономического характера. Однако диспропорции в численностях полов значительны, и между относительными числами состоящих в браке мужчин и женщин нет даже приблизительно соответствия⁴ (табл. 2).

⁴ В условиях большого «женского перевеса» нет соответствия и между абсолютными числами состоящих в браке мужчин и женщин. В целом по республике по данным переписи 1959 г. женатых мужчин было на 2% меньше, чем замужних женщин.

В средних и старших возрастных группах доля состоящих в браке женщин определяется в настоящее время в основном наличием брачных партнеров. Для того чтобы судить о том, в какой степени величина доли замужних зависит от соотношения в численностях полов, рассмотрим таблицу 3. Помещенные в ней показатели измеряют сте-

Таблица 3

Обусловленность вариации доли замужних вариацией соотношений в численностях полов для 25 областей СССР по переписи 1959 г.

Возрастная группа	Коэффициенты детерминации			Разность показателей для городского и сельского населения
	все население	городское население	сельское население	
30—34	0,35	0,11	0,41	0,30
35—39	0,56	0,41	0,73	0,32
40—44	0,88	0,77	0,91	0,14
45—49	0,93	0,89	0,95	0,06
50—54	0,91	0,81	0,93	0,12
55—59	0,88	0,76	0,83	0,07

пень, в какой вариация доли замужних обусловлена вариацией повозрастных соотношений в численностях полов. Коэффициенты детерминации вычислены при допущении, что связь между численностями мужчин на 1000 женщин и относительными числами замужних носит линейный характер. В условиях значительного «женского перевеса» такое допущение, по-видимому, оправданно. Данные этой таблицы позволяют сделать вывод о том, что связь между возрастно-половой и брачной структурами населения имеет некоторые особенности в разных возрастах и в разных типах поселений. К примеру, если в возрасте 45—49 лет колебания в интенсивности действия факторов, не связанных с диспропорцией полов, было обусловлено только около 7% (100 — 93) вариации доли замужних женщин по областям республики, то в возрасте 30—34 года этот показатель повышается до 65% (100 — 35), иными словами, в возрасте 30—34 года колеблемость относительной численности состоящих в браке женщин в гораздо большей степени оп-

ределяется действием условий, не связанных с диспропорцией полов.

Ослабление тесноты связи между половой и брачной структурами населения в возрастных группах старше 49 лет вполне закономерно. Основную роль здесь, по-видимому, играет то обстоятельство, что в старших возрастах намного больше относительная численность вдов и одиноких женщин, имеющих детей. Для этой категории женщин основное препятствие к тому, чтобы еще раз вступить в брак, уже не отсутствие «свободных» мужчин. Пожилая женщина, имеющая детей (особенно не малолетних), весьма осторожно относится к возможностям построения новой семьи. Можно предположить, что если бы существовал значительный «мужской перевес» и было много неженатых мужчин, эта категория мужчин оказывала бы своеобразное «демографическое давление» на незамужних женщин и поэтому не состоящих в браке женщин старших возрастов (прежде всего вдов и разведенных) было бы намного меньше, чем сейчас.

Данные таблицы 3 также свидетельствуют о том, что связь между половой и брачной структурами населения в городских поселениях менее тесная, чем в сельской местности. Видимо, это явление обусловлено в основном тем, что в городских поселениях на интенсивность заключения и расторжения браков воздействует целый ряд дополнительных социальных и бытовых условий, т. е. сфера действия «чисто» демографических факторов здесь ограничена больше, чем на селе.

Весьма характерно и то, что связь между половым и брачным составом населения в крупных городах республики менее тесная, чем в среднем по всем городским поселениям. Так, если величина коэффициента детерминации для всех городских женщин 45—49 лет составила 0,89, то для жительниц 24 городов республики с населением свыше 100 тыс. человек соответствующий коэффициент был 0,63.

Нельзя не остановиться на таком важном структурном факторе, обуславливающем особенности воспроизводства городского населения, как различия в социальном составе населения городов разной величины. Поскольку интенсивность основных демографических процессов в разных социальных группах весьма существенно различается, эти различия составляют один из основных структурных факторов, формирующих конкретные уровни воспроизводства на-

селения в городских поселениях различных функциональных и генетических типов. Анализ соответствующих материалов показывает, что, например, доля населения, принадлежащего к социальной группе с минимальной рождаемостью (служащие), наиболее высока в городах с численностью населения свыше 500 тыс., где она составляет 36,8%, и самая низкая — в городских поселениях с численностью жителей до 100 тыс. — 25,7%. В среднем же во всем городском населении Украины доля служащих по состоянию на 15 января 1959 г. равнялась 29,2%⁵.

Не менее важный фактор воспроизводства населения городов разной величины и функциональных типов — это профессиональный состав их населения. У нас, к сожалению, нет прямых данных о рождаемости и смертности в профессиональном разрезе. Однако сравнительное изучение различных показателей рождаемости и смертности населения в городах с очень узкой специализацией, а следовательно, и с достаточно однородной профессиональной структурой населения дает основание утверждать, что в настоящее время рождаемость и смертность населения в профессиональном разрезе колеблются значительно больше, чем в разрезе основных социальных групп вообще. Это вполне закономерно, так как происходит сближение уровней жизни населения основных социальных групп и, следовательно, постепенно ослабевает действие факторов, обуславливающих дифференциацию демографических процессов по социальным группам. Что касается детской смертности, то по мере дальнейшего развития нашего общества, по-видимому, будет не только систематически снижаться ее уровень (темпы его снижения несомненно будут затухать, что наблюдается уже сейчас), но и уменьшаться колеблемость уровней детской смертности, обусловленная действием факторов социального характера. А в более отдаленном будущем, когда общество найдет эффективные средства борьбы с наследственной патологией, вариация уровней детской смертности станет уменьшаться также вследствие ослабления воздействия биологических факторов.

⁵ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Украинская ССР». М., Госстатиздат, 1963, стр. 69.

Рождаемость

В 1965 г. в городах Украинской ССР на 1000 населения приходилось 15,0 рождения, а в селах — 15,3⁶, т. е. разница между величинами общих коэффициентов рождаемости для городского и сельского населения составила 4%. Сопоставление показателей, не несущих на себе влияния возрастной структуры, свидетельствует о том, что различия между уровнями рождаемости в городах и селах республики более значительны. Показатель исчерпанной (суммарной) плодовитости сельских женщин в 1964—1965 гг. был на 23,5% больше, чем городских. Из анализа динамики этого показателя вытекает, что разрыв между уровнем рождаемости в городских и сельских поселениях систематически уменьшается. Если в 1926—1927 гг. величина показателя исчерпанной плодовитости сельских женщин была на 80% выше, чем городских, то в 1938—1939 гг. — лишь на 36%, а в 1958—1959 гг. — всего на 29%.

Одна из особенностей эволюции рождаемости на Украине в последние годы состоит в том, что темпы снижения плодовитости женщин в городских поселениях ниже темпов снижения плодовитости женщин в сельской местности. Это обусловлено, по-видимому, тем, что благодаря целому ряду мероприятий, направленных на подъем сельскохозяйственного производства, стал значительно быстрее повышаться жизненный уровень сельского населения. Все более широкие слои сельского населения республики достигают такого уровня материального благосостояния и культуры, когда формируются качественно новые требования к условиям жизни, быта и труда. «Быстрый подъем народного благосостояния в СССР, — пишет Л. С. Кучаев, — сопровождается резко выраженными изменениями структуры потребительского спроса, свидетельствующими о крупных сдвигах в жизненных потребностях населения»⁷. Именно поэтому, как можно полагать, и увеличивается разрыв между материальными и культурными потребностями и возможностями их удовлетворения. В таких условиях обостряется противоречие между потребностью семьи в де-

⁶ «Народне господарство Української РСР в 1965 році». Статистичний щорічник. Київ, 1966, стор. 33.

⁷ Л. С. Кучаев. Благосостояние и вещественный спрос. — Сб. «Статистическое изучение спроса и потребления». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 63.

тях и желанием не снижать уровня удовлетворения возросших запросов семьи в материальных и культурных благах.

Таким образом, к снижению рождаемости ведет не просто повышение уровня жизни населения, а такое повышение, которое сопровождается формированием качественно новых потребностей, вызывающих увеличение разрыва между потребностями и возможностями их удовлетворения на данном этапе развития общественного производства⁸. Если же рост материального уровня жизни определенной группы населения происходит таким образом, что разрыв между потребностями и возможностями их удовлетворения сокращается, то рождаемость может даже повышаться. Именно это мы и наблюдаем в некоторых высокоразвитых капиталистических странах, где в пределах одной социальной группы уровень рождаемости прямо пропорционален величине дохода.

Итак, в условиях всеобщего распространения внутрисемейного регулирования деторождения дифференциация уровней рождаемости в пределах какой-либо устойчивой группы населения, например социальной группы со специфичными для нее «привычками и жизненными притязаниями»⁹, обуславливается, по-видимому, не «абсолютными» уровнями благосостояния, достигнутыми теми или иными семьями данной социальной или профессиональной группы, а соотношениями между их потребностями в материальных и культурных благах, сложившимися под воздействием условий жизни, характерных для всей этой группы в целом, и фактическими возможностями удовлетворения этих потребностей. В условиях же высокой социальной мобильности весьма распространено явление, когда «привычки и жизненные притязания» какой-то части одной социальной группы формируются под влиянием общественных идеалов и норм, характерных для другого социального слоя. Возможно, что это также одна из причин относительно высокой колеблемости показателей рождаемости в пределах не-

⁸ На это обстоятельство еще в 1930 г. обращал внимание известный украинский демограф А. П. Хоменко. Он указывал, что «разрыв между большим ростом и дифференциацией потребностей и ростом средств их удовлетворения приводит к практике ограничения рождаемости...» (А. П. Хоменко. Сім'я в процесі перебудови. Харків, вид-во «Пролетар», 1930, стор. 90).

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 182.

которых социальных групп. Например, по городским поселениям 25 областей республики в 1965 г. коэффициент вариации показателя средней очередности рождения¹⁰ у служащих составил 4,5%, а у рабочих — 10,2%.

Особенности в структуре и условиях жизни населения городских поселений разной величины обусловили заметную дифференциацию их по уровню рождаемости. Так, в 1958—1959 гг. общий коэффициент рождаемости для городских поселений с числом жителей до 100 тыс. был на 21,3% больше, чем для городов с населением свыше 500 тыс. Анализ более точных показателей интенсивности генеративной деятельности женщин свидетельствует о том, что различия в уровнях рождаемости между этими группами городских поселений еще более значительны: стандартизованный специальный коэффициент рождаемости (число родившихся на 1000 женщин 15—49 лет) у женщин, живущих в городских поселениях с числом жителей до 100 тыс., на 30,9% выше соответствующего показателя для женщин — жительниц городов с населением свыше 500 тыс. (табл. 4).

Таблица 4

Показатели, характеризующие рождаемость в городских поселениях Украины в 1958—1959 гг.
(в % к минимальному уровню)

Группа городских поселений по числу жителей, тыс. человек	Стандартизованный специальный коэффициент рождаемости *	Отношение числа детей в возрасте 0—4 года к численности женщин 15—49 лет
До 100	130,9	136,9
100—200	106,3	111,3
200—500	121,2	123,6
Свыше 500	100,0	100,0

* Стандартизация произведена косвенным методом, за стандарт приняты повозрастные показатели рождаемости для женщин всех городских поселений республики в 1958—1959 гг.

¹⁰ Когда из-за отсутствия данных о возрастной структуре населения невозможно вычислить повозрастные коэффициенты рождаемости, показатель средней очередности рождения может быть весьма полезным. При динамических и территориальных сопоставлениях его целесообразно стандартизовать на основании повозрастных средних очередностей рождения и стандартного распределения родившихся по возрасту матери.

Отметим и то обстоятельство, что для более крупных поселений различия в рождаемости между городами и поселками городского типа больше, чем для поселений с малым числом жителей. В 1958—1959 гг. в поселениях с числом жителей до 10 тыс. разница между общими коэффициентами рождаемости в городах и поселках городского типа в среднем по республике составляла 0,4‰, а в поселениях с числом жителей 10—20 тыс. — 5,2‰.

Очень важным фактором, влияющим на генеративную деятельность женщин и на воспроизводство населения в целом, служит занятость женщин¹¹. Известный немецкий социал-демократ К. Каутский даже писал, что «история плодovitости человека есть история женского труда»¹². Связи между рождаемостью и занятостью женщин, а также их общие связи с другими социально-экономическими факторами чрезвычайно сложны. Было бы большим упрощением представлять рождаемость как функцию занятости. Не только занятость влияет на рождаемость, но и рождаемость воздействует на уровень занятости. Если, с одной стороны, рождение каждого следующего ребенка увеличивает семейные обязанности матери и действует в сторону снижения ее экономической активности, то вместе с тем вследствие уменьшения душевого дохода семьи оно усиливает потребность в дополнительной зарботке.

Изучение рождаемости и занятости вне связи с другими социально-экономическими условиями дает мало что нового как для анализа генеративной деятельности женщин, так и для анализа их экономической активности. Известно, например, что рождаемость в семьях рабочих выше, чем в семьях служащих. Можно ли отнести это на счет более высокой занятости женщин в семьях служащих? Как согласовать с этим предположением то обстоятельство, что среди женщин, рожающих детей высоких очередностей рождения (третьего ребенка и более), доля находящихся на иждивении у рабочих намного выше, чем у служащих? Например, в 1959—1965 гг. в городских поселениях рес-

¹¹ Занятость женщин детородного возраста (15—49 лет) в городах Украины с населением 100—200 тыс. на 5,7%, в городах с населением 200—500 тыс. — на 5,0%, а в городах с населением свыше 500 тыс. — на 13,7% выше, чем в городских поселениях с населением до 100 тыс.

¹² К. Каутский. Размножение и развитие в природе и обществе. Харьков. Госиздат Украины, 1923, стр. 105.

публики из каждой тысячи женщин, родивших третьего ребенка, на иждивении мужа находилось: у служащих — 336, у рабочих — 594, т. е. на 77% больше¹³. Объяснить такую большую разницу в экономической активности многодетных матерей, относящихся к рабочим и служащим, чисто экономическими причинами, по-видимому, невозможно. В целом по Украине разницей в заработной плате рабочих и служащих можно пренебречь — эта разница не столь велика, чтобы сыграть здесь решающую роль.

Возможно, большая экономическая активность многодетных матерей-служащих в некоторой степени объясняется тем, что для семей служащих характерен, по-видимому, относительно больший разрыв между потребностями и возможностями их удовлетворения. А может быть, женщине-служащей легче совместить свои семейные обязанности с работой в общественном производстве (здесь мы имеем в виду прежде всего характер и условия профессионального труда).

На экономическую активность женской части населения несомненно влияет также целый ряд демографических факторов. Одной из причин высокой экономической активности женщин республики в послевоенный период были, в частности, большие потери мужчин на фронтах Великой Отечественной войны. Этот фактор действовал (частично действует и сейчас) в двух направлениях. С одной стороны, он увеличил спрос на рабочую силу, с другой — обусловил рост числа одиноких женщин и вдов, уровень экономической активности которых всегда был очень высок. Можно назвать и другие факторы, воздействующие на уровень занятости и плодovitости женщин, пренебрегать которыми при анализе нецелесообразно. Можно допустить, например, что в семьях служащих, где более широко распространено регулирование деторождения, разница в возрасте детей заметна больше, чем в семьях рабочих. Если в одной семье имеются дети 2; 5 и 8 лет, а в другой — 2; 8 и 17 лет, то, видимо, мать второго семейства имеет большие возможности быть занятой в общественном производстве. Известную роль в экономической активности

¹³ Относительная численность находящихся на иждивении женщин, рожающих детей третьей и более высоких очередностей рождения, в 1959—1965 гг. систематически уменьшалась, причем быстрее у рабочих.

женщин играет также такое условие, как наличие в семье стариков, которые могли бы присматривать за детьми, и т. д.

Смертность

Продолжительность жизни населения Украинской ССР находится на уровне самых высокоразвитых в экономическом отношении стран мира. В 1963—1964 гг. она составляла для мужчин республики 68 лет, для женщин — 74 года¹⁴.

Разница в продолжительности жизни городского и сельского населения весьма незначительна. Такое соотношение явилось результатом того, что сравнительно более высокая смертность сельских жителей в младших и средних возрастных группах «компенсируется» сравнительно более низкой, чем в городских поселениях, смертностью в старших возрастах. Анализ различий в смертности городского и сельского населения в региональном разрезе показывает, что эти различия наиболее заметны в областях с максимальными и минимальными уровнями индустриализации и урбанизации. В наиболее развитых в экономическом отношении районах республики (Донецкая, Луганская, Днепропетровская и другие области) существенные различия в смертности городского и сельского населения образовались вследствие относительно более высокой смертности в городах, а в районах сравнительно менее развитых в экономическом отношении (Закарпатская, Ивано-Франковская и некоторые другие области) эти различия образовались из-за относительно более высокой смертности в селах.

Существуют некоторые особенности и в уровнях смертности населения городов разной величины. Эти уровни были определены путем косвенной стандартизации с использованием в качестве стандарта пятилетних повозрастных коэффициентов смертности мужчин и женщин всей Украины (табл. 5). Данные таблицы показывают, что крупнейшие города республики (с населением свыше 500 тыс.) характеризуются минимальной смертностью мужчин и максимальной смертностью женщин, а в городах с числом жителей 200—500 тыс. самая высокая смертность мужчин

Таблица 5

Соотношения в смертности мужчин и женщин в городских поселениях разной величины на Украине в 1958—1959 гг.

Группы городских поселений по числу жителей, тыс. человек	Уровень смертности (в % к уровню смертности мужчин и женщин всей республики)	
	мужчины	женщины
До 100	100,9	97,2
100—200	98,2	97,3
200—500	103,1	96,7
Свыше 500	97,3	101,3

и самая низкая смертность женщин. Самая низкая смертность детей в возрасте до одного года в 1958—1959 гг. была в городах с населением свыше 500 тыс., самая высокая — в городских поселениях с числом жителей до 100 тыс. (на 33% выше, чем в городах с населением свыше 500 тыс. человек).

Об уровнях смертности населения других возрастных групп в городах разной величины можно косвенно судить, изучив повозрастную смертность населения 25 областных центров республики, по которым у нас имеются соответствующие данные за 1958—1959 гг. Все областные центры мы разбили на 4 группы: с населением до 100 тыс. (9 городов), 100—200 тыс. (7 городов), 200—500 тыс. (4 города) и свыше 500 тыс. (5 городов). Указанная группировка приблизительно отразила и степень индустриального развития областных центров. Сопоставление повозрастных коэффициентов смертности населения городов, вошедших в перечисленные выше группы, показало, что самая низкая смертность мужчин и женщин в трудоспособном и пенсионном возрасте была в городах с населением до 100 тыс., т. е. в городах, наименее развитых в индустриальном отношении. Смертность мужчин в указанных возрастах была максимальной в городах с населением свыше 500 тыс. Уровни смертности женщин в трудоспособных и нетрудоспособных возрастах по группам городов с населением 100—200 тыс., 200—500 тыс. и свыше

¹⁴ «Народне господарство Української РСР в 1965 році», стор. 519.

500 тыс. колеблются в очень узких пределах, и трудно установить с достаточной степенью достоверности, где они самые высокие. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что в городах с населением 200—500 тыс. смертность женщин, начиная приблизительно с возраста 45—49 лет, существенно ниже, чем в городах с населением 100—200 тыс. и свыше 500 тыс. жителей.

Сопоставление уровней смертности мужчин и женщин по 24 городам республики показывает, что смертность мужчин колеблется в более широких границах. Коэффициент вариации стандартизованного показателя смертности за 1958—1959 гг. составил для мужчин 10,0%, для женщин — 5,1%, или почти в 2 раза меньше.

Изучение особенностей колеблемости показателей, характеризующих смертность населения в отдельных возрастах, по областям и городам республики может дать, по-видимому, дополнительную информацию об ожидаемой эволюции по возрастной смертности. Относительно большая колеблемость уровня смертности в возрасте 20—24 года по сравнению с возрастом 45—49 лет свидетельствует о том, что резервы снижения смертности в современных условиях в первой из этих двух групп относительно больше, чем во второй. Такой вывод основан на допущении, что особенности колеблемости по возрастной смертности в региональном разрезе в общем соответствуют ее вариации в динамике, т. е. что уровни по возрастной смертности населения различных областей республики определяются не условиями природно-географического характера, а прежде всего степенью их экономического и социального развития. Представило бы интерес в процессе регионального анализа смертности отобрать минимальные по возрастные коэффициенты смертности и построить по ним таблицу смертности и средней продолжительности жизни. Подобная таблица дала бы возможность определить, какой могла бы быть продолжительность жизни населения в самых благоприятных условиях сегодня.

Изучение различий в смертности и продолжительности жизни мужчин и женщин может дать весьма ценные материалы, характеризующие влияние широкого комплекса социально-экономических условий на здоровье и воспроизводство населения. Поскольку различия в «естественной» жизнеспособности полов весьма стабильны, все колебания соотношений уровней смертности и продолжительности

жизни мужчин и женщин можно целиком объяснить изменениями в условиях их жизни и труда. М. В. Птуха подчеркивал, что «наиболее поразительное достижение на Украине в борьбе за жизнь и здоровье человека при Советской власти — это огромный, за короткое время небывалый рост жизнеспособности женщин»¹⁵. Продолжительность жизни женщин увеличивалась заметно быстрее, чем мужчин. Разница между показателями средней продолжительности предстоящей жизни при рождении для мужчин и женщин Украины составляла: в 1896—1897 гг. — 0,97 года, в 1925—1926 гг. — 3,15 года¹⁶ и в 1958—1959 гг. — 6,41 года. Весьма симптоматично, что различия между городским и сельским населением республики по величине разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин систематически уменьшаются. Если в 1896—1897 гг. разница в продолжительности жизни мужчин и женщин, живущих в городских поселениях, превышала соответствующую величину для сельской местности в 7,5 раз, то в 1958—1959 гг. расхождение между ними составило всего около 11%.

Различия в смертности мужчин и женщин городских поселений наибольшие в областях самых развитых в индустриальном отношении (Донецкая и Луганская области), и наименьшие там, где относительно мало развита промышленность (Закарпатская, Ровенская и некоторые другие области). Причем степень различий в уровнях смертности мужчин и женщин в каждой области приблизительно одинакова и для городских, и для сельских поселений.

В ближайшие несколько лет нельзя, по-видимому, ожидать в среднем по республике уменьшения различий в смертности мужчин и женщин. Если даже предположить, что они будут постепенно уменьшаться в областях, где они сейчас максимальны (области, наиболее развитые в индустриальном отношении), то с не меньшим основанием, имея в виду дальнейшее сближение уровней промышленного развития отдельных районов республики, можно сделать вывод о том, что указанные различия будут увеличиваться в областях, в которых сейчас они минимальны.

¹⁵ М. В. Птуха. Указ. соч., стр. 408.

¹⁶ Ю. Корчак-Чепурківський. Таблиці доживання і сподіваного життя людності УСРР 1925—1926. Харків. Видання ЦСУ УСРР, 1929, стор. 86.

Воспроизводство населения в целом

Рост городского населения Украинской ССР систематически опережает рост всего населения республики. С 1959 по 1965 г. все население Украины увеличилось на 8,6%, городское — на 23,4, а сельское уменьшилось на 4,0%¹⁷. Однако быстрый рост городского населения УССР ни в коей мере нельзя считать результатом только соотношения рождаемости и смертности. Уже в течение длительного времени нетто-коэффициент воспроизводства городского населения республики меньше единицы. А воспроизводство населения четырех крупнейших городов Украины (Киев, Харьков, Одесса, Днепропетровск) даже в период максимальной послереволюционной рождаемости (1924—1926 гг.) характеризовалось величиной нетто-коэффициента воспроизводства, равной 0,849¹⁸. Если бы возрастная структура городского населения Украинской ССР складывалась только под воздействием характерной для нее рождаемости и смертности, то оно не смогло бы увеличиваться так быстро.

Высокие темпы роста городского населения УССР обусловлены значительной миграцией населения из сельской местности в города. В 1958—1959 гг. в общем приросте численности городского населения сальдо миграции составляло 56%, а в городах с населением от 50 до 200 тыс. доля механического прироста в общем приросте численности населения была 64% (табл. 6). Только в городских поселениях с числом жителей до 50 тыс. механический прирост не превышал естественного.

Роль миграции в воспроизводстве городского населения не ограничивается тем, что она увеличивает абсолютную численность населения городов. Миграция из сельской местности в города определяет не только количественные, но и качественные аспекты воспроизводства городского населения. Положительное сальдо миграции с высокой долей населения цветущих возрастных групп (именно такое сальдо характерно для миграционных связей города с селом) обеспечивает поддержание в городах такой возрастной структуры населения, которая в экономическом отношении более выгодна, чем возрастная структура сельского населения. Например, на начало 1966 г. величина

¹⁷ «Народне господарство Української РСР в 1965 році», стор. 27.

¹⁸ Этот показатель вычислен Ю. А. Корчаком-Чепурковским.

Таблица 6

Показатели прироста городского населения Украинской ССР за 1958—1959 гг.

Типы поселений	Коэффициенты прироста, в % к показателям для всего городского населения			Естественный и механический прирост, в % к общему приросту	
	общего	естественного	механического	естественный прирост	механический прирост
Все городские поселения	100	100	100	44,0	56,0
с числом жителей, тыс.					
до 50	94,0	107,9	83,1	50,5	49,5
50—200	115,4	93,6	132,6	35,7	64,3
200—500	134,0	110,7	152,2	36,4	63,6
свыше 500	76,7	78,6	75,3	45,1	54,9

показателя, характеризующего «нагруженность» лиц трудоспособного возраста лицами нетрудоспособного возраста, для села была на 44% больше, чем для города. Особенно благоприятна в этом отношении возрастная структура крупнейших городов республики: в 1959 г. на 1000 человек трудоспособного возраста в городах с населением 200—500 тыс. приходилось нетрудоспособных на 2,4%, в городах с населением 100—200 тыс. — на 7, а в городских поселениях до 100 тыс. — на 24,2% больше, чем в городах с населением свыше 500 тыс.¹⁹

Величины естественного и механического прироста в городах разной величины весьма устойчивы. Об этом убедительно свидетельствуют темпы их роста за более длительный период времени. С 1959 по 1965 г. численность населения в городах с населением (на начало 1959 г.) 50—200 тыс. увеличилась на 22,6%, с населением 200—500 тыс. — на 24,4 и в городах с числом жителей свыше 500 тыс. человек — на 18,7%.

Наряду с быстрым ростом общей численности городского населения УССР увеличивается доля в нем населения

¹⁹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Украинская ССР». М., Госстатиздат, 1963, стр. 18; «Народне господарство Української РСР в 1965 році», стор. 30.

больших городов. Если в 1939 г. на города с населением свыше 100 тыс. приходилось 43,2% всего городского населения республики, то в 1959 г. — 43,6, а в 1965 г. — 47,8%²⁰. Это — один из показателей значительных структурных сдвигов, происходящих в социальном и профессиональном составе городского населения. Влияние этих изменений на воспроизводство городского населения требует самого пристального внимания. Увеличение доли городского населения, развитие средств массовой коммуникации обуславливают все усиливающееся влияние города на все стороны жизни сельского населения. Современная урбанизация в республике характеризуется не только темпами роста городского населения вообще, но и быстрым распространением влияния города на демографические процессы в селах. В 1958—1959 гг. коэффициент рождаемости сельского населения тех районов, на территории которых находятся крупные города, был намного ниже, чем для остального сельского населения. Например, в Житомирском сельском районе он был на 15% меньше, в Кировоградском — на 12, в Полтавском — на 8% меньше, чем во всем сельском населении этих областей²¹.

По состоянию на 1 января 1966 г. доля городского населения в Украинской ССР составила 52%²². В последние годы наблюдается заметное снижение темпов роста численности городского населения. Изменение их обуславливается как снижением рождаемости, так и сокращением механического прироста. Если коэффициент механического прироста городского населения республики за 1957—1961 гг. составлял 81% его величины за 1952—1956 гг., то в 1962—1966 гг. — 75%. По-видимому, снижение темпов роста городского населения республики будет заметным и в ближайшем будущем.

²⁰ «Народне господарство Української РСР в 1965 році», стор. 31.

²¹ Эти данные относятся к районам, на территории которых находятся города с относительно небольшим индустриальным потенциалом. В сельских же районах, расположенных вокруг крупнейших городов — центров агломераций, общие коэффициенты рождаемости, как правило, выше, чем для остального сельского населения области. Это связано, в основном, с благоприятной возрастно-половой структурой населения в зоне влияния агломерации.

²² «Народне господарство Української РСР в 1965 році», стор. 27.

Н. В. Догле

Москва

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА РСФСР

Среди исследований демографических процессов работы по изучению территориальных особенностей рождаемости занимают особое место. В их задачу входит не только описание существующих уровней рождаемости и их динамики, иллюстрирующей определенные закономерности общей и брачной плодовитости, но и выявление роли отдельных влияющих на эти уровни факторов.

Уровни рождаемости в нашей стране значительно колеблются не только по отдельным республикам и экономическим районам, но даже и по отдельным областям, краям, АССР, входящим в состав одного и того же экономического района. Между тем заключения и выводы по вопросам народонаселения нередко неправильно строятся только на коэффициентах, полученных для страны в целом.

Учитывая территориальные особенности рождаемости, изучение процессов воспроизводства населения, и в частности изучение рождаемости, не следует ограничиваться анализом показателей, исчисленных для страны в целом. Необходимо этот анализ дополнить детальным рассмотрением демографических материалов отдельных республик или крупных экономических районов страны, а затем подвергать еще более глубокому и всестороннему изучению данные по отдельным областям, краям и АССР. Только при этих условиях станет возможной правильная оценка пер-

спектив развития демографических процессов в региональном разрезе.

В задачу настоящей работы входило исследование динамики рождаемости и изучение некоторых ее факторов на материалах государственной статистической отчетности о естественном движении населения, относящихся к Северо-Западному экономическому району РСФСР.

Северо-Западный район — один из 10 экономических районов, входящих в состав Российской Федерации. По территории он самый крупный в Европейской части Союза, его общая площадь в 1959 г. составляла 1662,7 тыс. км².

В 1959 г. в состав этого крупного экономического района входило семь областей (Ленинградская, Псковская, Новгородская, Вологодская, Мурманская, Архангельская и Калининградская) и две автономные социалистические республики: Карельская и Коми. По данным переписи 1959 г., в районе проживало свыше 11 млн. человек, из которых 65% — в городских поселениях. Средняя плотность населения составляла около 7 человек на 1 км², однако большая часть территории (Ненецкий национальный округ, Мурманская область, Карелия и Коми АССР) была заселена значительно более редко.

В областях района среди населения преобладали русские. Так, в 1959 г. среди женщин в городских поселениях русские составляли от 79,8 (Калининградская) до 97,8% (Вологодская область), а в сельской местности на долю русских женщин приходилось от 77,7 (Калининградская) до 98,9% (Вологодская область). В Карелии карелы составляли 13,1%, причем в сельской местности их доля в населении была приблизительно в 4 раза выше, чем в городских поселениях (24,4% против 6,4%). В Коми АССР коми и пермяки составляли 30,4% населения; в городах доля этих национальностей была 13% против 54% в сельской местности.

Как среди городского, так и среди сельского населения Северо-Западного района коэффициенты рождаемости на протяжении длительного периода (1940—1964 гг.) были несколько ниже, чем в Российской Федерации в целом. В сельской местности района, как правило, все эти годы показатели были выше, чем в городских поселениях. Так, в 1950 г. показатели рождаемости сельского населения были на 21,8%, а в 1958 г. на 37,6% выше, чем городского. В 1964 г. показатели рождаемости городского и сельского

населения заметно сблизились: коэффициент рождаемости сельского населения был всего на 12% выше, чем городского.

В 1964 г. показатели рождаемости в районе колебались в пределах от 21,7‰ в Коми АССР и 21,4‰ в Карельской АССР до 13,4‰ в Ленинградской области, 13,2‰ в Новгородской, 12,5‰ в Псковской и 11,9‰ в Ленинграде. В 1964 г. по сравнению с 1958 г. во всех городских поселениях и сельских местностях Северо-Западного района произошло значительное снижение рождаемости (табл. 1).

Таблица 1

Изменения коэффициента рождаемости с 1940 по 1964 г.

Территория	На 1000 населения приходилось родившихся					
	1940 г.	1950 г.	1958 г.	1960 г.	1963 г.	1964 г.
РСФСР, всего	33,0	26,9	24,2	23,2	18,8	16,9
Сельская местность, в % к городским поселениям	107,0	105,4	128,2	129,3	127,4	121,9
Северо-Западный район, всего	28,1	25,2	21,5	20,6	16,5	15,5
Сельская местность, в % к городским поселениям	99,6	121,8	137,6	129,9	117,9	112,0

Учитывая различный половой и возрастной состав населения сравниваемых территорий, а также то, что высокая доля женщин плодородного возраста в населении может обусловить относительно высокие показатели рождаемости, мы изучали динамику рождаемости не только по общим, но и по специальным показателям рождаемости (коэффициентам плодородности).

Мы исчислили общие и повозрастные коэффициенты плодородности для женщин, проживавших в 1959 г. как в городских поселениях, так и в сельских местностях областей и АССР, входивших в состав Северо-Западного района (табл. 2).

В сельской местности общие показатели плодородности были, как правило, выше, чем в городских поселениях. Исключение составило соотношение показателей плодородности городского и сельского населения Мурманской области, которое определило повозрастные коэффициенты плодородности трех возрастных групп: 20—24 года, 25—29 лет и 30—34 года. В этих возрастных группах показа-

Таблица 2

Соотношения показателей плодородности женщин
по территориям

Область и АССР	Стандартизованные коэффициенты плодородности женщин в % к показателям Псковской обл.		Показатели для сельских жительниц, в % к показателям для городских женщин (по стандартизованным коэффициентам)
	в городских поселениях	в сельской местности	
Псковская	100,0	100,0	120,6
Новгородская	100,0	106,7	128,6
Ленинградская	101,9	94,4	111,8
Вологодская	116,2	157,2	163,1
Калининградская	102,7	126,6	148,6
Архангельская	134,4	167,1	149,9
Мурманская	122,8	96,9	95,2
Карельская АССР	159,0	168,0	127,4
Коми АССР	140,0	189,7	163,4

тели на селе были несколько ниже, чем в городских поселениях.

В городских поселениях наиболее высокие показатели по возрастной плодородности почти во всех возрастных группах были в Коми и Карельской АССР, а также в Мурманской и Архангельской областях.

В городских поселениях Вологодской области отмечались относительно высокие показатели плодородности у женщин в возрасте после 25 лет. Самыми низкими во всех возрастных группах были показатели в Ленинграде. Что же касается городских поселений других областей, то в отдельных возрастных группах наиболее низкие показатели имели для возраста 20—24 года — Псковская, для возраста 25—29 лет — Калининградская, для возраста 30—34 года — Новгородская, для возраста 35—39 и 40—44 лет — Ленинградская область.

В сельских местностях Коми АССР почти во всех возрастных группах показатели плодородности были самыми высокими. В отдельных возрастных группах женщины Карельской и Архангельской областей также имели высокие

уровни плодородности. Низкие показатели плодородности во всех возрастных группах, за исключением возраста 15—19 лет, были среди женского населения сельских местностей Ленинградской области. В возрасте от 20 до 39 лет сельские жительницы Мурманской области, по сравнению с женщинами того же возраста, проживавшими в других областях, имели самые низкие показатели плодородности.

В городских поселениях всех областей и автономных республик максимальные по возрасту показатели плодородности были у женщин в возрасте 20—24 лет, в сельских местностях — у женщин 25—29 лет. Более молодые, а также женщины старшего возраста имели значительно менее высокие уровни плодородности.

Анализ по возрасту показателей, хотя и дает представление об уровне плодородности женщин, проживавших на различных территориях, все же лишает нас возможности обобщения. В силу различий возрастной структуры женщин для сравнения общих показателей их необходимо стандартизовать. Приняв за единый стандарт для городских поселений и сельской местности возрастной состав женского населения Российской Федерации, мы исчислили (прямым методом) стандартизованные коэффициенты плодородности. Они показаны в таблице 2.

После стандартизации в городских поселениях четырех областей и в Коми АССР коэффициенты плодородности оказались ниже не стандартизованных. В Ленинграде и Карельской АССР стандартизованные коэффициенты оказались выше общих показателей плодородности и только в трех областях коэффициенты после стандартизации почти не изменились. Таким образом, различия в возрастном составе женщин, безусловно, влияют на различия в коэффициентах плодородности. Вместе с тем следует отметить, что после стандартизации соотношение показателей осталось примерно тем же.

До некоторой степени эти различия могут быть связаны с физиологическим состоянием женского организма, однако в значительно большей мере они зависят от социальных факторов, среди них одно из первых мест занимают условия, от которых зависит возраст вступления женщины в брак.

В сельской местности в 1959 г. в среднем на 1000 женщин вступало в брак меньше, чем в городских поселениях. Исключение составила только Карельская АССР, где

в городских поселениях в 1959 г. вступило в брак на 7% больше, чем в сельской местности. Однако общие показатели в большой мере зависят от возрастного состава женщин и скрывают поэтому интересные различия по возрасту коэффициентов. Так, в трех областях (Псковская, Новгородская, Вологодская) в 1959 г. молодых сельских жительниц в наиболее плодородных возрастах — до 40 лет — вступило в брак больше, чем городских женщин того же возраста. В сельских местностях Карельской АССР возрастные показатели брачности, как правило, также были выше, чем в городских поселениях, за исключением женщин 30—34 и 50 лет и старше. В остальных областях Северо-Запада и в Коми АССР выше были, как правило, возрастные показатели брачности для городских жительниц.

Браки в возрасте до 20 лет в 1959 г. в сельской местности всех областей и в Карельской АССР заключались чаще, чем в городских поселениях. Исключение составила Коми АССР, где на 1000 сельских женщин в возрасте 15—19 лет в брак вступило 56,3, а на 1000 городских — 69,5. Ранние браки наиболее часто заключались в Мурманской и Калининградской областях, а также в обеих автономных республиках.

Возрастом максимальной брачности как для городских, так и для сельских местностей был период от 20 до 24 лет. В более старших возрастных группах с увеличением возраста показатели брачности женщин резко снижаются. Показатели брачности на 1000 женщин в возрасте 20—24 лет в городских поселениях колебались в пределах от 115 в Псковской области и Ленинграде до 124,8 в Архангельской и 127,6 в Калининградской областях. В сельских местностях эти показатели были наименьшими в Мурманской области (92,7) и наибольшими в Вологодской (127,8) и Архангельской (136,3) областях.

В дореволюционной России рождаемость была очень высокой. Главная причина этого — ранние браки крестьянских девушек. В 1910 г. 55% всех невест были в возрасте до 20 лет включительно. В начале XX столетия на основании материалов о естественном движении населения 50 губерний Европейской России¹ была определе-

на зависимость уровня рождаемости от процента невест в возрасте до 20 лет. Как показали расчеты, коэффициент корреляции между этими явлениями в те годы составлял +0,7, т. е. связь была прямая и тесная². Высокий процент ранних браков и отсутствие регулирования деторождения приводили к тому, что уровень рождаемости был близок к физиологическому максимуму.

Большой интерес представляло определить силу связи уровня рождаемости и раннего вступления в брак в новых условиях жизни женщин, при тех уровнях рождаемости, которые были в 1959 г. Расчет коэффициентов ранговой корреляции показал, что и в наше время существует тесная прямая зависимость уровня рождаемости и распространенности среди женщин ранних браков ($\rho_{xy} = +0,68$).

За истекшие десятилетия изменилась не только доля молодых невест (в возрасте до 20 лет), но и вся их возрастная структура. Так, если в 1910 г. невест старше 40 лет было 2,5%, то в 1959 г. в Российской Федерации на их долю приходилось 10,7%.

Возраст вступления в брак — одна из важных и непосредственных причин, влияющих на уровень рождаемости. Средний возраст вступления в брак в нашей стране за годы Советской власти повысился в связи с тем, что женщины стремятся закончить образование до начала супружеской жизни. В 1910 г., по данным Б. Ц. Урланиса, он составлял 23 года³. В 1959 г. средний возраст женихов в Северо-Западном районе был равен 27,8 года и невест 26,6 года. В сельской местности средний возраст невест и женихов в 1959 г. был несколько ниже, чем в городских поселениях. Наименьшим был средний возраст невест в городских поселениях и сельских местностях Калининградской области (соответственно 25,7 и 25,1 года), наибольшим — в городских поселениях и сельской местности Новгородской области (соответственно 28,0 и 27,9 года). В городских поселениях Новгородской и Псковской областей возраст невест значительно колебался (среднее квадратическое отклонение составило соответственно $\pm 11,0$ и $\pm 10,6$).

² Б. Ц. Урланис. Динамика, география и факторы рождаемости народов СССР. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., изд-во «Наука», 1964.

³ Там же, стр. 3.

¹ В. И. Гребенщиков. Плодовитость женщин в 26 губерниях Европейской России по сравнению с плодородностью в западноевропейских государствах. — «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины», 1904, № 3—4.

В большинстве городских поселений по сравнению с сельской местностью имела место несколько бóльшая колеблемость возраста невест. Коэффициенты вариации в городских поселениях Новгородской, Псковской, Ленинградской, Мурманской областей, а также Коми и Карельской АССР были несколько выше, чем в сельской местности, и составляли от 29,4 до 39,1%. В среднем женихи были старше невест в городских поселениях на 1,4 года, а в сельской местности — на 1,2 года. Максимальной разница в среднем возрасте женихов и невест была в городских поселениях Коми АССР, где она составляла 2,2 года, и в сельской местности Калининградской области — 1,8 года; наименьшей она была в городских поселениях Мурманской области — 0,9 года и в сельской местности Вологодской области — 0,5 года.

Исчисление коэффициентов корреляции между возрастом женихов и невест показало, что существует прямая тесная связь между этими явлениями. Так, для городских поселений Ленинградской области был получен коэффициент корреляции, равный +0,85, для сельского населения Псковской области +0,87 и т. д.

Уровень рождаемости в известной мере обусловливается брачной структурой населения, которая в свою очередь зависит от соотношения численности полов в населении.

Доля женщин, состоящих в браке, в бóльшой степени зависит от сложившегося возрастно-полового состава населения. После Великой Отечественной войны в нашей стране намного снизился процент замужних в числе женщин детородного возраста. В 1959 г. все еще существовала значительная диспропорция в численности мужчин и женщин, сложившаяся в результате войны. Как в городских поселениях, так и в сельских местностях в возрасте старше 30 лет на 1000 женщин приходилось мужчин, как правило, менее 1000. В отдельных возрастных группах это соотношение нередко составляло 2:1. Особенно велика диспропорция полов была на селе в возрастных группах 40—44 и 45—49 лет. Что касается молодых мужчин и женщин в возрасте до 25 лет, то их соотношение было иным. Причем в сельских местностях на 1000 женщин этого возраста приходилось мужчин, как правило, больше, чем в городских поселениях, и молодых сельских жительниц состояло в браке также

больше, чем в городах. Вместе с тем необходимо отметить, что в городских поселениях Мурманской и Калининградской областей, а также в Коми АССР почти во всех возрастных группах были наиболее высокие показатели доли замужних по сравнению с другими административно-территориальными единицами.

Среди административно-территориальных единиц, входивших в Северо-Западный район, некоторые области, автономные республики и Ленинград имели различные соотношения и сочетания интересующих нас показателей. Так, в городских поселениях Коми АССР и Мурманской области в 1959 г. на 1000 женщин приходилось относительно больше мужчин, чем в других административно-территориальных единицах. Во всех возрастных группах женщин состояло в браке также больше, и повозрастные показатели их плодовитости в Коми АССР и Мурманской области были выше, чем в других областях и АССР района. Связь между рассматриваемыми явлениями прямая.

В Архангельской области почти во всех возрастных группах на 1000 женщин приходилось больше мужчин, чем в Калининградской, однако состояло в браке женщин в Архангельской области меньше. Повозрастные же показатели плодовитости во всех возрастных группах, за исключением 15—19 лет, в Архангельской области были выше, чем в Калининградской. В Ленинграде и Вологодской области были низкие повозрастные показатели состояния женщин в браке. Однако повозрастные показатели плодовитости женщин Вологодской области в 1,5—2—3 и даже в 4 раза выше, чем в Ленинграде (табл. 3).

Таким образом, проведенный анализ этих показателей позволяет отметить, что уровни плодовитости женщин определяются не только демографическими условиями (соотношением мужчин и женщин в населении, уровнем брачности женщин), но и многими другими важными моментами, в частности таким обстоятельством, как распространение регулирования деторождения среди населения.

С целью установления тесноты связи между численностью мужчин, приходившихся на 1000 женщин, и охватом женщин брачным состоянием были исчислены коэффициенты корреляции для каждой возрастной группы женщин отдельно.

Эти расчеты показали, что в двух наиболее молодых возрастных группах имеется высокая прямая зависимость

Таблица 3

Соотношение показателей брачного состояния и плодовитости женщин в Архангельской и Калининградской областях

Возраст	Приходилось муж-чин на 1000 женщин		Показатели брачного состояния женщин Архангельской обл., в % к показателям Калининград-ской обл.	Показатели пло-довитости женщин Архангельской обл., в % к показателям плодовитости женщин Калининградской обл.
	Архан-гельская обл.	Калинин-градская обл.		
20—24	1165	960	85,4	108,2
25—29	1123	798	99,2	148,1
30—34	922	629	87,0	153,6
35—39	573	446	94,6	161,1
40—44	609	660	92,6	175,0
45—49	634	744	89,7	266,7

охвата женщин брачным состоянием от количества муж-чин, пришедших на 1000 женщин этого возраста. Коэффициент корреляции (r_{xy}) для женщин в возрасте 15—19 лет был равен $+0,82$ со средней ошибкой $m_{r_{xy}} = \pm 0,20$, для женщин в возрасте 20—24 лет $+0,73$ ($m_{r_{xy}} = \pm 0,24$). С увеличением возраста женщин эта связь, как видно, становится менее тесной. Для других возрастных групп получить достоверные коэффициенты корреляции не удалось.

Так как процент женщин, состоящих в браке в данном возрасте, в значительной мере определяет уровень показателя плодовитости в этом возрасте, то наряду с показателями плодовитости были исчислены также коэффициенты брачной плодовитости. С. А. Новосельский справедливо отмечал, что «повозрастные показатели плодовитости женщин без учета их семейного положения в значительной мере искажают картину повозрастной плодовитости»⁴.

При переписи населения в 1959 г. семейное состояние женщин записывалось со слов опрашиваемых. Численность

⁴ С. А. Новосельский. Плодовитость населения в связи с социальным положением.—С. А. Новосельский. Вопросы демографической и санитарной статистики (Избранные произведения). М., Медгиз, 1958, стр. 175.

детей, родившихся в браке, при текущем учете рождений определяется на основе юридически оформленного брака. В связи с этим при вычислении повозрастных показателей брачной плодовитости в числитель были взяты числа детей, рожденных женщинами определенного возраста, состоящими в зарегистрированном браке, а в знаменатель — число женщин этого возраста, состоявших на момент переписи в фактическом браке. Таким образом мы не могли получить полного соответствия между числителем и знаменателем этого показателя и тем самым достаточно точно определить показатели внебрачной плодовитости.

Приводимые ниже показатели все же дают представление об уровнях брачной и внебрачной плодовитости, а также об их соотношении по различным областям и АССР. Так, стандартизованный показатель брачной плодовитости по разным территориям составляет (в % к стандартизованному коэффициенту общей плодовитости):

Область и АССР	Городские поселения	Сельская местность	Область и АССР	Городские поселения	Сельская местность
Архангельская	163,1	129,7	Новгородская	172,0	180,8
Вологодская	198,8	170,8	Псковская	161,8	159,4
Калининград-ская	152,7	127,1	Карельская АССР	146,3	139,1
Ленинградская	158,9	154,0	Коми АССР	134,9	129,1
Мурманская	141,4	112,6			

Однако в целях получения более точных коэффициентов брачной и внебрачной плодовитости необходимо в предстоящей переписи населения 1970 г. обеспечить сопоставимость материалов переписи населения и учета рождений.

Наше исследование показало, что в 1959 г. стандартизованные показатели брачной плодовитости были в некоторых областях почти в полтора-два раза выше общих показателей плодовитости женщин.

В возрасте до 30 лет повозрастные коэффициенты брачной плодовитости были значительно выше повозрастных показателей плодовитости всех женщин детородного возраста как состоявших, так и не состоявших в браке. Иными словами, в возрасте до 30 лет брачность оказывает большее влияние на интенсивность плодовитости.

Возрастом максимальной брачной плодовитости для большинства городских поселений и сельской местности в

1959 г. был возраст 20—24 года. Достигнув своего максимума, коэффициенты брачной плодовитости резко снижались, хотя доля замужних в этих возрастах еще высока. После 30 лет, и особенно в конце плодovитого периода (в возрасте 40—44 и 45—49 лет), показатели брачной плодovитости очень низкие и близки к показателям плодovитости всех женщин. В этих возрастах женщины, желающие иметь детей, рожают их независимо от того, состоят они или не состоят в браке. У значительной части детей, рожденных этими женщинами (до 50%), в акте о рождении нет записи об отце.

Показатели брачной плодovитости как в городе, так и на селе в возрасте 15—19 лет, как правило, ниже, чем в возрасте 20—24 лет. Нужно отметить, что до 16 лет женщины рожают крайне редко. Так, в 1959 г. из числа родившихся в РСФСР детей только 0,01% составляли дети, родившиеся у матерей, возраст которых не превышал 16 лет. Это дает нам право согласиться с предложением Б. Ц. Урланиса⁵ в качестве нижней границы детородного возраста брать не 15, а 17 лет.

В 1959 г. во всех областях и АССР Северо-Западного района (за исключением Мурманской области) как общие, так и повозрастные показатели брачной плодovитости в городских поселениях были ниже, чем в сельской местности, за исключением возраста 15—19 лет, в котором молодые горожанки, как правило, имели более высокие коэффициенты плодovитости, чем сельские жительницы того же возраста. Возрастом максимальной брачной плодovитости как в городе, так и на селе почти везде была возрастная группа 20—24 года.

Стремясь элиминировать влияние семейного состояния и получить для каждой области и АССР один общий коэффициент, очищенный от этого влияния, мы применили метод стандартизации и вычислили стандартизованные коэффициенты брачной плодovитости. За стандарт были взяты числа замужних на 1000 женщин данной возрастной группы по РСФСР в целом.

В большинстве областей стандартизованные коэффициенты брачной плодovитости были выше нестандартизованных. Это значит, что если бы в этих областях из 1000 жен-

⁵ Б. Ц. Урланис. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., Госстатиздат, 1963.

Таблица 4

Общие и стандартизованные коэффициенты
брачной плодovитости

Область и АССР	Показатели сельских жителей, в % к показателям горожан (по стандарти- зованным коэффи- циентам)	Стандартизованные коэффициенты брач- ной плодovитости в % к показателям Псковской области	
		в город- ских посе- лениях	в сельской местности
Псковская	118,3	100	100
Ленинградская	108,3	100	91
Новгородская	135,3	106	121
Калининградская	123,7	97	101
Мурманская	75,7	107	68
Еологодская	140,1	143	168
Архангельская	119,2	135	136
Коми АССР	156,3	117	154
Карельская АССР	121,0	144	146

щин состояло в браке столько же, сколько в среднем по Российской Федерации, то уровни брачной плодovитости в этих областях были бы выше (табл. 4).

В Калининградской и Мурманской областях, а также в Коми АССР после стандартизации показатели стали ниже. Следовательно, на этих территориях показатели брачной плодovитости были более высокими в известной степени благодаря большей доле замужних.

Для областей и АССР, имевших в 1959 г. наиболее высокие показатели брачной плодovитости, был характерен высокий уровень и внебрачной плодovитости (Коми и Карельская АССР, Мурманская и Архангельская области). Что же касается Псковской, Новгородской и Ленинградской областей, то здесь были относительно низкими показатели как брачной, так и внебрачной плодovитости. В этих областях показатели внебрачной и брачной плодovитости относились как 1:6, 1:7, в Ленинграде показатели внебрачной плодovитости были в 11 раз ниже показателей брачной плодovитости. Следует, однако, иметь в виду,

что соотношение этих показателей, с одной стороны, зависит от распространенности ограничения деторождения, а с другой — от способа вычисления показателей.

Внебрачные рождения на селе в 1959 г. встречались в 1,5—2 и даже в 2,6 раза (Вологодская область) чаще, чем в городских поселениях.

В сельских местностях максимальные и минимальные уровни внебрачной плодовитости имели те же области и АССР, что и в городских поселениях.

Так как соотношение между числом фактических и зарегистрированных браков неодинаково в различных возрастных группах, что обуславливает различную степень преувеличения показателей внебрачной плодовитости, в дополнение к полученным показателям нами была рассчитана доля внебрачных детей в общем числе родившихся. Наиболее высокой она была в городских поселениях и сельской местности Архангельской, Мурманской областей, Коми АССР, а также в городских поселениях Карельской АССР. На долю внебрачных рождений в городских поселениях приходилось от 6,8 (Ленинград) до 16,8% (Коми АССР) всех рождений. В сельской местности доля внебрачных рождений колебалась в пределах от 12,0% в Псковской области до 26,2% в Коми АССР. Наиболее высоким был процент внебрачных детей среди родившихся у очень молодых матерей (15—19 лет), а также у женщин, у которых заканчивался детородный период (40—49 лет). Для возраста 45—49 лет характерны очень низкие показатели плодовитости. Абсолютное число рождений в этой группе, как правило, невелико, однако от одной пятой до половины родившихся у женщин этого возраста составляли внебрачные дети, т. е., по-видимому, не выйдя до 40 лет замуж, женщины сознательно идут на одинокое материнство.

Представляет интерес сопоставление процента внебрачных детей и доли замужних по каждой возрастной группе отдельно. Оказывается, возрастные группы с большой долей замужних (25—34 года) имели относительно небольшой процент внебрачных рождений, а крайние возрастные группы (15—19 и 40—49 лет), где замужних относительно мало, имели высокий процент внебрачных рождений.

Для характеристики рождаемости большое значение имеет распределение родившихся по порядку их рождения. Вместе с тем анализ состава родившихся по порядку

их рождения целесообразно дополнить исследованием показателей частоты рождения первого, второго, третьего и т. д. ребенка женщинами, состоявшими в браке. Последующая стандартизация этих показателей позволяет получить коэффициенты, «очищенные» от влияния различий возрастного состава замужних женщин.

В 1959 г. доля первенцев в городах и городских поселениях Северо-Западного района была от 44,6 (Архангельская область) до 69,8% (Ленинград). В сельских местностях доля первенцев была ниже и колебалась в пределах от 29,8% в Архангельской до 46,6% в Ленинградской области. Необходимо отметить, что на территориях с более высоким уровнем рождаемости доля первенцев была наиболее низкой.

На долю первых и вторых детей в городских поселениях приходилось от 75,3% (в Архангельской области) до 94,9% (в Ленинграде) всех рождений. В сельских местностях доля первых и вторых детей колебалась от 56% в Архангельской до 77% в Ленинградской области.

В своей статье А. М. Вострикова сообщила, что более одной третьей части родившихся в СССР — это третьи и следующие по очередности дети⁶. В РСФСР в 1959 г. их доля была 30,2%, а по отдельным областям и АССР Северо-Западного экономического района она колебалась от 18,0 до 34,2%. Таким образом, основную массу родившихся составляли первые и вторые дети.

Определенный интерес представляют данные о среднем возрасте женщин, родивших в 1959 г. Так, средний возраст женщин, родивших в 1959 г., по Северо-Западу РСФСР составил:

Средний возраст женщин, родивших ребенка	В среднем по району	В городских поселениях	В сельской местности
Первого	24,9	25,0	24,8
Второго	28,5	29,0	28,1
Третьего	31,1	31,7	30,8
Четвертого	33,0	33,4	32,6
Средний возраст всех родивших женщин	27,9	27,4	28,4

Как видно из приведенных данных, средний возраст женщин, родивших в 1959 г., в сельской местности был

⁶ А. М. Вострикова. Некоторые данные о рождаемости в СССР. — «Вестник статистики», 1962, № 12.

несколько выше, чем в городских поселениях Северо-Западного экономического района.

Правильное объяснение этому дает в своей монографии Б. Ц. Урланис, который пишет: «Чем меньше этот возраст, тем при прочих равных условиях ниже уровень рождаемости». И далее свою мысль автор поясняет так: «Это станет ясным, если мы учтем, что при высоком уровне рождаемости в стране женщины рожают в 40 и 45 лет; низкий же уровень рождаемости означает, что женщина, родившая вскоре после брака одного-двух детей, перестает рожать вовсе»⁷.

Рассмотренные ранее данные подтверждают это положение. В 1959 г. показатели рождаемости и плодovitости у жительниц сельских местностей были более высокими, чем у горожанок. В числе родивших в 1959 г. женщины в возрасте старше 40 лет на селе составляли 4,1%, в городских же поселениях их было вдвое меньше (1,8%).

Из приведенных данных видно также, что женщины начинают рожать как в городе, так и на селе в среднем в 25 лет и к 33 годам почти все женщины (95,8%) прекращают деторождение. На долю пятых и следующих детей в сельской местности в 1959 г. приходилось 14,2%, а в городских поселениях — всего лишь 4,2% рождений.

Не располагая первичными материалами, мы не смогли выяснить средний промежуток между заключением брака и рождением первого ребенка. Исчислив по имеющимся материалам средний возраст невест и матерей, родивших первенца в 1959 г., мы убедились в том, что средний возраст невест (из-за того, что в расчет вошли и лица, поздно вступившие в брак) был выше среднего возраста матерей, родивших первого ребенка.

Разница между средним возрастом матери при рождении первого и второго ребенка в городских поселениях составляла 4 года, на селе — 3,3 года, между возрастом при рождении второго и третьего ребенка в городах и на селе была равна 2,7 года, при рождении третьего и четвертого ребенка в городах — 1,7 и на селе 1,8 года. К сожалению, эти данные не могут точно характеризовать интервалы между рождениями, поскольку зависят от распределения по возрасту мало и много рожавших женщин и от соотношения их численностей.

⁷ Б. Ц. Урланис. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, стр. 15.

Представляет интерес сравнение показателей плодovitости женщин по социальным группам, которые можно вычислить по материалам переписи 1959 г. и по данным текущего учета о распределении родившихся по социальному положению матери.

Эти данные до настоящего времени не подвергались достаточно глубокому анализу, и нам казалось целесообразным их изучение.

Так как возрастной состав женщин разных общественных групп был неодинаковым, то помимо общих показателей плодovitости были рассчитаны стандартизованные (прямым методом) коэффициенты плодovitости. За стандарт был принят возрастной состав всех женщин РСФСР по данным переписи 1959 г. Коэффициенты были исчислены для трех социальных групп: рабочих, служащих и группы колхозников с кооперированными кустарями. Для первых двух групп помимо общих показателей в целом для группы были получены показатели плодovitости отдельно для женщин, работающих и находящихся на излечении.

Устранив влияние возраста и исчислив стандартизованные показатели плодovitости для каждой из социальных групп, мы получили возможность более объективно оценить их детородную функцию. К сожалению, материалы переписи не содержали сведений о численности состоявших в браке в каждой из этих групп и мы не могли элиминировать различий в брачном состоянии рабочих, служащих и колхозников.

На основании стандартизованных по возрасту показателей плодovitости удалось выяснить, что среди городских жителей в группе рабочих более высокие коэффициенты плодovitости, чем в группе служащих (табл. 5).

В сельской местности показатели плодovitости у служащих женщин также были ниже, чем у рабочих и колхозниц⁸. Что касается последних двух социальных групп, то в трех областях (Ленинградской, Мурманской, Калининградской) и в Коми АССР стандартизованные коэффициенты плодovitости у колхозниц были выше, чем у женщин-рабочих, а в остальных четырех областях и в Карельской АССР соотношение показателей было обратным.

⁸ В группу служащих при разработке материалов переписи были включены служащие — члены колхоза, а в группу рабочих — рабочие — члены колхоза.

Таблица 5

Стандартизованные по возрасту показатели плодовитости женщин
(в % к стандартизованным показателям Архангельской обл.)

Область и АССР	Рабочие			Служащие		
	в городских поселениях	в сельской местности	показатели сельских жителей, в % к показателям горожанок	в городских поселениях	в сельской местности	показатели сельских жителей, в % к показателям горожанок
Архангельская	100	100	146,8	100	100	146,0
Мурманская	85	59	102,3	106	49	67,9
Карельская АССР . . .	95	99	153,2	107	96	130,4
Коми АССР	112	104	135,5	99	98	145,0
Вологодская	86	92	156,1	97	91	137,4
Новгородская	79	62	115,6	61	55	133,1
Псковская	72	53	108,2	85	65	111,2
Ленинградская	64	50	113,4	99	66	96,9
Калининградская . . .	62	64	152,1	98	71	105,8

Женщины-рабочие, проживающие в городских поселениях, имели значительно более низкие стандартизованные показатели плодовитости, чем проживающие в сельской местности.

Женщины-служащие в городских поселениях также имели, как правило, более низкие показатели плодовитости, чем женщины-служащие в сельских местностях. В городских поселениях показатели плодовитости этой социальной группы колебались от 35,4 до 62,5‰, в сельских местностях — от 41,8 (Мурманская область) до 85,0‰ (Архангельская область).

Таким образом, в пределах одних и тех же общественных групп все еще остаются значительными различия между городом и селом.

«Урбанизация, — как справедливо отмечает Б. Ц. Урланис, — является как бы общим фактором, отражающим условия городской жизни, а именно: более высокий уровень культуры, иногда меньшая жилищная обеспечен-

ность, большая занятость женщин в общественном производстве»⁹.

У женщин, живущих в сельской местности, коэффициент плодовитости был, как правило, выше, чем у живущих в городах. Так, у женщин-рабочих Архангельской, Вологодской, Калининградской областей, а также Карельской и Коми АССР эти различия составляли от 35,5 до 56,1%. У женщин-служащих, живущих в сельской местности, показатели общей плодовитости были также выше, чем у живущих в городах, за исключением Ленинградской и Мурманской областей.

Сравнение стандартизованных показателей плодовитости выявило, что колхозницы (с кооперированными кустарями) далеко не всегда имеют более высокие уровни плодовитости, чем женщины-рабочие в сельской местности. Например, стандартизованные коэффициенты плодовитости колхозниц в Псковской, Новгородской, Вологодской, Архангельской областях и Карельской АССР были ниже, чем женщин-работниц в сельской местности тех же территорий.

Из сопоставления показателей плодовитости женщин, работающих и находящихся на иждивении, проживающих как в городских поселениях, так и в сельских местностях, видно, что у работающих женщин показатели плодовитости выше. Однако для окончательного суждения необходимы сведения о частоте рождений первых, вторых, третьих и т. д. детей как у работающих, так и у находящихся на иждивении женщин. До первых родов большинство женщин работают, и это могло отразиться на анализируемых показателях, тем более, что первые дети составляли значительный процент в числе родившихся.

Однако, прежде чем перейти к освещению этого вопроса, необходимо остановиться на внебрачных рождениях среди женщин, принадлежащих к различным социальным группам.

У сельских жительниц всех социальных групп и всех изучаемых территорий процент внебрачных детей в числе родившихся был выше, чем у городских женщин, принадлежащих к тем же социальным группам. Среди детей, матери которых относились к группе рабочих как в

⁹ Б. Ц. Урланис. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, стр. 65.

городских поселений, так и в сельских местностях, процент родившихся вне брака был выше, чем среди детей, рожденных женщинами-служащими. Эти различия в городских поселениях составляли от 2,7% в Ленинграде до 8,0 в Мурманской и 8,6% в Архангельской областях. В сельских местностях различия в доле внебрачных детей между этими двумя группами были еще больше. В Псковской области они были минимальными и составляли 4,0%, а в Мурманской достигали максимума — 12,9%. Однако у колхозниц процент детей, рожденных вне брака, был значительно выше, чем у женщин-рабочих, проживавших в сельской местности.

Понятно, что у находящихся на иждивении процент внебрачных рождений во всех социальных группах был намного ниже, чем среди работающих; эти женщины находятся, как правило, на иждивении мужей. Определенный интерес представляют данные о распределении родившихся по очередности их рождения. В городских поселениях первые и вторые дети в общем числе родившихся у женщин-работниц составляли от 71,4% в Карельской АССР до 85,7% в Калининградской области и 94,1% в Ленинграде. На долю первых и вторых детей, родившихся у женщин-служащих в городских поселениях, приходилось от 83,6% в Архангельской области до 91,6% в Калининградской области и 96,2% в Ленинграде.

Таким образом, как у женщин-работниц, так и у женщин-служащих основную массу родившихся составляли первые и вторые дети, причем у служащих доля этих детей была выше, чем у работниц; на всех остальных детей по очередности рождения приходилось у служащих не более 16,4%. Третьи дети у женщин-работниц рождались, как правило, в 1,5—2,5 раза чаще, чем у женщин-служащих, четвертые — в 2—3 раза, пятые-шестые — в 3—4 раза и даже в 5 раз (Новгородская область) чаще. В сельской местности доля первых и вторых детей у рабочих и служащих была ниже, чем в городе. Колхозницы, как правило, рожали детей высокой очередности в 1,5—2 раза чаще, чем работницы, и гораздо чаще, чем служащие.

Таким образом, на основании произведенного анализа можно сказать, что отмеченные выше более высокие уровни плодовитости определялись в основном рождением первых и вторых детей, которые в общем числе родившихся составляли основную массу. Третьих и четвер-

тых, а тем более пятых и следующих детей рожали чаще женщины, находящиеся на иждивении. Уровни плодовитости женщин-служащих были значительно ниже, чем работниц. Между тем и для этой социальной группы отмечалась та же закономерность: частота рождения первых и вторых детей у работающих женщин выше, чем у неработающих.

В городских поселениях большинства областей работающие женщины рожали третьих и четвертых детей чаще, чем женщины, находящиеся на иждивении, однако в сельских местностях этих областей соотношение показателей по указанным двум группам женщин было различным. Как известно, влияние уровня жизни на уровень рождаемости происходит через два звена: уровень культуры и степень распространенности регулирования деторождения.

В связи с этим целесообразно было бы, с одной стороны, проанализировать влияние на рождаемость условий жизни населения при исключении влияния культурного уровня, а с другой стороны, выявить влияние культурного уровня при исключении влияния уровня жизни. К сожалению, материалы, которыми мы располагали, не позволили провести такой анализ. Эти задачи могут быть решены путем проведения специальных обследований.

Материалы переписи 1959 г. содержали данные об уровне образования населения, которые только в ограниченной степени могут характеризовать его культурный уровень. К сожалению, в этих материалах лица с высшим образованием были объединены с получившими среднее и неполное среднее образование. Располагая столь скромными и неудачно сгруппированными данными, мы все же попытались исчислить коэффициенты корреляции для городского и сельского населения, измеряющие связь плодовитости (стандартизованных коэффициентов общей плодовитости) и распространения среди женщин высшего и среднего образования.

Как показали расчеты, между плодовитостью и образованием женщин, проживающих в городских поселениях, имелась обратная тесная связь ($r_{xy} = -0,7$). Исчислив среднюю ошибку коэффициента корреляции, мы убедились в том, что вероятность иных значений коэффициента корреляции при данном числе наблюдений будет менее 5% ($m_{r_{xy}} = \pm 0,2$).

А. М. Мерков, Н. С. Махмутзянова

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРСКОЙ АССР

(материалы по динамике смертности)

До Великой Октябрьской социалистической революции башкирский народ был одним из самых отсталых в экономическом и культурном отношении и в сущности находился в полуколониальной зависимости от Российской империи. За годы Советской власти башкирский народ достиг огромных успехов в развитии культуры и повышении своего благосостояния. Особенно заметны достижения в охране здоровья населения, снижении благодаря успехам здравоохранения смертности и увеличении продолжительности жизни. Анализу динамики этих явлений и посвящена наша статья.

Воспроизводство населения, как известно, не может быть изучено с помощью обычных показателей рождаемости и смертности. Эти показатели, годные для поверхностного изучения естественного движения населения, непригодны для более или менее углубленного анализа. Наиболее совершенной методикой изучения процессов смертности населения служит исчисление и анализ таблиц смертности и средней продолжительности жизни населения (таблиц дожития).

Таблицы смертности могут быть наиболее точно исчислены только для тех лет, за которые имеются данные о численности отдельных возрастных групп населения, или для ближайших к ним лет. Такими годами обычно бывают годы всеобщих переписей. Последняя предвоенная перепись населения происходила в 1939 г. В соответствии с

этим и наиболее точное изучение предвоенных показателей воспроизводства населения может быть приурочено к 1939 г. и ближайшим к нему годам.

Отсутствие в Башкирской АССР своевременно разработанных применительно к материалам переписи населения 1939 г. данных о воспроизводстве населения побудило одного из авторов (А. М. Меркова) еще в 1943 г. заняться разработкой и изучением соответствующих данных и тем создать базу для дальнейших исследований влияния санитарных последствий войны на воспроизводство населения Башкирской АССР.

Полученные при переписи 1959 г. сведения о возрастном-половом составе населения вместе с материалами о рождаемости и смертности в примыкающие к переписи годы были применены вторым автором (Н. С. Махмутзяновой) для исчисления показателей таблиц смертности и средней продолжительности жизни населения Башкирской АССР за 1958—1959 гг.¹

В настоящей статье даются основные итоги этих исследований в сравнении с материалами 20-х годов. Основное внимание при изложении уделяется не столько результатам анализа, который всегда может быть сделан как угодно глубоко на основе изучения прилагаемых числовых данных, сколько методическим замечаниям, необходимым для оценки правильности построения таблиц смертности и их критического изучения.

Методические замечания

Таблицы смертности для 1938—1939 и 1958—1959 гг. построены для населения всей Башкирской АССР в целом и отдельно для населения ее столицы Уфы. В таблицах для 1958—1959 гг. выделено также городское население республики. За оба периода таблицы исчислены раздельно для мужчин, женщин и для обоих полов.

Для построения таблиц смертности мы воспользовались сведениями о по возрастной численности населения по переписям 1939 и 1959 гг., сведениями о числах умерших в 1938 и 1939 гг., 1958 и 1959 гг. по возрастам и о

¹ Н. С. Махмутзянова. Продолжительность жизни населения Башкирии.— «Сборник научных работ Башкирской республиканской клинической больницы», вып. V. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1966, стр. 25—29.

числах родившихся в соответствующие годы в Башкирской АССР и отдельно в Уфе и в городском населении республики.

С целью избежать трудоемкой работы по выравниванию чисел годовых возрастных групп населения вместо полных исчислены так называемые краткие таблицы смертности. В этих таблицах годовые показатели приводятся только для первых пяти возрастных групп (0, 1, 2, 3, 4 года), а далее показатели даются для пятилетних возрастных интервалов. Последней пятилетней возрастной группой для таблиц 1938—1939 гг. взята группа 55—59 лет, после которой следует группа 60 лет и старше. Ограничение этим возрастом вызвано было тем, что имевшиеся сведения о повозрастной численности населения Башкирской республики в 1939 г. заканчивались суммарными данными об этой возрастной группе. В таблицах смертности 1958—1959 гг. последняя выделенная возрастная группа — это группа 80 лет и старше. Даты переписей населения 1939 г. (17 января) и 1959 г. (15 января) приняты как центральные моменты для исчисления повозрастных показателей смертности за 1938—1939 и 1958—1959 гг., в соответствии с этим все произведенные исчисления и все полученные показатели также относятся к 1938—1939 и 1958—1959 гг.

Один из основных вопросов, возникающий при построении таблиц смертности, — это вопрос о том, достаточно ли достоверны получаемые показатели смертности, т. е. достаточно ли полон учет умерших. Во «Введении» к составленным С. А. Новосельским и В. В. Паевским таблицам смертности 1926—1927 гг. отмечалась «существенная неполнота учета умерших» для некоторых местностей, в том числе и для Башкирской АССР². Это обстоятельство, однако, не помешало авторам составить таблицы смертности для Башкирской АССР за 1926—1927 гг., снабдив их приведенной выше оговоркой.

В 1938—1939 гг. проверка полноты учета умерших в Башкирской АССР не производилась, а в 1942—1943 гг. — ко времени составления таблиц смертности — такая проверка в связи с обстоятельствами военного времени не могла быть проведена, да и ее результаты уже не соответ-

² «Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926—1927». Таблицы смертности. М., Планхозгиз, 1930, стр. XI.

ствовали бы ситуации, существовавшей в 1938—1939 гг. Есть основания полагать, однако, что в 1938—1939 гг. учет умерших в Башкирской АССР был никак не хуже, а, по-видимому, даже лучше, чем в 1926—1927 гг. Все сказанное относится в основном к сельскому населению республики, так как в городских поселениях учет умерших был значительно лучше, чем в сельских, как в 1926—1927 гг., так и в 1938—1939 гг. В 1958 и 1959 гг. точность учета умерших, естественно, была большей.

Из ряда имеющихся в демографической литературе методов исчисления кратких таблиц смертности был избран метод Фарра³, несколько видоизмененный М. В. Птухой⁴. В рекомендуемую М. В. Птухой методику расчетов были внесены некоторые незначительные изменения, и в таком виде примененный метод был описан в составленном нами руководстве по демографической статистике⁵ гораздо позже, чем были исчислены краткие таблицы смертности для Башкирской АССР за 1938—1939 гг.

Точность расчетов, произведенных этим методом, удалось проверить после того, как ЦСУ СССР опубликовало таблицы смертности и средней продолжительности жизни населения СССР за 1958—1959 гг. — полные⁶ и краткие⁷.

Сопоставляя опубликованные ЦСУ СССР показатели таблиц с аналогичными показателями, вычисленными описанным нами методом, мы получили весьма сходные результаты (табл. 1).

Показатели наших таблиц весьма близки к соответствующим числам полной таблицы смертности и почти не отличаются от показателей кратких таблиц, исчисленных ЦСУ СССР. Между тем вычислительной работы для примененных нами расчетов требуется значительно меньше.

³ W. Farr. Vital Statistics. London, 1885, p. 465—467.

⁴ М. В. Птуха. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века. Харьков — Киев, 1928, стр. 13—18. Этот метод описан М. В. Птухой также в кн. «Очерки по статистике населения». М., Госстатиздат, 1960, стр. 234—242.

⁵ А. М. Мерков. Демографическая статистика. М., изд-во «Медицина», 1965.

⁶ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том». М., Госстатиздат, 1962, стр. 254—280.

⁷ «Вестник статистики», 1966, № 2, стр. 22—32.

Таблица 1

Сопоставление показателей полных и кратких таблиц смертности населения СССР в 1958—1959 гг.

Возраст	Численность доживающих до данного возраста по таблицам смертности			Средняя продолжительность предстоящей жизни для лиц данного возраста по таблицам смертности		
	полным	кратким		полным	кратким	
		нашим	ЦСУ СССР		нашим	ЦСУ СССР
0	100 000	100 000	100 000	68,59	68,71	68,50
10	93 885	93 907	93 886	62,97	63,08	62,87
15	93 497	93 523	93 502	58,22	58,33	58,12
25	92 084	92 089	92 068	49,03	49,15	48,94
35	89 937	89 932	89 912	40,07	40,20	39,99
45	86 805	86 782	86 764	31,32	31,47	31,25
55	81 236	81 166	81 150	23,09	23,27	23,04
65	70 429	70 495	70 476	15,78	15,97	15,70
75	50 289	50 900	50 900	9,92	10,06	9,68

Исходные для построения таблиц смертности 1938—1939 гг. величины q_x (вероятность смерти в возрасте x) и p_x (вероятность дожития до следующего возраста $x+1$) получены следующим образом:

а) для возраста 0 лет:

$$q_0 = \frac{M_0^B + M_0^A}{\frac{1}{3} N^{B-1} + N^B + \frac{2}{3} N^A};$$

б) для возрастов 1, 2, 3, 4 года:

$$q_x = \frac{M_x^B + M_x^A}{\left(\frac{1}{2} N^{B-x-1} + N^{B-x} + \frac{1}{2} N^{B-x+1}\right) p_0 \cdot p_1 \cdot \dots \cdot p_{x-1}},$$

где M_x — число умерших в возрасте x ,

N — число родившихся, а значок сверху обозначает календарный год, за который берутся данные, причем

B — это год, предшествующий переписи,

A — год, следующий за переписью.

$$p_x = 1 - q_x;$$

в) для пятилетних возрастных групп 5—9, 10—14, 15—19 и др. $q_{x/x+4}$ и $p_{x/x+4}$ вычислены по следующим формулам, где $x/x+4$ обозначает соответствующую пятилетнюю возрастную группу:

$$q_{x/x+4} = \frac{10 \bar{m}_{x/x+4}}{2 + 5 \bar{m}_{x/x+4}}$$

$$p_{x/x+4} = 1 - q_{x/x+4}.$$

Входящие в формулу средние коэффициенты смертности для пяти возрастных групп $\bar{m}_{x/x+4}$ получены по формуле:

$$\bar{m}_{x/x+4} = \frac{M_{x/x+4}^B + M_{x/x+4}^A}{S_{x/x+4}},$$

где $S_{x/x+4}$ — численность населения в возрасте $x/x+4$ по переписи.

Для 1958—1959 гг. были сделаны расчеты по этим же формулам с заменой чисел 1938—1939 гг. соответствующими числами 1958—1959 гг.

Вычисление рядов таблицы смертности l_x (чисел доживающих до возраста x) и d_x (чисел умирающих в возрасте x) произведено по обычным формулам:

$$l_{x+1} = l_x \cdot p_x \text{ и } d_x = l_x - l_{x+1}.$$

Проверка производилась по формуле $d_x = l_x \cdot q_x$. Как обычно, l_0 принято равным 100 000, а вычисления, необходимые для получения всех элементов таблиц смертности, произведены с точностью до пятого десятичного знака.

Числа L_x (численность стационарного населения в возрасте x) определялись по формулам:

$$L_x = \frac{l_x + l_{x+1}}{2} \text{ и } L_{x/x+4} = \frac{5(l_x + l_{x+4})}{2},$$

кроме L_0 , которое вычислялось как $L_0 = 0,65 l_1 + 0,35 l_0$. При получении чисел ряда T_x (численность стационарного населения в возрасте x лет и старше) отсутствие в материалах 1938—1939 гг. чисел l_x и L_x для возраста 60 лет и старше, естественно, затрудняло определение числа T_{60} . Затруднение это было преодолено следующим образом: были приняты две гипотезы о возможном значении этой величины и дальнейшие исчисления для T_x и e_x^0 произведены соответственно в двух вариантах.

Первая гипотеза заключалась в том, что средняя длительность предстоящей жизни для возрастной группы

Числа доживающих до соответствующего возраста (l_x) в городском населении Башкирской АССР

Возраст	Мужчины			Женщины			Оба пола		
	1926—1927 гг.	1938—1939 гг.	1958—1959 гг.	1926—1927 гг.	1938—1939 гг.	1958—1959 гг.	1926—1927 гг.	1938—1939 гг.	1958—1959 гг.
	город- ское на- селение	насе- ле- ние Уфы	насе- ле- ние Уфы	город- ское на- селение	насе- ле- ние Уфы	насе- ле- ние Уфы	город- ское на- селение	насе- ле- ние Уфы	насе- ле- ние Уфы
0	100 000	100 000	100 000	100 000	100 000	100 000	100 000	100 000	100 000
1	74 115	76 581	94 771	77 862	78 719	95 562	75 937	77 621	95 157
2	67 274	69 044	94 211	71 589	70 808	95 094	69 370	69 902	94 642
3	64 666	66 329	94 014	69 148	68 292	94 949	66 841	67 283	94 471
4	63 518	65 046	93 849	67 957	66 994	94 866	65 671	65 993	94 346
5	62 405	64 251	93 719	66 866	66 181	94 799	64 568	65 189	94 247
10	59 771	61 827	93 248	64 181	64 055	94 487	61 909	62 912	93 852
15	58 766	60 554	92 779	63 397	63 161	94 195	61 017	61 827	93 468
20	57 113	59 242	92 206	61 924	62 183	93 942	59 463	60 681	93 062
25	54 361	57 483	91 280	59 800	60 754	93 498	57 028	59 106	92 390
30	51 427	55 678	89 985	57 571	59 239	92 884	54 484	57 445	91 439
35	48 350	53 492	88 274	55 324	57 652	92 084	51 806	55 547	90 209
40	45 195	50 323	86 087	52 968	55 730	91 273	49 044	53 033	88 844
45	41 767	46 081	84 122	50 410	53 480	90 067	45 985	49 824	87 329
50	37 642	42 055	80 509	47 513	51 455	88 425	42 415	46 788	84 893
55	32 746	37 093	74 932	44 038	48 948	86 074	38 217	42 978	81 243
60	27 742	30 807	66 372	39 610	45 663	82 571	33 551	38 178	75 093
65	22 822	—	57 609	34 312	—	77 068	28 461	—	69 377
70	17 296	—	46 221	28 294	—	69 050	22 751	—	60 160
75	12 064	—	32 899	21 752	—	58 628	16 877	—	48 791
80	7 617	—	20 257	15 206	—	44 111	11 393	—	35 442

Средняя продолжительность предстоящей жизни (в годах) в Башкирской АССР (e_x)

Возраст	Мужчины			Женщины			Оба пола		
	1926—1927 гг.	1938—1939 гг.	1958—1959 гг.	1926—1927 гг.	1938—1939 гг.	1958—1959 гг.	1926—1927 гг.	1938—1939 гг.	1958—1959 гг.
	город- ское на- селение	насе- ле- ние Уфы	насе- ле- ние Уфы	город- ское на- селение	насе- ле- ние Уфы	насе- ле- ние Уфы	город- ское на- селение	насе- ле- ние Уфы	насе- ле- ние Уфы
0	42,88	44,78	62,61	45,25	48,57	71,25	44,08	46,78	67,72
1	52,92	53,88	65,10	54,02	56,86	73,61	53,46	55,51	70,22
2	56,04	56,60	64,90	56,75	59,74	73,45	56,38	58,32	70,05
3	57,23	57,34	64,25	57,78	60,53	72,82	57,50	59,09	69,41
4	57,22	57,30	63,44	57,80	60,52	72,04	57,50	59,07	68,62
5	57,08	56,93	62,60	57,65	60,17	71,18	57,35	58,72	67,78
10	53,99	54,17	58,08	54,35	57,28	66,64	54,16	55,90	63,26
15	49,72	50,14	53,43	50,02	53,16	61,93	49,86	51,82	56,59
20	45,55	46,24	48,88	45,93	49,20	57,27	45,73	47,90	54,01
25	41,90	42,46	44,48	42,27	45,43	52,73	42,07	44,13	49,55
30	38,27	38,57	40,20	38,75	41,67	48,12	38,50	40,30	45,13
35	34,52	34,75	35,99	35,13	37,87	43,58	34,82	36,50	40,77
40	30,81	31,44	31,91	31,41	34,21	39,10	31,11	32,88	36,47
45	27,29	27,80	27,84	27,65	30,47	34,64	27,47	29,33	32,18
50	23,81	24,62	24,00	23,91	26,61	30,30	23,86	25,77	28,05
55	20,50	21,58	20,45	20,33	22,69	26,06	20,40	22,28	24,12
60	17,26	18,99	17,32	17,08	18,79	21,94	17,15	18,87	20,33
65	14,17	—	14,51	14,16	—	18,15	14,16	—	16,90
70	11,59	—	11,89	11,55	—	14,56	11,55	—	13,65
75	9,39	—	9,53	9,27	—	11,39	9,31	—	10,75
80	7,32	—	7,35	7,36	—	8,72	7,33	—	8,26

Средняя продолжительность предстоящей жизни (в годах) городского населения (е_х) Башкирской АССР

Возраст	Мужчины					Женщины					Оба пола			
	1926—1927 гг.		1938—1939 гг.		1958—1959 гг.		1926—1927 гг.		1938—1939 гг.		1958—1959 гг.		1926—1927 гг.	
	городское население	Уфы	население	Уфы	городское население	Уфы	городское население	Уфы	население	Уфы	население	Уфы	городское население	Уфы
0	34,40	37,05	62,92	62,48	40,96	43,87	72,27	71,36	40,44	43,87	68,50	67,54	37,47	40,44
1	44,89	47,27	65,37	64,80	51,49	54,64	74,61	73,52	51,00	54,64	70,97	69,95	48,23	51,00
2	48,44	51,37	64,76	64,34	54,97	59,68	73,98	73,06	55,58	59,68	70,36	69,50	51,76	55,58
3	49,35	52,46	63,89	63,52	55,90	60,86	73,09	72,23	56,72	60,86	69,48	68,68	52,70	56,72
4	49,23	52,43	63,01	62,64	55,87	61,03	72,15	71,34	56,82	61,03	68,57	67,80	52,63	56,82
5	49,10	52,43	62,09	61,73	55,77	60,78	71,20	70,42	56,51	60,78	67,65	66,88	52,52	56,51
10	46,18	49,07	57,39	57,00	53,03	57,71	66,43	65,68	53,47	57,71	62,92	62,15	49,70	53,47
15	41,93	45,05	52,67	52,31	48,66	53,49	61,63	60,88	49,39	53,49	58,17	57,41	45,39	49,39
20	38,06	40,99	47,98	47,70	44,75	49,29	56,79	56,09	45,25	49,29	53,41	52,72	41,50	45,25
25	34,86	37,47	43,44	43,23	41,24	45,40	52,04	51,38	41,39	45,40	48,78	48,14	38,16	41,39
30	31,71	33,29	39,03	38,87	37,74	41,49	47,37	46,72	37,51	41,49	44,26	43,66	34,83	37,51
35	28,56	29,55	34,74	34,58	34,18	37,57	42,76	42,10	33,71	37,57	39,83	39,22	31,50	33,71
40	25,38	26,26	30,56	30,42	30,58	33,76	38,12	37,49	30,49	33,76	35,41	34,82	28,13	30,49
45	22,25	23,44	26,22	26,25	27,01	30,18	33,60	33,01	26,97	30,18	30,98	30,49	24,83	26,97
50	19,41	20,45	22,28	22,36	23,50	26,48	29,47	28,62	23,56	26,48	26,79	26,35	21,70	23,56
55	16,93	17,85	18,75	18,87	20,15	22,39	24,90	24,43	20,43	22,39	22,89	22,48	18,80	20,43
60	14,53	15,98	15,42	15,67	17,11	18,82	20,85	20,44	17,16	18,82	19,13	18,81	16,07	17,68
65	12,12	—	12,74	12,95	14,35	—	17,16	16,78	13,49	—	15,86	15,52	14,23	—
70	10,49	—	10,27	10,45	11,87	—	13,87	13,42	11,23	—	12,90	12,51	11,23	—
75	8,55	—	8,41	8,33	9,68	—	10,89	10,40	9,28	—	10,33	9,80	9,28	—
80	7,14	—	7,11	6,61	7,78	—	8,65	8,17	7,57	—	8,28	7,73	7,57	—

части РСФСР. Показатели смертности мужчин в Башкирской АССР были ниже, средняя длительность предстоящей жизни больше и, соответственно, числа доживающих до любого возраста из поколения одновременно родившихся были также больше.

К 1938—1939 гг. все эти показатели улучшились по сравнению с 1926—1927 гг. Смертность мужчин понизилась, а средняя длительность предстоящей жизни возросла. Для новорожденных она выросла на 1,9 года.

Как указано было выше, в 1926—1927 гг. в Башкирской АССР учет смертей был неполным, особенно в сельской местности. В результате показатели смертности для этих лет оказываются несколько преуменьшенными, а показатели средней длительности жизни — несколько преувеличенными. Вероятное улучшение регистрации смертей в 1938—1939 гг. делает показатели для второго периода более точными, чем для 1926—1927 гг. Следовательно, действительное увеличение средней продолжительности жизни с 1926—1927 по 1938—1939 гг. было более значительным, чем это показывают наши материалы.

Показатели смертности женщин ниже, чем мужчин. Показатели 1938—1939 гг. у женщин, как и у мужчин, лучше, чем в 1926—1927 гг.: показатели смертности ниже, а средняя длительность предстоящей жизни больше. Для новорожденных это увеличение составляло 3,3 года, т. е. было больше, чем у мужчин.

При сопоставлении с соответствующими показателями для женщин Европейской части РСФСР выясняется, что в противоположность мужчинам в 1926—1927 гг. женщины Башкирии имели более высокую смертность и меньшую длительность предстоящей жизни, чем женщины Европейской части РСФСР.

В отношении городского населения дело обстоит несколько иначе. В 1926—1927 гг. показатели смертности мужчин из числа городского населения Башкирской АССР во всех возрастных группах моложе 35 лет были несколько выше соответствующих показателей мужского населения городов Европейской части РСФСР. В соответствии с этим средняя длительность предстоящей жизни в этом возрасте была у них ниже. Числа доживающих для мужчин городов Башкирии в 1926—1927 гг. также были меньше, чем у городского мужского населения Европейской части РСФСР.

Мужское население Уфы в 1938—1939 гг. обладало лучшими показателями, чем мужское население в городах Башкирской АССР в 1926—1927 гг.: смертность его была ниже, средняя длительность предстоящей жизни больше, причем почти на 3 года. Однако в первые три года жизни смертность мужского населения Уфы в 1938—1939 гг. оставалась более высокой, средняя длительность предстоящей жизни составляла для новорожденных 37,05 года против 40,37 года для мужчин городского населения Европейской части РСФСР в 1926—1927 гг., для достигших одного года — соответственно 47,27 и 48,97 года, для достигших двух лет — 51,37 и 51,96 года.

У женщин-горожанок эти явления заметнее, чем у мужчин. Если в 1926—1927 гг. смертность мужчин в городском населении Башкирии была выше смертности мужчин в городах и городских поселениях Европейской части РСФСР только в возрасте до 35 лет, то у женщин в городах это превышение смертности имело место во всех возрастных группах. В 1938—1939 гг. смертность женщин Уфы была ниже, чем женщин городского населения Башкирии в 1926—1927 гг., а длительность предстоящей жизни больше. Превышение это составляло 2,9 года. Однако в первые два года жизни смертность женщин Уфы в 1938—1939 гг. оставалась более высокой, чем женщин городского населения Европейской части РСФСР в 1926—1927 гг., а средняя длительность предстоящей жизни в этом возрасте была меньше. Так же, как и в отношении всей Башкирской АССР, в городском населении Башкирии в 1926—1927 гг. и в Уфе в 1938—1939 гг. относящиеся к женщинам показатели смертности и средней длительности предстоящей жизни были лучше, чем у мужчин.

В 1958—1959 гг. в Башкирской АССР в возрасте до 50 лет смертность мужского населения была ниже, а показатели дожития и средней длительности предстоящей жизни выше, чем у всего населения СССР. В возрасте старше 50 лет соответствующие показатели для республики несколько ниже средних по СССР. То же можно сказать и в отношении женщин. Примерно такое же соотношение показателей Башкирской АССР и СССР отмечается и у городского населения. Население Уфы имеет несколько лучшие показатели, чем соответствующие возрастно-половые группы городского населения республики.

По сравнению с 1938—1939 гг. к 1958—1959 гг. средняя продолжительность жизни в республике увеличилась на 20,94 года и достигла 67,72 года. С 1926—1927 по 1958—1959 гг. она возросла на 23,69 года, или более чем в 1,5 раза. Средняя продолжительность предстоящей жизни увеличилась во всех возрастных группах. Сравнение средней продолжительности предстоящей жизни населения Башкирской АССР в 1958—1959 гг. с данными 1926—1927 и 1938—1939 гг. показывает, что наиболее выражено ее увеличение за эти годы у детей до 5 лет и слабее — в остальных возрастах.

С 1926—1927 по 1958—1959 гг. средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденных возросла на 53,8%, детей в возрасте одного года — на 31,4% и т. д. Улучшились показатели не только для детей, но и для лиц среднего и пожилого возраста: во всех возрастных группах от 5 до 75 лет средняя продолжительность жизни увеличилась на 17—18%.

С 1938—1939 по 1958—1959 гг. наибольший рост средней продолжительности предстоящей жизни был также у новорожденных — на 44,8% и у годовалых детей — на 26,5%. Увеличение длительности жизни происходило и в остальных возрастах, но оно было менее выраженным, чем у детей раннего возраста. Следует заметить, что для старших возрастов увеличение было тем меньше, чем больше возраст.

Увеличение продолжительности жизни населения Башкирии в 1958—1959 гг. происходило в основном вследствие снижения детской смертности и смертности в молодых возрастах. Так, с 1938—1939 по 1958—1959 гг. вероятность умереть для новорожденных уменьшилась в 3,5 раза. Особенно значительно снизилась за этот период смертность детей в возрасте 1—9 лет — в 5—6 раз; смертность в возрасте 10—24 лет уменьшилась в 2,5—3 раза, в возрасте 25—44 лет — в 2,1—2,3, в возрасте 45—49 лет — в 1,8, в возрасте 50—54 лет — в 1,5; в возрасте 55—59 лет — в 1,4 раза.

В Башкирии, как и повсюду, средняя продолжительность жизни женщин выше продолжительности жизни мужчин. Об этом можно судить по следующим данным о средней продолжительности предстоящей жизни мужчин и женщин и разнице в ней:

Годы	Мужчины	Женщины	Разница в продолжительности жизни женщин и мужчин
1926—1927	42,88	45,25	2,37
1938—1939	44,78	48,57	3,79
1958—1959	62,61	71,25	8,64

Длительность предстоящей жизни мужчин и женщин различалась во всех возрастных группах. В 1926—1927 гг. различия были небольшими. Только у годовалых детей разница в показателях составляла 1,1 года, т. е. 2,1%; в остальных возрастах показатели средней продолжительности предстоящей жизни мужчин и женщин были близкими. Для лиц старше 55 лет показатели для мужчин незначительно превышали показатели для женщин.

В 1938—1939 гг. различия в продолжительности предстоящей жизни мужчин и женщин стали заметнее. В возрастах от 1 до 50 лет различия в пользу женщин составляли около трех лет, к 55—59 годам разрыв уменьшился до двух лет, а в возрасте старше 60 лет небольшое преимущество имели мужчины.

К 1958—1959 гг. разрыв в продолжительности предстоящей жизни мужчин и женщин увеличился. Для пяти лет эти различия составляли 8,58 года, т. е. 13,7%, тогда как в 1926—1927 гг. они были равны всего 0,57 года, т. е. 1,0%, а в 1938—1939 гг. — 3,24 года, т. е. 5,7%.

В 1958—1959 гг. в молодых возрастах до 30 лет перевес в пользу женщин сохранялся в пределах 8—8,5 лет (13—18%). Для 50-летних мужчин и женщин эта разница составляла 6,3 года, или 26,3%; для 60-летних — 4,6 года (26,7%). В возрасте старше 70 лет показатели средней продолжительности предстоящей жизни мужчин и женщин несколько сближаются, но различия остаются более выраженными, чем в детском и молодом рабочем возрастах.

Изменения, происходившие в показателях средней продолжительности предстоящей жизни мужчин и женщин, также были неодинаковыми.

Средняя продолжительность предстоящей жизни женщин во всех возрастах увеличивалась быстрее, чем у мужчин. Так, для новорожденных девочек средняя продолжительность предстоящей жизни увеличилась с 1926—1927 по 1958—1959 гг. на 26 лет (на 57,5%), а для новорожденных мальчиков за этот период она увеличилась на

19,73 года (на 46,04%). Для годовалых девочек число лет предстоящей жизни увеличилось на 19,59 года (на 36,2%), для годовалых мальчиков — на 12,18 года (на 23%), для двухлетних девочек — на 16,7 года (на 29,4%), для двухлетних мальчиков — на 8,86 года (на 15,8%).

Кроме того, у женщин в отличие от мужчин, увеличение средней продолжительности предстоящей жизни происходило во всех возрастных группах довольно равномерно. За рассматриваемый период продолжительность предстоящей жизни женщин в возрастах от 5 до 75 лет увеличилась на 23—28%. Особенно заметным был рост в возрастах от 50 до 69 лет — на 27—28,5%. Средняя продолжительность предстоящей жизни мужчин значительно увеличилась в детском и молодом рабочем возрастах до 30 лет, в возрасте 30—45 лет увеличение не превышало 3—5%, а в старших возрастах составляло только 0,4—2%. У 55—65-летних мужчин показатели средней продолжительности жизни в 1958—1959 гг. оказались ниже уровня 1926—1927 гг., в то время как у женщин она в этих возрастах увеличилась особенно заметно. Этим и объясняется то, что в 1958—1959 гг. различия в показателях средней продолжительности жизни мужчин и женщин в этих возрастах были особенно большими.

Сравнение с соответствующими данными по экономически развитым европейским капиталистическим странам говорит о том, что показатели смертности и средней длительности предстоящей жизни, которые имело население Башкирии в 1938—1939 гг., были в этих странах пройденны уже несколько десятилетий тому назад. Это явилось результатом того, что длительное угнетение феодально-помещичьим режимом царского самодержавия народов, населявших территорию СССР, создало у них столь высокую смертность, что в относительно короткий срок, протекавший со времени национального и социального раскрепощения, принесенного Октябрьской революцией, до конца 30-х годов еще не могли быть полностью ликвидированы последствия дореволюционного периода в отношении показателей смертности.

Однако данные, относящиеся к СССР, говорят о быстрой ликвидации этих последствий. Уже к 1926—1927 гг. средняя продолжительность предстоящей жизни населения по сравнению с 1896—1897 гг. выросла на 11—14 лет, т. е. на 34—40%. Столь быстрыми темпами улучшение де-

демографических показателей не происходило ни в одной капиталистической стране. Следовательно, имелись все основания полагать, что Башкирская АССР после войны может в относительно недолгий срок догнать и перегнать экономически развитые капиталистические страны в отношении снижения показателей смертности и повышения длительности жизни своего населения. Как показывают наши материалы, эти предположения подтверждаются.

IV. ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ МНЕНИЙ О ВЕЛИЧИНЕ СЕМЬИ

В. А. Белова, Л. Е. Дарский

Научно-исследовательский институт ЦСУ СССР

ОБСЛЕДОВАНИЕ МНЕНИЙ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ

Изучая статистические материалы о рождаемости, оперируя различными синтетическими показателями плодovitости, демографы обычно абстрагируются от того, что рождение ребенка происходит в семье, и попросту игнорируют весь тот комплекс факторов, причин и следствий, который связан с этим событием в каждом отдельном случае. В известной мере в этом повинна и сама теоретическая демография, которая еще не создала достаточно убедительной модели или схемы, позволяющей связать то, что происходит в семье, с тем, что происходит в населении.

Семья как элементарная ячейка воспроизводства населения редко рассматривается в демографии, а вопрос о том, что *семья* планирует свое развитие, в советской демографической литературе вообще до сих пор не затрагивался. Даже сам термин «планирование семьи» часто воспринимается неверно и трактуется как планирование или принуждение извне, т. е. как вмешательство общества или государства в суверенное право семьи самой решать, сколько детей и когда она хочет иметь.

На самом деле в мировой демографической литературе под планированием семьи понимается именно *внутри-семейное планирование*, т. е. те решения, которые принимает семья в отношении применения контрацептивов или искусственных абортов, точнее, та совокупность взглядов, мнений и желаний, которой руководствуется брачная пара в вопросах деторождения. Эти взгляды и мнения складываются под влиянием обширного комплекса социально-

экономических и социально-психологических факторов. На формирование этих взглядов оказывают влияние как особенности жизни всего общества, так и индивидуальные особенности данной семьи, а также то место, которое семья занимает в этом обществе. Причем вполне понятно, что мировоззрение человека (включая и его отношение к формированию и функциям семьи) есть результат всего жизненного опыта, а не особенностей условий жизни и быта в данный момент. На современном этапе развития демографических процессов в нашей стране особенно важен именно этот аспект воспроизводства населения, так как оно определяется рождаемостью, точнее, плодovitостью браков, а планируемое деторождение в настоящее время уже характерно для подавляющего большинства брачных пар.

Традиционные или религиозные ограничения, запрещающие вмешиваться в естественный ход вещей, сейчас для большинства населения потеряли свое значение. В этих условиях возможность ограничиться определенным числом детей или отсрочить рождение ребенка сознает практически каждая брачная пара; с самого момента заключения брака супруги решают, сколько детей иметь и как растянуть во времени их появление.

Конечно, не все молодожены, вступив в брак, имеют готовый план развития своей семьи, который потом стремятся выполнить, вряд ли можно так примитивно представлять себе процесс планируемого деторождения. Не все имеют определенное мнение на этот счет при вступлении в брак, а мнение тех, которые его имели, меняется на протяжении брачной жизни под влиянием тех или иных обстоятельств. Но то, что поведением семей в этом отношении руководит именно мнение о наилучшем или о желаемом размере семьи, не подлежит сомнению.

Таким образом, можно сказать, что подавляющее большинство рождений есть результат сознательного волеизъявления брачных пар, во всяком случае большинства их. Между тем до сих пор все прогнозы рождаемости в СССР производятся путем экстраполяции статистических данных о рождениях на основе тех или иных гипотез об их дальнейшем изменении, но без учета мнений и намерений самих семей. Конечно, прогноз числа рождений в стране не может быть простой, суммой внутрисемейных прогнозов. Действительное число рождений обычно больше

запланированного.

Если каждая семья имеет план своего развития, если супруги знают, когда и сколько детей они хотят родить, и руководствуются этим, то казалось бы, проще всего составить представление о будущей рождаемости, опросив семьи относительно их намерений. Нужно учесть, конечно, что проблема не так проста, что само мнение супругов меняется под влиянием разных факторов, наконец, что не все семьи могут четко сформулировать свои намерения. При всем этом выяснение мнений и намерений брачных пар может помочь нам как в изучении социальных факторов плодovitости, так и в составлении прогноза.

Демографы не сразу осознали пользу подобных опросов. Первые обследования такого рода были проведены еще в 1936 г. в США и в 1938 г. в Англии организациями, занимающимися изучением общественного мнения. Демографы стали применять результаты опросов мнений и намерений семей только после войны. Первый серьезный опыт в этом отношении проделал в 1947 г. крупный американский демограф Паскаль Уэлптон, воспользовавшись результатами опроса мнений 1945 г. при составлении прогноза рождаемости в США до 1975 г.¹ В последующие годы опросы мнений об идеальном или желаемом числе детей получили признание и в других странах, так что уже в 1954 г. в докладе на Римской конференции по народонаселению Жан Стётцель смог привести результаты 32 опросов по 14 странам². В настоящее время опросы мнений стали проводиться регулярно во многих странах, а вопросы об идеальном и желаемом числе детей входят как обязательные почти во все демографические анкеты. Результаты этих опросов и анкет служат как для изучения дифференциальной плодovitости и ее факторов, так и для составления прогнозов и обоснования демографической политики. В нашей стране в этом направлении делаются только первые шаги.

Несколько вопросов, касающихся мнения женщин относительно формирования семьи, было включено, в частности, в программу экспериментального обследования, произ-

¹ P. Whelpton. Forecasts of the population of the United States 1945—1975. Washington, 1947.

² J. Stoetzel. Les attitudes et la conjoncture démographique: la dimension idéale de la famille.— «Proceedings of the World Population Conference, Rome, 1954», v. VI, United Nations, N. Y., 1955.

веденного отделом демографии НИИ ЦСУ СССР в 1966 г. на нескольких московских предприятиях с преимущественным применением женского труда: Ростокинском меховом комбинате, Ростокинской камвольно-отделочной фабрике, мебельной фабрике «Лира» и швейной фабрике «Заря». Опрашивались замужние женщины в возрасте до 45 лет. Из-за того, что в анкете содержались вопросы, касающиеся техники предупреждения зачатий, опрос проводили специально проинструктированные медицинские сестры, в основном работники здравпунктов этих предприятий. Исследователи благодаря своему опыту медицинских работников легко устанавливали контакт с опрашиваемыми, и отказов отвечать на вопросы не было. Всего были опрошены 1462 женщины, из них 1351 состояла в первом браке. В данной статье мы приводим лишь некоторые результаты, относящиеся к изучению мнений и имеющие, на наш взгляд, самостоятельное значение.

В анкете содержалось три вопроса, касающихся мнения женщины относительно формирования семьи:

1. Сколько детей, по Вашему мнению, лучше всего иметь в семье?

2. Когда Вы вступали в брак, сколько детей Вы хотели иметь?

3. Сколько всего детей Вы предполагаете иметь?

Если женщина не могла точно ответить на поставленный вопрос, то записывался тот ответ, который она давала, например «не думала», «не знаю», «2 или 3» и т. п. При статистической обработке ответы типа «2 или 3» включались в обе группы с весом $\frac{1}{2}$.

Как показала разработка, 42% женщин ответили, что при вступлении в брак они не думали о том, сколько хотят иметь детей. При этом доля давших такой ответ почти не варьирует в зависимости от возраста при вступлении в брак. Это видно из следующих данных:

Возраст женщины при вступлении в брак	Доля женщин (в %), ответивших «не думала»	Возраст женщины при вступлении в брак	Доля женщин (в %), ответивших «не думала»
До 19 лет	41,0	25—29 лет	44,4
20—21 год	43,0	30 лет и более . .	31,9
22—24 года . . .	41,2		

Вряд ли следует считать эти ответы свидетельством того, что около 40% женщин, вступая в брак, вообще не думают, хотят ли они иметь детей или нет, а если хотят, то сколько. Если бы опрос проводился тогда, когда они вступали в брак, то, наверное, большинство женщин смогло бы сообщить, что они думают по этому поводу. Возможно, однако, что значительная часть женщин не имела тогда достаточно четкого мнения и сейчас они его затрудняются сообщить, считая, что в то время не думали об этом. Это соображение отчасти подтверждается сравнением частоты неопределенных ответов. Женщины, недавно вышедшие замуж, реже отвечают на этот вопрос «не думала», чем вышедшие замуж давно:

Длительность брака к моменту обследования	Доля женщин (в %), ответивших «не думала»	Длительность брака к моменту обследования	Доля женщин (в %), ответивших «не думала»
0—4 года	37,1	10—14 лет	41,8
5—9 лет	39,7	15 лет и более . .	48,9

Мнение о желаемом числе детей со временем меняется, но не очень значительно; определенная связь между тем, что думали на этот счет женщины, выходя замуж, и тем, что они считают желательным на момент обследования, существует. Вот данные о тех женщинах, которые определенно ответили на оба вопроса (табл. 1).

Интересно отметить, что на вопросы о том, сколько детей женщины хотят иметь сейчас и хотели иметь, вступая в брак, было только по три ответа, когда было названо число три. Изменение мнений, зафиксированное в приведенной таблице, крайне незначительно: если при вступлении в брак женщины хотели иметь в среднем по 1,5 ребенка, то в момент обследования они хотят иметь по 1,6 ребенка.

В настоящее время доля вообще не желающих иметь детей заметно ниже: если при вступлении в брак не хотели иметь детей 6% женщин, то к моменту обследования таких осталось только 2%. Вместе с тем несколько понизилась и доля желающих иметь троих и более детей — с 3,6 до 3,4%.

Большинство женщин (59%) вообще не изменило своего мнения, 28% к моменту обследования предпочитали иметь больше детей, чем при вступлении в брак,

Таблица 1

Распределение опрошенных женщин по желаемому числу детей при вступлении в брак и на момент опроса

Число детей, которое женщины считали желательным иметь при вступлении в брак	Число женщин, всего	В том числе считают желательным на момент обследования иметь детей				Среднее желаемое число детей на момент обследования
		0	1	2	3+	
Всего	781	16	284	454	27	1,6
0	47	3	21	20	3	1,6
1	356	6	184	162	4	1,5
2	350	5	77	261	7	1,8
3+	28	2	2	11	13	2,3
Среднее число детей, которое женщины считали желательным иметь при вступлении в брак	1,5	1,4	1,2	1,6	2,2	×

и только 13% изменили свое мнение в меньшую сторону. Следует заметить, что эти выводы совпадают с результатами венгерского обследования 1959 г.³

Среднее число желаемых детей есть величина очень устойчивая и почти не обнаруживает колебаний в зависимости от возраста или длительности брака:

Возраст женщины в момент опроса	Среднее число желаемых детей	Возраст женщины в момент опроса	Среднее число желаемых детей
До 25 лет . . .	1,6	30—34 года . . .	1,7
25—29 лет . . .	1,7	35 лет и более . .	1,7

При этом более молодые женщины высказываются несколько более единообразно: модальное число желаемых детей равно двум во всех возрастах; но среди женщин старше 35 лет двухдетную семью предпочитают только 54%, а среди женщин 30—34 лет—60%, 25—29 лет—66% и моложе 25 лет—58%. Из этого можно сделать вывод,

³ G. Acsádi, A. Klinger. A termékenység, a családtervezés és a születésszabályozás néhány kérdése (Некоторые вопросы плодovitости, планирования семьи и регулирования деторождения).— «Demográfia», 1959, II Évf, 2—3 Szám.

что в среде работниц московских предприятий двухдетная семья не только остается предпочтительной, но с каждым поколением это мнение становится все более распространенным. Исключение составляют только самые молодые женщины, чье мнение можно считать еще не вполне сформировавшимся. Правда, меньшее среднее число желаемых детей у них наводит на мысль о тенденции перехода к однодетной семье. Возможно, с возрастом мнения меняются и становятся менее единообразными, однако, как мы видели, при сравнении мнений в период вступления в брак и в момент обследования для такого заключения мало оснований. Для более обоснованного вывода в этом отношении необходима специальная проверка, т. е. повторный опрос тех же женщин спустя некоторое время. Такой опыт был проведен в США Фридменом, Кумбсом и Бампасом, опросившими один и тот же контингент женщин в 1962 и в 1963 гг.⁴; их материалы дают основание для вывода о большой устойчивости подобных мнений в США.

Женщины, к моменту опроса состоявшие в браке разное время, также обнаруживают удивительное единодушие в ответах на этот вопрос. Имея к моменту обследования разное число детей, они весьма единообразно отвечают на вопрос об общем числе детей, которое предполагают иметь:

Длительность брака к моменту опроса	Среднее число имеющихся детей	Среднее число желаемых детей
0—4 года	0,7	1,6
5—9 лет	1,1	1,6
10—14 лет	1,5	1,6
15 лет и более . .	1,7	1,8

Несколько большую зависимость проявляет эта величина от возраста женщины при вступлении в брак, т. е. от фактора, непосредственно влияющего на планирование семьи. Правда, здесь это влияние существенно сказывается только для женщин, вступивших в брак позже 30 лет:

⁴ R. Freedman, L. C. Coombs and L. Bumpass. Stability and change in expectations about family size.— «Demography», v. II. N. Y., 1966.

Возраст женщины при вступлении в брак	Среднее число желае- мых детей	Среднее число имеющихся детей
До 19 лет	1,8	1,4
20—21 год	1,7	1,4
22—24 года	1,6	1,3
25—29 лет	1,6	1,2
30 лет и более . .	1,2	0,7

При этом среди вышедших замуж до 20 лет доля желающих иметь двух детей составляет 68%, а среди вышедших замуж после 30 лет таких только 32%. Зато доля желающих ограничиться только одним ребенком составляет соответственно 27 и 54%. Среди вышедших замуж после 30 лет около 17% предпочитают вообще остаться бездетными.

С точки зрения прогноза рождаемости особый интерес представляют женщины, считающие формирование своей семьи законченным. Из общего числа опрошенных у 69% женщин общее желаемое число детей совпало с имеющимся, и, следовательно, в дальнейшем они рожать не собираются. При этом в среднем на каждую из них приходится по 1,5 ребенка. Из них 2,6% вообще не имели детей, 45,4% имели только одного ребенка, 47,3% имели двоих и только 4,7% имели троих и более детей. Вот как выглядит это распределение в целом (табл. 2).

Таблица 2

Распределение женщин по числу детей, желаемых еще, в связи с числом имеющихся у них детей (в %)

Число детей, имею- щихся к момен- ту опроса	Число детей, желаемых еще *					
	0	1	2	3	4	Всего
0	16,1	36,2	46,3	1,4	0	100
1	60,1	38,8	1,0	0	0,1	100
2	98,0	2,0	0	0	0	100
3+	97,8	2,2	0	0	0	100

* Число детей, которое женщины хотят иметь еще, было получено как разность между предполагаемым и имеющимся числом детей.

Только 2% из имеющих двух детей хотят родить третьего. Большинство женщин, имеющих одного ребенка, предпочитает в дальнейшем не рожать. Из общего числа женщин, которые сообщили, что они еще собираются рожать, 82% намерены ограничиться всего двумя детьми, 13% — одним ребенком и только 5% сообщили, что хотят иметь троих и более детей. Среди 1351 опрошенной женщины только две пожелали иметь больше троих детей.

Важным вопросом является не только само мнение женщин о числе желаемых детей, но и те факторы, под влиянием которых оно складывается. Хотя обследованная совокупность весьма однородна и была взята только для проверки программы и отработки методики опроса, все же были предприняты попытки выявить хотя бы некоторые дифференцирующие факторы.

Пока такие попытки большого успеха не принесли. Те различия, которые удалось обнаружить, крайне невелики (табл. 3).

Таблица 3

Среднее желаемое число детей у женщин с разным уровнем образования *

Уровень образования женщин	Годы рождения женщин		В среднем
	1920—1930	1931—1946	
Среднее и высшее	1,58±0,04	1,63±0,04	1,62±0,01
Неполное среднее	1,64±0,04	1,64±0,03	1,64±0,02
Начальное и ниже	1,70±0,04	1,76±0,05	1,72±0,02
Всего	1,66±0,02	1,66±0,02	1,66±0,01

* Вместе со средней арифметической в таблице приведены средние квадратические ошибки.

Правда, некоторые из этих незначительных различий неслучайны, их существенность устанавливается статистическими критериями. Но, несмотря на это, вряд ли можно в данном случае сделать какие-либо выводы относительно влияния образования на желаемое число детей. Это, разумеется, не опровергает целесообразности подобных исследований на более широком материале.

Влияние дохода было рассмотрено на простых семьях, состоящих из брачной пары с детьми или без детей. В таких семьях доход складывается только из доходов мужа и жены⁵. Переход от совокупного дохода к душевому определяется числом детей, и поэтому допустимо пользоваться совокупным доходом семьи.

Для изучения влияния этого фактора на мнение супругов сначала был составлен вариационный ряд по уровню совокупного дохода семьи и найдена медиана этого ряда. Все семьи были распределены на две равные группы: с доходом выше медианного и ниже медианного, а затем в этих группах определялись характеристики мнений о числе детей.

В семьях с доходом	Среднее желаемое число детей
Выше медианного . . .	1,77±0,02
Ниже медианного . . .	1,62±0,03

При этом интересно отметить, что различия в среднем желаемом числе детей хотя и очень малы, но статистически достоверны.

Кроме вопроса о *желаемом* числе детей женщинам предлагался еще вопрос о числе детей, которое они считают *идеальным* или *наилучшим для семьи*. При этом порядок опроса давал возможность избежать взаимного влияния ответов на эти вопросы.

Смысл этого вопроса, который предлагается при обследовании во многих странах, состоит в том, чтобы выяснить, к какой величине семьи стремилась бы женщина, если бы она не имела тех ограничений материального характера или особенностей семейного уклада, которые корректируют ее желания.

Нельзя думать, что представление об идеальном размере семьи складывается без влияния конкретных обстоятельств, но все же оно, по-видимому, больше зависит от всей суммы жизненных впечатлений и представлений, от социально-психологического фона, чем конкретные желания в отношении своей семьи. У каждой женщины существует такое мнение об идеальной или нормальной семье, по образу которой она стремится построить соб-

⁵ Все опрошенные женщины были работающими. Неработающих мужей в обследовании не встретилось.

ственную, но конкретные особенности ее семьи, собственного здоровья, материальных и жилищных условий, бюджета времени, мнение мужа и т. п. часто делают ее конкретные пожелания и стремления отличными от этих абстрактных представлений.

При этом конкретные обстоятельства далеко не всегда заставляют женщину ограничиться меньшим числом детей, чем то, какое она считает наилучшим, бывает и наоборот. Среди опрошенных женщин 43,2% назвали идеальным числом детей то же число, которое они имеют, 52,2% назвали идеальным большее и 4,6% — меньшее число детей, чем то, которое они имеют. Причину подобных расхождений трудно объяснить: то ли женщины по тем или иным причинам вынуждены были родить больше детей, чем они считали наилучшим, то ли у них изменилось представление об идеальном числе детей под влиянием трудностей воспитания имеющихся детей. Важно лишь отметить, что имеющееся число детей очень тесно связано с тем, которое женщины считают идеальным:

Идеальное число детей в семье	Среднее число имеющихся детей в семьях этих женщин	Идеальное число детей в семье	Среднее число имеющихся детей в семьях этих женщин
0	1,2	2	1,3
1	1,0	3+	1,8

Тесно связано с идеальным числом детей и общее число желаемых детей, хотя здесь и нет полной зависимости одного от другого. Одинаково на оба вопроса ответили 68,1% женщин, причем 51,2% опрошенных назвали в ответ на оба вопроса число два, 25,3% женщин хотят иметь меньше детей, чем считают идеальным, 6,6% хотят иметь больше. Вот как распределяются опрошенные женщины по идеальному числу детей (в %):

Идеальное число детей в семье	Доля женщин, назвавших это число
0	1,0
1	18,5
2	72,9
3+	7,6
Всего	100

Из общего числа опрошенных только одна женщина ответила, что наилучшее число детей в семье — пять. Среднее идеальное число детей несколько выше, чем среднее желаемое, — 1,9 против 1,7, но оно также меньше двух детей. Среднее желаемое число детей связано с идеальным:

Идеальное число детей в семье	Среднее желаемое число детей в семьях этих женщин	Идеальное число детей в семье	Среднее желаемое число детей в семьях этих женщин
0	1,2	2	1,7
1	1,2	3	2,2

Эти предварительные итоги небольшого экспериментального обследования, конечно, не дают еще возможности применить полученные выводы для прогноза плодovitости или для обоснования каких-либо мероприятий социального, материального или идеологического характера. Однако устойчивость и единообразие мнений, взаимообусловленность различных показателей и явная тенденция семей следовать в своем поведении сложившемуся представлению об идеальной семье дает основание полагать, что подобные опросы, проведенные с должной тщательностью и достаточно представительные для всего населения, принесли бы огромную пользу как при составлении демографических прогнозов, так и при выработке политики населения.

А. А. Петраков

Свердловский педагогический институт

ФАКТИЧЕСКОЕ И ЖЕЛАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ

Изучение планирования семьи представляет собой часть более общей проблемы изучения общественного мнения. На протяжении многих периодов существования человечества деторождение происходило стихийно, а планирование семьи отсутствовало. Только при достижении определенного уровня культуры, науки и техники стихийная рождаемость сменилась сознательным материнством. Как же сейчас осуществляется это сознательное материнство? Его нельзя, конечно, сводить только к абортam или применению противозачаточных средств: это лишь методы ограничения деторождения. Сознательное материнство — это вполне разумное определение величины семьи, т. е. числа желаемых детей. На формирование мнения о числе детей в семье большое влияние оказывает социальная среда, окружающая супругов.

Изучение мнений супругов о числе детей, которое они желают иметь, представляет интерес для выяснения тенденций развития советской семьи, по крайней мере на ближайшее будущее.

Такое исследование было произведено в течение 1965—1966 гг. кафедрой философии Свердловского педагогического института в нескольких районах Удмуртской АССР.

Хотя данные нашего выборочного обследования и не могут считаться вполне представительными для республики, они дают возможность составить общее представление о характере и факторах сознательного материнства в одном из районов Европейской части РСФСР.

Программа нашего исследования включала следующие вопросы: возраст, семейное положение, национальность, образование, число детей в семье. Кроме того, выяснялось число детей, на котором супруги (или опрашиваемая) думают закончить формирование семьи, и мотивы временного нежелания иметь ребенка. Среди таких мотивов были выделены:

- а) недостаточно высокая заработная плата;
- б) недостаточно хорошие жилищные условия;
- в) трудности в устройстве детей в дошкольные учреждения;
- г) стремление к повышению образования;
- д) нежелание мужа иметь ребенка;
- е) состояние здоровья;
- ж) прочие причины и случаи отказа их сообщить.

При этом мы обращали внимание на то, что понимается опрошенными под «недостаточно хорошими жилищными условиями» и «недостаточно высокой заработной платой». Наконец, выяснялось мнение супругов (или опрашиваемой) о максимальном числе детей, которое должно быть в семье.

Основными методами исследования были опрос и беседа с женщинами (по указанной выше программе), обращавшимися в поликлинику Ижевского механического завода, в методический кабинет Дома учителя, в сельские медицинские учреждения. Мы также организовали опрос женщин непосредственно у их рабочих мест на предприятиях, в школах, культурно-просветительных учреждениях. Опрос вели врачи, учителя, работники культурно-просветительных учреждений. При сборе данных определенную помощь оказали местные партийные и советские органы. Обработка материалов производилась вручную. Опрос и беседы по намеченной программе исследования проводились в Ижевске, а также в двух сельских районах (Завьяловском и Сямсинском). Первый расположен близко к Ижевску, второй относится к глубинным районам республики.

Мы получили ответы от 6264 горожанок, среди них 4503 женщины занимались преимущественно физическим и 1761 — умственным трудом. По сельской местности ответы были получены от 2707 женщин. Среди них 1749 представительниц физического и 958 — умственного труда.

Среди опрошенных оказалось 51,7% удмурток и 46,3%

русских, 1% татарок и 1% женщин других национальностей. Основная часть опрошенных (70,3%) находилась в возрастах 25—29 и 30—39 лет.

Подавляющее большинство опрошенных (91,3%) были замужние женщины. Понятно, что женщины, состоящие в браке, более сознательно подходят к вопросам деторождения, поэтому их ответы для нашего исследования были более важны.

Мы поставили цель опросить женщин разных профессий, представительниц как физического, так и умственного труда. К занятым преимущественно физическим трудом мы отнесли всех женщин, выполняющих физическую работу на заводе, в колхозе и т. д., имеющих в основном начальное и неполное среднее образование. В число занятых преимущественно умственным трудом были включены учителя, врачи, инженеры, агрономы и т. д. в основном с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием. Известно, что интеллигенция неоднородна по своему составу. Однако специальная разработка данных показала, что разница в отношении к деторождению между различными группами интеллигенции незначительна. Поэтому мы рассматриваем далее занятых преимущественно умственным трудом как одну группу.

Не оказалось также существенных различий в числе фактически имеющихся и желаемых детей между русскими и удмуртками. Это стало очевидным, когда была проведена соответствующая разработка по этническому признаку. Распределение по числу детей русских и удмурток (в %) оказалось следующим:

Число имеющих детей	Русские	Удмуртки	Планируемое число детей	Русские	Удмуртки
0	5,9	5,7	0	—	—
1	19,5	19,2	1	10,9	10,1
2	35,0	35,1	2	38,9	38,6
3	33,8	34,0	3	42,8	43,3
4 и более	5,8	6,0	4 и более	7,4	8,0
Итого . .	100	100	Итого . .	100	100

Поэтому в дальнейшем мы не делили опрошенных в зависимости от их национальной принадлежности.

Среди 4462 горожанок в возрасте от 18 до 49 лет, занятых преимущественно физическим трудом, и 1729 жен-

щин тех же возрастов, занятых умственным трудом, среднее число имеющих и желаемых детей выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Распределение опрошенных горожанок по возрасту и среднее число имеющих и желаемых детей

Возраст женщин	Доля (в %) женщин данного возраста среди всех опрошенных женщин, занятых преимущественно		Среднее число имеющих детей у женщин, занятых преимущественно		Среднее число желаемых детей женщинами, занятыми преимущественно	
	физическим трудом	умственным трудом	физическим трудом	умственным трудом	физическим трудом	умственным трудом
18—24	8,7	12,9	0,8	0,3	1,8	1,2
25—29	32,9	37,3	1,8	1,4	2,2	1,8
30—39	40,8	41,9	2,0	1,8	2,4	2,2
40—49	17,6	7,9	2,6	2,5	2,8	2,6
Все женщины	100	100	2,0	1,6	2,4	2,0

В целом у опрошенных горожанок среднее число имеющих детей равно 1,8, а желаемых — 2,2. Сравнивая приведенные в таблице данные, мы без труда можем установить, что в среднем как фактическое, так и желаемое число детей у представительниц умственного труда несколько меньше, чем у занятых преимущественно физическим трудом.

Представляет интерес не только среднее число детей, но и распределение городских женщин по числу имеющих и желаемых ими детей (табл. 2).

У обеих групп горожанок много общего в планировании семьи. Не имеющие ребенка (подавляющее большинство их в возрасте 18—29 лет) хотят иметь двоих-троих детей. Женщины в возрасте 18—24 лет, имеющие одного ребенка, в основном думают этим и ограничиться. Те же, у кого один ребенок, в последующих возрастах 25—29 и 30—39 лет планируют иметь двоих детей. На наш взгляд, дело здесь в том, что не имеющие детей, поскольку они еще не состо-

Таблица 2

Распределение горожанок по числу имеющих и желаемых ими детей

Число имеющих детей	Доля женщин с данным числом детей, %	Из них хотят иметь детей			
		1	2	3	4 и более
Занятые преимущественно физическим трудом					
0	4,9	—	2,1	2,8	—
1	22,4	11,5	10,9	—	—
2	35,2	—	27,0	8,2	—
3	32,3	—	—	32,0	0,3
4 и более	5,2	—	—	—	5,2
Итого . .	100	11,5	40,0	43,0	5,5
Занятые преимущественно умственным трудом					
0	12,4	1,8	5,8	4,8	—
1	18,2	16,2	2,0	—	—
2	36,2	—	35,2	1,0	—
3	32,5	—	—	31,2	1,3
4 и более	0,7	—	—	—	0,7
Итого . .	100	18,0	43,0	37,0	2,0

ят в браке или замужем непродолжительное время, пока еще не представляют себе той ситуации, которая сложится с появлением двоих или троих детей. Ими берется во внимание лишь общая любовь к детям. Молодые супруги, у которых появился один ребенок, начинают более сознательно подходить к вопросам планирования своей семьи. Если им кажется, что трудности, возникшие с появлением первого ребенка, будут устранены не скоро, они не хотят больше иметь детей или в крайнем случае думают о появлении еще одного ребенка. С течением времени, когда супруги в значительной мере улучшают свое материальное положение (получают квартиру, решается вопрос с детскими учреждениями и т. д.), познают радость материнства и отцовства, они думают уже о большем числе детей в семье.

Женщины, имеющие двоих детей, думают или ограничиться этим, или иметь еще одного (последних немного — всего 7,8%). Большинство (98,7%) из имеющих троих или четверых детей, об увеличении числа детей не думает.

Основная причина, сдерживающая появление ребенка у опрошенных представительниц физического труда в возрасте 18—24 лет, — это стремление к образованию (эту причину назвали 81,5% женщин соответствующей группы). Занятая преимущественно физическим трудом, не имеющая образования, молодая женщина стремится получить его.

В следующей возрастной группе — 25—29 лет — большую долю занимает такая причина, как недостаточно хорошие жилищные условия (54,1%). Вместе с тем достаточно распространенной причиной нежелания иметь ребенка (37,4%) остается стремление к образованию. В возрастной группе 30—39 лет наиболее часто встречаются такие причины нежелания иметь ребенка, как трудности с устройством в дошкольные учреждения (38,7%), недостаточно хорошие жилищные условия (32,5%) и небольшая заработная плата (25,3%). Эти же причины преобладают и в следующей возрастной группе.

В отличие от представительниц физического труда, женщины, занятые преимущественно умственным трудом, в возрасте 18—24 лет, чаще всего фактором, противодействующим появлению ребенка, называли недостаточно хорошие жилищные условия (88,3%). Дело здесь, на наш взгляд, в том, что в этом возрасте многие уже имеют законченное среднее специальное и даже высшее образование. Поэтому на первый план выдвигается стремление улучшить свое материальное положение, где достаточно хорошие жилищные условия играют большую роль. Вообще эту причину назвали 30,0% опрошенных представительниц умственного труда, в то время как недостаточно высокую заработную плату как причину нежелания иметь ребенка назвали всего 19,0%, трудности с устройством детей в дошкольные учреждения — 26,5 и стремление к образованию — 12,5% всех опрошенных.

Из 2698 женщин, в возрасте от 18 до 49 лет, опрошенных в сельской местности, 1748 человек заняты преимущественно физическим и 950 преимущественно умственным трудом. Среднее число имеющих у них и желаемых детей выглядит следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Распределение опрошенных сельских жительниц по возрасту и среднее число имеющих и желаемых детей

Возраст женщин	Доля (в %) женщин данного возраста среди всех опрошенных, занятых преимущественно		Среднее число имеющих детей у женщин, занятых преимущественно		Среднее число лет, желаемых женщинами, занятыми преимущественно	
	физическим трудом	умственным трудом	физическим трудом	умственным трудом	физическим трудом	умственным трудом
18—24	28,9	15,6	1,5	0,9	2,1	2,0
25—29	31,7	18,6	2,1	1,9	2,9	2,4
30—39	31,6	48,5	2,9	2,5	3,2	2,6
40—49	7,8	17,3	3,3	2,9	3,2	3,0
Все женщины	100	100	2,6	2,2	3,0	2,6

В целом по селу среднее число фактически имеющих детей у опрошенных равно 2,4, а желаемых — 2,8.

Интересно, что на селе лишь 2% всех опрошенных (в городе 14%) думают остановиться на одном ребенке. Во всех возрастных группах имеющие одного ребенка в основном хотят иметь двоих детей. Около половины опрошенных женщин с двумя детьми думают этим и ограничиться. Остальные в этой группе планируют иметь троих детей. Женщины, у которых трое детей, в большинстве случаев (91,2%) думают этим и ограничиться. Те, у кого четверо детей, уже не желают увеличивать семью. Все это видно из табл. 4.

Многие женщины (особенно в возрасте 18—24 лет) причиной нежелания иметь ребенка назвали стремление к образованию (32% опрошенных в сравнении с 17% опрошенных горожанок).

Интеллигенция села отличается по составу от интеллигенции города: среди опрошенных в отличие от горожанок большее число лиц не имеет высшего образования: если в городе высшее образование имеют 63,9% опрошенных, то на селе — около 35,6%.

Таблица 4

Распределение сельских жительниц по числу имеющих
и желаемых детей

Число имеющихся детей	Доля женщин с данным числом детей (в %)	Из них хотят иметь детей			
		1	2	3	4 и более
<i>Занятые преимущественно физическим трудом</i>					
0	5,5	1,2	4,3	—	—
1	14,8	—	14,8	—	—
2	33,8	—	17,1	16,7	—
3	40,1	—	—	33,6	6,5
4 и более	5,8	—	—	—	5,8
Итого . .	100	1,2	36,2	50,3	12,3
<i>Занятые преимущественно умственным трудом</i>					
0	7,1	1,3	5,8	—	—
1	14,9	4,5	10,4	—	—
2	38,2	—	28,1	10,1	—
3	38,6	—	—	34,8	3,8
4 и более	1,2	—	—	—	1,2
Итого . .	100	5,8	44,3	44,9	5,0

Из приведенных выше таблиц видно, что на селе у занятых как физическим, так и умственным трудом среднее число имеющих и желаемых детей несколько выше, чем в городе, что связано, по-видимому, в основном с относительно более высоким уровнем культуры и образования горожанок.

Следует отметить, что среднее число желаемых детей в каждой младшей возрастной группе близко к среднему числу имеющих детей в смежной старшей группе. Это говорит о том, что планы супругов иметь семью определенной величины в конечном счете реализуются. В возрасте 40—49 лет среднее число имеющих детей почти везде совпадает со средним числом желаемых детей. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что планирование семьи

наиболее интенсивно в возрасте 18—39 лет (особенно в возрасте 18—29 лет).

Тот факт, что молодые женщины, не имеющие детей, мечтают о двоих-троих детях, а с появлением ребенка резко (хотя, можно полагать, на относительно короткий срок) меняют свои планы, говорит, на наш взгляд, о том, что сознательное материнство в полном смысле этого слова начинается тогда, когда в семье уже есть один ребенок.

Как и следовало ожидать, сельские жительницы более близкого к Ижевску Завьяловского района по числу имеющих и желаемых детей ближе к горожанкам, нежели отдаленного района — Сюзунского. Об этом свидетельствуют следующие данные:

	Среднее число имеющихся детей	Среднее число желаемых детей
Город (Ижевск)	1,8	2,2
Село (Завьяловский район)	2,0	2,4
Село (Сюзунский район)	2,6	3,0

Приведенные в таблицах данные свидетельствуют о том, что по числу имеющих и желаемых детей интеллигенция села стоит ближе к интеллигенции города, а женщины, занятые физическим трудом в сельской местности, — соответственно ближе к женщинам, занятым физическим трудом в городе. В свою очередь, в городе и сельской местности видна тенденция к сближению числа имеющих в семье и желаемых детей. Все это говорит о постепенном стирании различий в демографических процессах между городом и селом, между занятыми физическим и умственным трудом.

Заслуживают внимания и данные об идеальном, по мнению опрошенных, числе детей (табл. 5).

В какой-то степени данные об идеальном числе детей совпадают с данными о числе детей, на котором опрошенные думают закончить формирование семьи. Дело, на наш взгляд, в том, что планируемое число детей супруги обычно связывают с идеальным. Однако есть и расхождения. Так, многие из тех, у кого четверо детей, считают, что это много. По их мнению, в семье должно быть самое большее трое детей. Никто из женщин не считает необходимым иметь в семье только одного ребенка. Это говорит о том, что при наличии благоприятных материальных условий все желали бы иметь не менее двух детей.

Таблица 5

Распределение опрошенных женщин по величине идеального числа детей в семье

Идеальное число детей в семье	Доля опрошенных, назвавших это число (в %)			
	город		село	
	работницы	интеллигенция	колхозницы	интеллигенция
0	—	—	—	—
1	—	—	—	—
2	52,3	60,1	37,3	49,9
3	45,9	39,9	56,2	50,1
4 и более	1,8	—	6,5	—
Итого . .	100	100	100	100

Во всем изложенном выше мы исходили из гипотезы, что различия между показателями для тех или иных возрастных групп объясняются изменениями социально-психологических характеристик с изменением возраста женщин. Однако сравнение групп по возрастам имеет относительный характер, ибо опрошенные нами женщины разных возрастов принадлежат к разным поколениям. Ведь социально-психологические характеристики могут меняться не только от возраста к возрасту у одних и тех же женщин, но и от поколения к поколению.

Среднее число имеющих детей в семье у опрошенных на селе и в городе вместе равно 2,1, а среднее число желаемых детей равно 2,5.

Мы думаем, что среднее число желаемых детей — 2,5, полученное по данным нашего опроса, может со временем несколько увеличиться. Из материалов нашего исследования вытекает, что если рост культурного уровня сдерживает деторождение, то рост материального уровня, наоборот, стимулирует увеличение числа детей в семье. Поэтому перспектива ликвидации неустroенности с жильем, рост заработной платы, развитие сети детских учреждений, что предусмотрено Программой КПСС и на ближайшее пятилетие директивами XXIII съезда партии, может привести к некоторому увеличению фактического и желаемого числа детей.

Г. П. Киселева

*Проблемная лаборатория народонаселения
МГУ им. М. В. Ломоносова*

ИЗ ОПЫТА КОНКРЕТНОГО СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ

Известно, что рождаемость в нашей стране за последние годы непрерывно снижается. Изучению возможных причин этого явления и опробованию методики его исследования было посвящено социально-демографическое обследование, проведенное летом 1966 г. в Окуловском районе Новгородской области сотрудниками Проблемной лаборатории народонаселения МГУ им. М. В. Ломоносова.

Выбор Новгородской области для обследования объяснялся несколькими причинами. Основными из них были: очень низкий коэффициент рождаемости в области — 12,8‰ (1965 г.), тот факт, что коэффициент рождаемости сельского населения области значительно ниже, чем городского населения, и что при общем росте населения РСФСР на 7,7% численность населения области за период, прошедший за время от переписи населения 1959 г. до начала 1966 г., уменьшилась на 1,8%.

Обследование производилось в городе Окуловка и в сельской местности Окуловского района, в известной мере типичного для Новгородской области. Мы будем говорить далее лишь об обследовании, касающемся сельской местности Окуловского района.

Нас интересовали особенности воспроизводства населения в районе с низкой рождаемостью и нарушенной возрастно-половой структурой населения, условия жизни населения, мнение женщин по вопросам формирования семьи, а также субъективные причины, оказывающие влияние на рождаемость. Все эти вопросы предполагалось исследовать.

довать с учетом возраста женщин, их социального положения, образования, занятия, дохода семьи, жилищных условий и т. п.

Дополнительной задачей обследования было опробование программы и методики, а также обучение участников экспедиции приемам и методам социально-демографических обследований.

Обследование касалось женщин плодovитого возраста, постоянно проживающих в сельской местности. Программа его включала вопросы демографического, экономического, социального, психологического и медицинского характера. Эти вопросы были поставлены в двух анкетах, одна из которых заполнялась сотрудниками лаборатории при обходе семей, другая — медицинскими работниками при посещении женщинами лечебных учреждений. Содержание анкет было почти идентичным.

Помимо этих двух анкет, в сельской местности на основании существующей отчетности сельсоветов (форма № 9С), похозяйственных книг, а также по данным почтовых отделений и личной беседы с работниками сельских Советов заполнялась форма «Характеристика населенного пункта». Она заполнялась на все деревни тех сельсоветов, которые попали в нашу выборку, и содержала сведения о возрастном-половом составе населения, количестве дворов в деревне, наличии в ней клуба, магазина, школы, медпункта, а при их отсутствии — о расстоянии до ближайшей деревни, где они находятся; выяснялось также, сколько выписывается в деревне газет и журналов, характер транспортных связей с районным центром и другие сведения. Таких форм было заполнено 109.

Выборочная совокупность была образована путем многоступенчатого отбора. Вначале вся сельская территория района (21 сельсовет) была разделена на группы сельсоветов по принципу основного занятия большинства жителей, проживающих на их территории, а затем были отобраны девять сельсоветов, довольно точно отражавших картину занятости сельского населения всего Окуловского района. Сначала предполагалось отбирать сельсоветы по степени их удаленности от районного центра. Но, ознакомившись с местными условиями, мы пришли к выводу, что лучше произвести отбор сельсоветов по принципу основного занятия большинства жителей, так как можно будет получить сведения о женщинах и от женщин, за-

нятых в различных отраслях народного хозяйства и принадлежащих к разным социальным группам.

Затем в каждом сельсовете, попавшем в выборку, все деревни были разделены на четыре группы по числу дворов в деревне. Группы были такие: 1—10, 11—20, 21—50, 51 и более дворов. Из каждой группы в каждом сельсовете путем случайного бесповторного отбора было взято для обследования по одной деревне. Всего для обследования было отобрано 36 деревень. В этих деревнях сотрудниками лаборатории и медицинскими работниками было обследовано 465 женщин, или 31% женщин плодovитого возраста, проживающих на территории отобранных сельсоветов.

При подготовке к обследованию возникали опасения, что на некоторые вопросы анкет, предполагающие сообщение сведений интимного характера, будет трудно получить ответ. Однако эти опасения не подтвердились. Опрос происходил в обстановке доброжелательного отношения со стороны населения. Не было ни одного случая отказа отвечать на какой-либо из вопросов нашей анкеты. В ходе беседы устанавливался полный контакт с опрашиваемыми, так что в конце разговора можно было получить ответ на любой интересовавший нас вопрос.

Следует заметить, что в большинстве случаев опрашивались замужние женщины либо женщины, не состоящие в браке, но имеющие детей. Это объясняется в основном двумя причинами: наши анкеты были рассчитаны главным образом на беседу с замужними женщинами или с женщинами, имеющими детей, а кроме того, молодых незамужних женщин (до 25 лет) в сельской местности почти не оказалось (они, как правило, уезжают из деревень в города).

Уже начало опроса показало, что незамужние и не имеющие детей женщины даже на те немногие вопросы, которые им имело смысл задавать и на которые они могли бы ответить, затруднялись отвечать, ссылаясь на незнание. Поэтому после нескольких бесед с этими женщинами в начале обследования мы в дальнейшем их не опрашивали.

Лучше, полнее и интереснее проходили, как правило, беседы с женщинами старше 25 лет, у которых выше уровень образования и сложились уже определенные взгляды относительно формирования семьи.

Совокупность обследованных женщин слишком мала, чтобы из полученного материала можно было делать широкие выводы, однако мы считаем, что результаты обследования дают основание говорить о некоторых тенденциях, наблюдающихся в районах с низкой рождаемостью.

Известно, что возрастно-половая структура населения представляет собой один из важнейших демографических факторов, определяющих воспроизводство населения. Население девяти сельских Советов, где мы проводили обследование, по полу распределилось так: 60% женщины и 40% мужчин. Доля детских возрастов (0—14 лет) во всем населении отобранных сельских Советов составляла 23,9%, доля лиц в возрасте 15—59 лет — 50,8, а доля лиц в возрасте 60 лет и старше — 25,3%.

Естественно, что на величину коэффициента рождаемости влияет число женщин в молодых детородных возрастах. Рассмотрим возрастную структуру населения указанных сельсоветов (табл. 1).

Таблица 1

Возрастная структура населения
обследованных сельсоветов]
(в % к итогу)

Возраст	Доля лиц этого возраста	
	во всем населении	среди женщин
До 15	23,9	18,8
15—19	6,6	5,5
20—24	2,2	2,0
25—29	5,5	4,8
30—39	14,0	12,8
40—49	12,0	13,2
50—59	10,5	12,3
60—64	8,5	9,8
65 и старше	16,8	20,8
Итого . .	100	100

Понятно, что такая возрастная структура не могла не сказаться отрицательно на коэффициенте рождаемости.

Нарушение возрастно-половой структуры обнаруживается также в уменьшении средней величины семьи в обследованном нами районе. Сгруппируем деревни, находящиеся на территории девяти сельсоветов, по числу жителей в них:

Группа деревень по числу жителей в них	Среднее число жителей в деревне	Среднее число жителей в одном доме	Группа деревень по числу жителей в них	Среднее число жителей в деревне	Среднее число жителей в одном доме
До 10	5,7	1,6	31—50	41,6	2,4
11—20	14,7	2,2	51—100	73,3	2,5
21—30	22,5	2,4	Свыше 100	147,4	2,7

В сельской местности среднее число жителей, проживающих в одном доме, можно условно принять за семью. Средняя величина семьи во всех деревнях была 2,5 (по переписи населения 1959 г., средняя величина семьи в сельской местности РСФСР составляла 3,8). Как видно из приведенных данных, чем меньше населенный пункт, тем меньше величина семьи. Такая закономерность вполне объяснима: в очень маленьких деревнях нет ни клуба, ни школы, ни магазина; молодежь уходит из этих деревень, в них остаются пожилые и старики.

Однако объяснять низкие показатели рождаемости только отрицательным влиянием существующей возрастно-половой структуры было бы неверно. Снижение рождаемости гораздо больше зависит от того, что женщины, с которыми нам довелось беседовать, в большинстве своем совершенно сознательно подходят к планированию числа детей в семье.

Наша анкета включала вопросы о фактическом и наиболее желательном числе детей в семье, последний был сформулирован так: «Задумывались ли Вы над тем, сколько детей желательно иметь в семье?» При этом выяснялось и какое число детей женщина считает желательным иметь в семье. Из всех опрошенных женщин только 27,1% ответили, что не думали о том, сколько детей желательно иметь в семье. Если принять за 100% всех женщин, не думавших о том, сколько детей желательно иметь в семье, то окажется, что среди них 17,5% не состояли в браке на момент опроса (незамужние, вдовы, разведенные, одинокие матери), тогда как в группе женщин, ответивших на

этот вопрос, доля женщин, не состоящих в браке на момент обследования, была равна всего лишь 3,3%.

Рассмотрим группу женщин, которые думали над тем, сколько детей желательно иметь в семье. В этой группе, насчитывающей 339 женщин, или 72,9% опрошенных, среднее число имеющих и желаемых детей у женщин разного возраста было следующим:

Возраст женщины	Доля женщин этого возраста, %	Среднее число имеющих в семье детей	В среднем считают желательным число детей в семье
20—24	1,7	0,7	2,3
25—29	23,6	1,2	2,5
30—39	47,3	1,8	2,7
40—49	27,4	2,2	2,4
20—49	100	1,8	2,6

В этих данных отсутствует возрастная группа 15—19 лет, а группа 20—24 года представлена незначительным числом женщин. Это объясняется тем, что, во-первых, в сельской местности Окуловского района очень мала доля женщин в возрасте до 25 лет, во-вторых, большинство женщин в молодых возрастах еще не вышли замуж, а вышедшие замуж имели пока очень небольшой опыт воспитания детей и затруднялись определить желаемое число детей в семье.

Из всех женщин, которые думали над тем, сколько детей лучше всего иметь в семье, 69,5% женщин считают, что лучше иметь больше детей, чем у них есть, у 18,4% женщин наиболее желательное число детей совпадало с фактическим и у 12,1% женщин, желаемое число детей меньше имеющегося (табл. 2).

Как видно из таблицы 2, больше 75% женщин, думавших о желаемом числе детей, имеют в семье одного или двоих детей и только 7% женщин имеют четверых и более детей. Большинство их считает желательным иметь двоих или троих детей. Однако в действительности троих имеют только 11,4% женщин. При этом большая часть женщин, имеющих троих детей, считает лучшим иметь в семье двух или одного ребенка. Мы выясняли также, предполагает ли женщина еще иметь детей. Здесь интересно отметить, что среди женщин, которые хотели бы иметь больше детей, чем у них есть, только 63 женщины, или 26,6%, хотят еще иметь ребенка, а 173 женщины

Таблица

Распределение женщин по числу имеющих и желаемых детей

Число имеющих детей	Доля (в %) женщин с данным числом детей	Из них считают желательным иметь в семье детей				
		1	2	3	4	5 и более
0	5,7	—	3,6	2,1	—	—
1	36,2	0,7	18,5	15,6	1,4	—
2	39,7	—	12,0	24,1	3,6	—
3	11,4	5,0	5,0	0,7	0,7	—
4	3,5	—	2,8	0,7	—	—
5 и более	3,5	—	1,4	2,1	—	—
Всего . . .	100	5,7	43,3	45,3	5,7	—

(73,4%) не думают больше иметь детей. Если на вопрос о желаемом числе детей в семье из 465 женщин затруднялись ответить 126 человек (27,1%), то на вопрос о том, хотят ли женщины еще иметь ребенка, 81,0% всех опрошенных женщин ответили отрицательно, из них только 8,6% затруднились или не пожелали назвать причины, препятствующие рождению ребенка. Следует отметить, что среднее число детей у всех обследованных нами женщин было 1,7.

В нашей анкете был вопрос: «Если Вы не хотите иметь еще детей, то укажите, пожалуйста, почему». В подсказке к этому вопросу было перечислено 14 предполагаемых причин: 1) рождение детей заставит бросить работу; 2) рождение детей затруднит участие в общественной жизни коллектива; 3) рождение детей помешает учебе мужа или жены; 4) рождение детей помешает повышать свой культурный уровень; 5) рождение детей ухудшит жилищные условия; 6) с рождением детей ухудшится материальное положение семьи; 7) нет возможности устроить детей в ясли, а затем в детский сад; 8) поступаем так, как наши друзья, у которых нет детей; 9) потому что беспокойно в мире; 10) частые перемены места жительства; 11) плохие отношения супругов; 12) боязнь родов; 13) отдавать ребенка в ясли и детский сад жалко,

а бросить работу нельзя; 14) врач не разрешает больше иметь детей. Кроме того, в анкете были оставлены свободные строки, чтобы женщины могли указать причины, не предусмотренные в подсказе. Мы просили при ответе на этот вопрос указать не более трех причин.

При разработке было выделено 19 причин. Рассмотрим основные причины, по которым женщины не хотят или не могут в настоящее время родить ребенка (в % ко всем ответам):

С рождением детей ухудшается материальное положение	25,4
Пожилый возраст для того, чтобы родить	15,0
Нет возможности устроить детей в ясли, а затем в детский сад	14,0
Рождение детей заставит бросить работу	11,9
Муж пьет	7,3
Бесплодие (первичное или вторичное)	5,2
Врач не разрешает больше иметь детей	3,1

Все остальные причины вместе занимали менее 20%. Здесь интересно отметить несколько обстоятельств.

Во-первых, такие причины, указанные в анкете, как «рождение детей помешает учебе мужа или жены», «потому что беспокойно в мире», «поступаем так, как наши друзья, у которых нет детей», не были названы ни одной женщиной. Почти не назывались и такие причины: «рождение детей мешает повышать свой культурный уровень», «отдавать ребенка в ясли и детский сад жалко, а бросить работу нельзя», «боязнь родов», «рождение детей затрудняет участие в общественной жизни коллектива», «плохие отношения супругов», «рождение детей ухудшает жилищные условия». И только четыре причины из указанных в анкете назывались сравнительно часто: «с рождением детей ухудшается материальное положение семьи», «нет возможности устроить детей в ясли, а затем в детский сад», «рождение детей заставит бросить работу», «врач не разрешает больше иметь детей».

Во-вторых, многие женщины в качестве причины нежелания родить ребенка указывали «пожилой возраст». Эта причина не была предусмотрена в анкете, поскольку обследование проводилось среди женщин плодovитого возраста. В действительности же оказалось, что многие женщины, начиная с возраста 40 лет, а иногда и несколько

раньше, считают, что рожать им уже поздно. Некоторые женщины, ответившие, что им уже поздно иметь детей, говорили, что хотели бы родить еще, но боятся, что «не сумеют вырастить», некоторые женщины говорили, что они стесняются рожать. Женщина 38 лет сказала: «Я бы родила третьего, но и от людей, и от детей стыдно!» Таким образом, хотя принято считать детородным возраст до 49 лет, многие женщины, планирующие семью, ограничивают для себя этот возраст 38—40 годами.

Не была предусмотрена в анкете и такая причина, как «муж пьет», которую указывали сравнительно часто.

Наконец, чаще, чем мы предполагали, встречался ответ «бесплодие», свидетельствовавший о невозможности иметь ребенка. Причиной бесплодия, особенно вторичного, служат, по-видимому, частые абортy, а также неблагоприятные условия труда и быта.

Нас интересовало также мнение женщин о том, что, с их точки зрения, необходимо сделать, чтобы семьи могли иметь желаемое число детей. В подсказе к вопросу: «Что нужно сделать для того, чтобы супружеские пары могли иметь желаемое число детей?» — были перечислены такие пункты: 1) смягчить международную напряженность; 2) увеличить заработную плату мужа; 3) увеличить пособие многодетным семьям; 4) установить выплату семейных надбавок при рождении первого, второго и третьего ребенка; 5) увеличить продолжительность отпусков по беременности и родам; 6) увеличить выпуск продуктов детского питания, детской одежды и снизить на них цены; 7) расширить сеть детских садов и яслей; 8) улучшить жилищные условия; 9) улучшить состояние торговли и бытового обслуживания; 10) сократить рабочий день для женщины-матери. Женщинам предлагалось указать, выполнение каких условий (надо было указать не более трех) способствовало бы достижению желаемой величины семьи. Кроме того, были оставлены свободные строчки на тот случай, когда ответ не предусмотрен в подсказе к вопросу.

При разработке было выделено 14 условий, которые распределялись в таком порядке (в % к общему числу ответов):

Расширить сеть детских садов и яслей	27,9
Увеличить выпуск детской одежды и снизить на нее цены	23,8
Увеличить заработную плату мужа	15,4

Сократить рабочий день женщины	7,3
Чтобы муж не пил и было согласие в семье	6,5
Улучшить жилищные условия	5,7
Остальные причины	13,4

Среди остальных условий такие, как «улучшение состояния торговли и бытового обслуживания», «увеличение отпусков по беременности и родам», «выплата семейных надбавок при рождении детей», «увеличение пособий многодетным матерям».

Мнение женщин об условиях, выполнение которых способствовало бы увеличению рождаемости, различно. Однако совершенно отчетливо видно, что экономический фактор преобладает и в том случае, когда вопрос касается рождения ребенка в своей семье и когда он стоит более широко, т. е. что нужно сделать, чтобы семьи могли иметь желаемое число детей.

Мы не рассматриваем здесь зависимость числа детей от социального положения и образования матери, ее занятия, дохода семьи и жилищных условий, поскольку число наблюдений недостаточно, чтобы составить таблицы с большим числом групп и показателей. Однако приведенные выше данные, относящиеся ко всей совокупности опрошенных женщин, представляются нам заслуживающими внимания. Мы не считаем возможным распространять результаты нашего обследования на население других территорий, имеющих иной режим воспроизводства, но демографическая ситуация, существующая в Окуловском районе Новгородской области, не представляет собой исключения, она характерна и для других районов и некоторых областей Российской Федерации.

Для того чтобы дать научно обоснованные предложения относительно воздействия на сложившееся демографическое положение, необходимо более глубокое изучение проблем народонаселения, необходимы специальные демографические обследования, проводимые по широкой программе и охватывающие достаточно большие совокупности женщин в районах с разным режимом воспроизводства.

Ю. А. Корчак-Чепурковский

(1896—1967)

20 августа 1967 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался выдающийся специалист в области демографической статистики, один из организаторов современной статистики естественного движения населения на Украине Юрий Авксентьевич Корчак-Чепурковский. От нас ушел настоящий ученый, мыслям которого всегда были свойственны глубина и оригинальность, большой души человек.

Юрий Авксентьевич родился 15 декабря 1896 г. в Кишиневе в семье земского санитарного врача Авксентия Васильевича Корчака-Чепурковского, впоследствии действительного члена Академии наук Украинской ССР. В 1913 г. Юрий Авксентьевич закончил Киевское коммерческое училище и поступил в Киевский политехнический институт. События первой мировой войны отвлекли его от занятий в политехническом институте и пробудили инте-

рес к общественным наукам. В 1917 г. Юрий Авксентьевич поступил на юридический факультет Украинского народного (позже государственного) университета, одним из организаторов которого был его отец, а после закрытия этого факультета продолжал учиться на социально-экономическом факультете Киевского института народного хозяйства, который окончил в 1922 г., получив специальность инженера-экономиста.

С декабря 1921 г. Юрий Авксентьевич начал работать в Академии наук УССР сначала статистиком, затем научным и старшим научным сотрудником. В научных учреждениях системы Академии наук УССР (Институт демографии, кафедра здравоохранения) он проработал с перерывами до 1938 г. Параллельно работе в АН УССР Юрий Авксентьевич в 1923/24 и 1924/25 учебных годах преподавал в Киевском институте народного хозяйства, а после переезда в Харьков — в Харьковском институте народного хозяйства в 1925/26 учебном году.

Значение Юрия Авксентьевича как ученого определяется не только его научными трудами, но и большой практической и организаторской деятельностью в области демографической и санитарной статистики. В 1925—1928 гг. он работал в ЦСУ УССР. Будучи заместителем заведующего отделом демографии (отделом заведовал в то время известный украинский демограф Арсений Петрович Хоменко) и непосредственным организатором и руководителем текущей статистики естественного движения населения республики, Юрий Авксентьевич чрезвычайно много сделал для того, чтобы поднять эту отрасль молодой советской статистики на уровень ответственных задач, поставленных перед нею нашим обществом. Юрий Авксентьевич потратил тогда много времени и сил на изучение зарубежного опыта организации статистики естественного движения населения. В частности, во время командировки в Германию (1927 г.) он детально ознакомился с образцово поставленной статистикой населения Берлина, а также изучал в библиотеках специальную демографическую литературу. Все ценное в отечественном и зарубежном опыте организации статистики населения было учтено в работе отдела демографии ЦСУ УССР, а позже обобщено Юрием Авксентьевичем в неопубликованной монографии «История и организация текущей статистики движения населения» (эта работа была в 1936 г.

обсуждена и одобрена Институтом демографии и санитарной статистики АН УССР).

Некоторые из многочисленных разработок опытного порядка, проведенных в то время в отделе демографии ЦСУ УССР по инициативе и под непосредственным руководством Юрия Авксентьевича, в дальнейшем стали обязательными и в общесоюзной программе разработки материалов о естественном движении населения (группировка родившихся по возрасту матери и очередности родов, группировка умерших детей в возрасте до одного года по месяцам рождения и смерти и т. д.).

Годовые разработки материалов о естественном движении населения на Украине производились в то время по более широкой программе, чем в целом по Союзу, а некоторые очень ценные в научном отношении статистические разработки больше не повторялись в нашей стране и остались уникальными до настоящего времени. Сравнение публикаций итогов указанных разработок за 1924—1928 гг. между собой и с аналогичными изданиями ЦСУ СССР и других союзных республик показывает, как далеко вперед ушла статистика естественного движения населения на Украине, когда ею руководил Юрий Авксентьевич Корчак-Чепурковский. Заслуживает особого внимания не имеющая себе аналогии за рубежом разработка материалов о разводах за 1925 г. Анализ этих материалов в извлечениях был напечатан в «Известиях Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета» (№ 117 и 118 за 1926 г.) в связи с составлением нового семейного кодекса.

Особено сильно была расширена программа разработки первичных материалов о естественном движении населения Украины в 1927 г. после введения новых форм регистрации актов гражданского состояния, данные которой позволили глубже изучить семью как основную ячейку воспроизводства населения. Под руководством и при непосредственном участии Юрия Авксентьевича были разработаны ценнейшие статистические материалы, характеризующие детность вступающих в повторный брак, судьбу детей при разводах, очередность рождений вообще и в текущем браке, смертность детей на первом году жизни в зависимости от социального положения, национальности, возраста матери и очередности родов. Были разработаны материалы, характеризующие брачное состояние

умерших. Большинство разработок имело одногодичную возрастную группировку. По инициативе Юрия Авксентьевича материалы о естественном движении населения Украины начиная с 1925 г. разрабатывались в социальном разрезе (в других союзных республиках подобные разработки стали проводиться позже).

Опыт, накопленный на Украине в разработке материалов о естественном движении населения, был эффективно использован всей демографической службой Союза и не утратил своего большого практического значения и до настоящего времени. Очень многим из этого опыта можно и должно воспользоваться сейчас, когда потребности хозяйственного и культурного строительства в нашей стране предъявляют новые повышенные требования к объему и качеству текущих разработок материалов о естественном движении населения (особенно в социальном и профессиональном разрезе), и прежде всего за годы, примыкающие к переписям населения.

Работая в Институте демографии АН УССР, Юрий Авксентьевич принимал активное участие в составлении двух уникальных в нашей демографической литературе сборников статистических материалов: «Матеріали що до природного руху населення України 1867—1914 рр.» (Киев — Харьков, 1924) и «Матеріали санітарної статистики України 1876—1914 рр.» (Киев — Харьков, 1926). Оба сборника были коллективными работами сотрудников Института демографии АН УССР, выполненными по заданию ЦСУ УССР под общей редакцией академика М. В. Птухи. Программа второго сборника полностью составлена Ю. А. Корчаком-Чепурковским.

Тесную связь с ЦСУ УССР Юрий Авксентьевич поддерживал и после перехода его на исследовательскую работу на кафедру здравоохранения Академии наук УССР. В 1933—1934 гг., руководя кабинетом методики медицинской статистики во Всеукраинском институте социалистического здравоохранения и поддерживая очень тесные контакты с отделом статистики Народного комиссариата здравоохранения УССР, Юрий Авксентьевич заложил основы выборочного изучения заболеваемости колхозников в некоторых областях республики. Предложенная им система учета заболеваемости колхозников, позволявшая изучить влияние зарождавшегося колхозного строя на уровень и динамику здоровья сельского населения Украи-

ны, была изложена в работе «Методические указания к организации конъюнктурной статистики заболеваемости колхозников», изданной в 1934 г. Всеукраинским институтом социалистического здравоохранения.

Много сделал Юрий Авксентьевич Корчак-Чепурковский для улучшения методики сбора, обработки и анализа статистических материалов, когда руководил статистическим отделом Всеукраинского института охраны материнства и детства им. Н. К. Крупской (1932—1934 гг.), группой демографии в Украинском научно-методологическом бюро медико-санитарной статистики (1938 г.), методическим бюро санитарной статистики Самаркандского облздравотдела (1947—1949 гг.), отделом статистики Московской детской клинической больницы им. И. В. Русакова (1955—1958 гг.). В частности, работая во Всеукраинском институте охраны материнства и детства им. Н. К. Крупской, Юрий Авксентьевич написал большой труд «Статистика, учет и отчетность в учреждениях охраны материнства и детства» (1933 г.), в котором критически излагалась применявшаяся в то время на Украине система статистического учета и отчетности в яслях, детских консультациях, родильных домах и детских больницах, и был предложен целый ряд изменений, которые значительно повысили бы качество учета в этих учреждениях, практическую и научную ценность его данных. В этой работе Юрий Авксентьевич предложил особые методы постановки конъюнктурной статистики заболеваемости детей в яслях и углубленной разработки ее материалов в зависимости от длительности пребывания ребенка в яслях. Он предлагал также внести изменения в статистические карточки о родах и абортах, чтобы строить показатели генеративной нагрузки женщин не по общему анамнезу, а по анамнезу для конкретного ближайшего периода. Некоторые из предложенных Юрием Авксентьевичем усовершенствований были введены в практику работы соответствующих органов на Украине. В частности, на основании разработанных им принципов была организована конъюнктурная статистика заболеваемости детей в яслях Харькова.

Список научных трудов Юрия Авксентьевича обширен, однако ряд его работ, в том числе значительные демографические исследования, до сих пор не опубликованы.

Большинство научных работ Юрия Авксентьевича основывалось на статистических материалах, собранных при его участии или под его непосредственным руководством. Это не означает, однако, что вопросы статистической техники и практики были в них самодовлеющими. Наоборот, глубокие и разносторонние теоретические познания позволяли ему самостоятельно разрабатывать многие сложнейшие теоретические проблемы методики статистического наблюдения и анализа, и именно эти проблемы всегда занимали основное место в его научных изысканиях. Вопросы теории и статистической практики тесно переплетаются в работах Юрия Авксентьевича, образуя органический сплав. Опираясь статистическими материалами, Юрий Авксентьевич всегда старался изучить, как эти материалы были получены, определить их точность и достоверность, выработать приемы их улучшения, для того чтобы основанные на их анализе выводы давали правильный и доказательный ответ на поставленные вопросы. Именно этими чертами характеризовалась уже первая самостоятельная научная работа Юрия Авксентьевича «Город и село в смертности Надднепровской Украины», в основу которой была положена дипломная работа, написанная при окончании Киевского института народного хозяйства. Подробный критический анализ дореволюционных статистических материалов о смертности населения, данный Юрием Авксентьевичем в этой работе, представляет значительный интерес и в настоящее время¹.

Изучению смертности населения Украины Юрий Авксентьевич посвятил несколько специальных работ. Так, в опубликованной монографии «Таблиці доживання і сподіваного життя людності УСРР, 1925—1926» (Харьков, 1929) детально проанализированы дефекты обозначения возраста умерших и живущих и рассмотрены возможные способы получения более близких к действительности измерителей по возрастной смертности; очень подробно изложена также методика и теория построения таблиц смертности и применение этих таблиц для определения численности населения в межпереписном периоде. Исчисленные Юрием Авксентьевичем полные таблицы смертности населения УССР за 1925—1926 гг. были первыми

советскими таблицами смертности, охватившими как городское, так и сельское население. Кстати, еще до проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. Юрий Авксентьевич исчислил первые для советского периода краткие таблицы смертности для населения Украины за 1924 г.², которые в извлечениях были воспроизведены в изданиях Международного статистического института. Указанные таблицы впервые в нашей отечественной демографической литературе отразили громадные сдвиги в смертности населения целой республики (первые послереволюционные таблицы смертности населения были построены С. А. Новосельским и В. В. Паевским на материалах ленинградской статистики за 1920 и 1923 гг.). Анализу смертности посвящены еще две (к сожалению, неопубликованные) монографии: «Смертность женщин в связи с их генеративной функцией» (1934 г.), и «Смертность и продолжительность жизни населения Украинской ССР в 1958—1959 гг.» (1963 г.).

В первой части работы «Смертность женщин в связи с их генеративной функцией» Юрий Авксентьевич детально изложил основы статистической практики изучения так называемой материнской смертности, рассмотрел многочисленные дефекты первичных статистических материалов об этом явлении. Здесь же очень много внимания уделено анализу основной и сопутствующей причин смерти, что чрезвычайно важно для выяснения всего ущерба, причиняемого патологией генеративной деятельности женщин. Юрий Авксентьевич обосновывает необходимость применения нового, теоретически наиболее обоснованного синтетического показателя уровня генеративной смертности — *восстановительного коэффициента генеративной смертности*. Много внимания в работе уделено методике изучения абортизма и генеративного анамнеза, собираемого акушерами-гинекологами. Во второй части монографии дан детальный анализ генеративной деятельности женщин Украинской ССР в 1926—1930 гг. и смертности, обусловленной патологией этой деятельности у женщин городских и сельских поселений. На основе анализа тщательно обработанных первичных статистических материалов показаны большие достижения в борьбе с генеративной смертностью на Украине в 1923—1931 гг.

¹ «Демографічний збірник. Праці Демографічного інституту ВУАН», т. 4. Київ, 1926.

² «Природний рух населення України у 1924 р. з оглядом природного руху населення перед світовою війною». Харків, 1927.

В работе «Смертность и продолжительность жизни населения Украинской ССР в 1958—1959 гг.» содержатся полные таблицы смертности всего населения УССР, а также городского, сельского и населения Киева за 1958—1959 гг. и таблицы смертности населения УССР за 1960 г. Смертность на первом году жизни по методике, разработанной автором, прослежена по месяцам, а для новорожденных — по неделям жизни, что позволило точнее учесть время, прожитое теоретическим поколением родившихся. При разработке методики построения этих таблиц Юрий Авксентьевич учел все особенности современной структуры населения и украинских статистических материалов. В монографии приведены многочисленные сопоставления показателей новых таблиц дожития с исчисленными прежде, что позволило автору сделать важные выводы об особенностях динамики смертности на Украине. В ней раскрыты также особенности методики, примененной для построения таблиц смертности, и изложены важные методологические соображения о познавательном значении отдельных величин этих таблиц и о наиболее рациональных путях их анализа.

Значительный цикл работ Юрия Авксентьевича посвящен статистике причин смерти. Самостоятельное и большое теоретическое значение представляет монография «Таблицы рождаемости и плодovitости. Теория и методика их построения» (Киев, 1937), написанная им по заданию ЦУНХУ СССР в связи с подготовкой к переписи населения 1939 г. В ней были всесторонне освещены методические проблемы измерения рождаемости и плодovitости и предложена система взаимосвязанных показателей, которые могут быть исчислены на основе разработок родившихся по возрасту матери и переписных данных о населении в сочетании с таблицами дожития. Технические приемы построения этих таблиц были выработаны на опытных исчислениях по материалам переписей населения 1923 и 1926 гг. Работа, к сожалению, не увидела свет, и монография целиком не сохранилась, но основные идеи методики, разработанной Юрием Авксентьевичем, кратко изложены в статье «Таблицы рождаемости и плодovitости», опубликованной в журнале «Санитария и гигиена» (№ 4 за 1937 г.).

Общие методические вопросы изучения воспроизводства населения изложены Юрием Авксентьевичем в мо-

нографии «Воспроизводство населения Украинской ССР, том I. Общие основы и статистическая методика изучения» (Киев, 1929). Эта работа представляет собой введение в задуманное автором детальное изучение воспроизводства населения УССР по данным переписи 1926 г. и текущей статистики населения за 1925—1928 гг. В ней рассмотрены почти все основные вопросы теории и практики статистического изучения как отдельных сторон воспроизводства населения (брачности, рождаемости и смертности), так и общего баланса воспроизводства и вывода характеризующих его синтетических показателей.

Наиболее крупной работой Юрия Авксентьевича, посвященной анализу естественного движения населения Украинской ССР, была монография «Обзор воспроизводства населения УССР в 1925—1928 гг.», законченная в 1934 г. и оставшаяся, к сожалению, неопубликованной.

В монографии дан анализ высокого естественного прироста населения Украинской ССР в первые послереволюционные годы и факторов, его обуславливающих. Большое внимание уделено изучению достоверности и точности данных о социальном составе населения Украины по переписи 1926 г. и сопоставимости данных текущей статистики населения в социальном и профессиональном разрезе с соответствующими материалами переписи населения. Исследуется брачность, рождаемость, аборт, смертность не только по УССР в целом, но и по городским и сельским поселениям, а также по социальным и профессиональным группам. В работе предлагаются новые теоретически обоснованные синтетические показатели (*индексы возрастной пирамиды, индекс супружественности, укорочение жизни как мера смертности и т. д.*), уточняется методика исчисления вероятности вступления в брак для таблиц брачности. Основная ценность работы заключается в применении всех имевшихся в то время статистических материалов для детального освещения проблем семьи, рождаемости, абортов, смертности в отдельных классах и группах населения и по УССР в целом. В работе приведены таблицы дожития 1925—1928 гг. по социальным группам, анализируется смертность мужчин по профессиям, причины смерти городского и сельского населения, дифференциальная рождаемость, детность и т. д., помещена исчисленная впервые в СССР таблица брачности женщин. Такого многостороннего и детального иссле-

дования населения не опубликовано пока ни в одной из наших республик.

Наиболее крупное исследование последних лет жизни Юрия Авксентьевича — это неоконченная монография «Основные вопросы методики перспективных расчетов населения». В работе изложена история перспективных исчислений населения СССР, основные положения теории и методики перспективных исчислений, рассматриваются данные переписи населения как исходная база для прогнозирования его будущей численности. Отдельные главы посвящены учету убыли живущих в результате смертности и определению темпов ее снижения, расчету будущих чисел родившихся, перспективным исчислениям населения с учетом перемещений. Эта монография представляет собой не только ценный вклад в теорию и методику демографического прогнозирования; она имеет также большое практическое значение, поскольку содержит расчеты перспективной численности населения Украинской ССР до 1980 г., выполненные автором.

Это очень скупой и далеко не полный перечень тех работ, которые характеризуют Юрия Авксентьевича как демографа. Кроме демографических, им выполнен целый ряд исследований по санитарной статистике, а также по изучению потребления и питания населения. Помимо монографий и статей, перу Юрия Авксентьевича принадлежит несколько научных записок по совершенствованию демографической методологии для научно-экспертного совета ЦСУ УССР, членом которого он оставался до последних дней жизни.

Юрий Авксентьевич всегда был очень внимателен к молодежи, посвятившей себя демографической науке, с удовольствием делился с нею своими громадными научными знаниями и богатым опытом практической работы с конкретными статистическими материалами. С большим тактом направляя работу молодых исследователей, он щедро тратил на это свое драгоценное время и силы.

В заключение хотелось бы привести выдержки из характеристики научной деятельности Юрия Авксентьевича, данной С. А. Новосельским. В этом документе, датированном 10 марта 1940 г., С. А. Новосельский писал: «Ю. А. Корчак-Чепурковский известен мне как один из крупнейших специалистов по демографии и санитарной статистике. Ему принадлежат многочисленные (свыше 40) пе-

чатные работы по наиболее существенным теоретическим и практическим вопросам демографической статистики. Им внесены важные дополнения и изменения в теорию и технику измерения смертности и плодовитости и построения таблиц плодовитости и выживания, в технику перспективных исчислений возрастного состава населения, выработана новая методика измерения заболеваемости в детских учреждениях с текучим, изменчивым составом (ясли, консультации)...

Следует отметить, что Ю. А. Корчак-Чепурковский принадлежит к числу очень немногих у нас крупных научных работников, избравших своей научной специальностью демографию и санитарную статистику — научные отрасли первостепенного значения в деле охраны здоровья и продления жизни трудящихся».

Обстоятельства не всегда способствовали научной деятельности Юрия Авксентьевича, сохранению и публикации ее результатов. В течение многих лет Юрий Авксентьевич вообще не имел возможности заниматься научной работой, а когда такая возможность появилась снова, физические силы его были на исходе. И он исчерпал их до конца, работая по 15—18 часов в сутки. Удивительно, как мало человеку было дано и как много он успел сделать...

Наша научная общественность осталась в большом долгу перед Юрием Авксентьевичем Корчаком-Чепурковским — бескорыстным рыцарем демографии. При жизни ему не присвоили заслуженных им самоотверженным и плодотворным трудом научного звания и степени. Ну, а после смерти лучшей наградой и памятником этому большому ученому и настоящему человеку будет издание его неопубликованных работ.

В. С. Стешенко

БИБЛИОГРАФИЯ
ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ
Ю. А. КОРЧАКА-ЧЕПУРКОВСКОГО¹

- Місто й село у смертності Наддніпрянської України.— «Демографічний збірник (Праці Демографічного інституту ВУАН)», т. 4. Київ, 1926, стор. 112—171.
- Природний рух населення УСРР в липні—вересні 1925 р.— «Статистична хроніка відділу демографічної статистики ЦСУ УСРР», № 3 (31). Харків, 1926, стор. 1—3.
- Природний рух населення 47 головніших міст УСРР в січні—вересні 1925 р.— «Статистична хроніка відділу демографічної статистики ЦСУ УСРР», № 3 (31). Харків, 1926, стор. 6—9.
- Примітки до збірника.— 36. «Матеріали санітарної статистики України 1876—1914 рр.— «Праці Демографічного Інституту Української Академії Наук», том. III. Київ—Харків, 1926, стор. V—XXII.
- Вселюдний перепис 1926 року і перспективи демографічного спізнання УСРР.— Газета «Радянський статистик», № 44 (92), 30 жовтня 1926 року, стор. 4.
- Природний і механічний рух населення України.— «Календар-довідник на 1926 рік». Харків, видання ЦСУ УСРР, 1926, стор. 76—87.
- Таблиці розлучності протягом двох перших років шлюбного життя у 1925 р.— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 39. Харків, 1926, стор. 2—5.
- Природний рух населення УСРР в жовтні—грудні 1925 р. і природний рух населення 47 головніших міст УСРР у жовтні—грудні 1925 р.— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 40. Харків, 1926, стор. 3—6.
- До питання про сучасний рівень загальної смертності на Україні. Рецензія на роботу А. Хоменка.— «Українські медичні вісті», № 1. Київ, 1926, стор. 237—240.
- Попередні підсумки руху населення УСРР і 47 головніших міст за 1925 рік.— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 42, Харків, 1926, стор. 23—25.
- Померлі в містах України в 1923—1924 рр.— 36. «Померлі в містах

- України в 1923—1924 рр. за причинами смерті.— «Статистика України», № 84. Харків, 1926, стор. V—XI.
- Попередні підсумки природного руху населення УСРР в січні—березні 1926 р.— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 46, Харків, 1926, стор. 2—11.
- Сучасні шлюби і розлуки на Україні (Матеріали сесії ВУЦВК при розробленні нового родинного кодексу).— «Вісті Всеукраїнського Центрального Виконавчого Комітету», № 117, 118, Харків, 1926.
- Попередні підсумки природного руху населення УСРР в квітні—червні 1926 року.— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 52. Харків, 1926, стор. 2—4.
- Попередні підсумки природного руху населення УСРР в липні—вересні 1926 р.— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 61. Харків, 1927, стор. 1.
- Природний рух населення УСРР. Календар-довідник на 1927 рік, Харків, видання ЦСУ УСРР, 1927, стор. 56—64.
- Попередні підсумки природного руху населення УСРР у жовтні—грудні 1926 р.— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 67. Харків, 1927, стор. 17.
- Природний рух населення УСРР у 1926 р. (попередні підсумки).— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 82, Харків, 1927, стор. 25—33.
- Попередні підсумки природного руху населення УСРР в січні—червні 1927 р.— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 89. Харків, 1927.
- Попередні підсумки природного руху населення УСРР в липні—вересні 1927 р.— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 92. Харків, 1927.
- Для чого і як провадиться запис в книзі походження зародженої дитини.— Газета «Радянський статистик», № 32 (132), 5 серпня 1927 року, стор. 3.
- Рух населення УСРР перед світовою війною.— 36. «Природний рух населення України в 1924 році з оглядом природного руху населення перед світовою війною». Видання ЦСУ УСРР.— «Статистика України», № 106, том IV, серія I. Демографія, вип. 3. Харків, 1927, стор. V—LXXXIII.
- Огляд причин смерті в містах УСРР у 1925 р. В зб. «Померлі в містах України у 1925 р. за причинами смерті». Видання ЦСУ УСРР.— «Статистика України», № 120, том IV, серія I. Демографія, вип. 6. Харків, 1928, стор. VII—XXIV.
- Попередні підсумки природного руху населення УСРР в жовтні—грудні 1927 р.— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 100. Харків, 1928.
- Природний рух людності УСРР у 1927 році.— «Вісник статистики України», 1928, № 1, стор. 74—83.
- Попередні підсумки природного руху населення УСРР у 1927 р.— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 108. Харків, 1928, стор. 27—35.
- Спроба аналізу переписних чисел малих дітей на Україні.— «Вісник статистики України», 1928, № 2, стор. 154—158.
- Попередні підсумки природного руху населення УСРР в січні—червні 1928 р.— «Статистична хроніка ЦСУ УСРР», № 123. Харків, 1928, стор. 48—73.

¹ За исключением литографированных изданий.

- Таблиці доживання і сподіваного життя людності УСРР 1925—1926. Харків, видання ЦСУ УСРР, 1929, стор. VIII + 95.
- Передне слово.— 36. «Природний рух населення України в 1926 році». Видання ЦСУ УСРР.— «Статистика України», № 154, том IV, серія I. Демографія, вип. 7. Харків, 1929, стор. VII—XII.
- Смертність на УСРР 1928 р.— «Профілактична медицина», № 10. Харків, 1929, стор. 23—32.
- Смертність в 4-х найбільших містах УСРР у 1923—1929 рр. Вип. I. Основний числовий матеріал. Київ, видання ВУАН, 1930, стор. 96.
- Як вкорочує життя туберкульоза на Україні (з кабінету Санітарної статистики АН УСРР).— «Профілактична медицина», № 5—6. Харків, 1931, стор. 46—59.
- Смертність з лихих новотворів у різних соціальних групах капіталістичного суспільства.— «Журнал медичного циклу ВУАН», 1932, № 3, стор. 557—587.
- О таблицах рождаемости и плодovitости.— «Гигиена и санитария», 1937, № 4, стр. 30—38.
- Основные показатели деятельности больницы.— Сб. «Московская детская клиническая больница им. И. В. Русакова за 40 лет». М., Медгиз, 1957, стр. 44—55.
- О показателях потребления, исчисляемых с применением потребительских шкал.— «Вестник статистики», 1962, № 5, стр. 42—46.
- Особенности воспроизводства населения и трудовых ресурсов УССР в 1961—1980 гг.— Сб. «Трудовые ресурсы Украинской ССР и их использование». Материалы регионального совещания по трудовым ресурсам, проведенного в г. Киеве 29—30 мая 1962 г.». М., 1963, стр. 94—103.
- Таблица брачности.— «Статистический словарь». М., изд-во «Статистика», 1965, стр. 612.
- К истории применения выборочного метода для изучения состава населения Украинской ССР в 20-х и 30-х годах текущего столетия. Тезисы докладов Первой республиканской научной конференции по демографии. Киев, 1966, стр. 19—21.
- Перспективные исчисления населения с применением комбинированной таблицы доживаемости и по возрастной интенсивности миграции.— Сб. «Проблемы демографической статистики». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 228—252.
- Демографія (в соавторстве со Стещенко В. С.).— В кн. «Історія Академії Наук УСРР», книга перша. Київ, 1967, стор. 311—313.

Сборники статистических материалов,
составленные при непосредственном участии
или под руководством
Ю. А. Корчака-Чепурковского

- Материалы по естественному движению населения Украины 1867—1914 (совместно с Трапезским М. Н.). Под редакцией академика М. В. Птухи.— «Труды Демографического Института Украинской Академии Наук», том. I. Киев—Харьков, 1924, стр. XIV + 96.
- Матеріали санітарної статистики України 1876—1914 рр. Під редакцією акад. М. В. Птухи.— «Праці Демографічного Інституту

Української Академії Наук», том III. Київ—Харків, 1926, стор. XXII + 121.

- Природний рух населення України в 1924 році з оглядом природного руху населення перед світовою війною. Видання ЦСУ УСРР.— «Статистика України», № 106, том IV, серія I. Демографія, вип. 3. Харків, 1927, стор. LXXIV + 33.
- Природний рух населення України в 1925 році. Видання ЦСУ УСРР.— «Статистика України» № 117, том IV, Серія I. Демографія, вип. 4. Харків, 1927, стор. XII + 162.
- Померлі в містах України у 1925 році за причинами смерті. Видання ЦСУ УСРР.— «Статистика України», № 120, том IV, серія I. Демографія, вип. 6. Харків, 1928, стор. XXIV + 37.
- Природний рух населення України в 1926 році. Видання ЦСУ УСРР.— «Статистика України», № 154, том IV, серія I. Демографія, вип. 7. Харків, 1929, стор. XII + 178.
- Померлі в містах України за причинами смерті в 1926—1927 рр.— «Статистика України», № 181. Держвидав «Господарство України». Харків, 1930, стор. VII + 86.
- Матеріали про-до смертності на Україні. Померлі в місті Києві за причинами смерті, статтю та віком 1918—1927 рр. За редакцією акад. М. В. Птухи.— «Праці Демографічного Інституту Всеукраїнської Академії Наук», том VIII. Київ, 1930, стор. 123.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

Я. Н. Гузеватый. Актуальные проблемы народонаселе- ния в советской экономике	9
Г. М. Коростелев. К характеристике социально-демо- графического закона социалистического общества . .	23
И. В. Дзарасова. О законе народонаселения социализма.	37
А. Я. Боярский. К проблеме демографического оптимума.	47
А. Я. Кваша. О некоторых инструментах демографической политики	64

II. МЕТОДОЛОГИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л. Е. Дарский. Таблицы брачности женщин СССР (по вы- борочным данным)	79
Р. И. Сифман. Интервалы между рождениями и между вступлением в брак и первым рождением	107
Ю. А. Корчак-Чепурковский. Влияние смертности в разных возрастах на увеличение средней продолжитель- ности жизни	134
М. В. Курман. Замечания об учете разводов	156
Е. М. Морева. Влияние порядка регистрации развода на показатели разводимости	163

III. ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

А. Г. Волков. О некоторых причинах снижения коэффици- ента рождаемости	171
В. И. Козлов. О влиянии религиозного фактора на плодо- витость	184
Е. А. Садовкасова. Роль аборта в осуществлении созна- тельного материнства в СССР (по материалам выбороч- ного обследования)	207
В. П. Пискунов, В. С. Стещенко. Воспроизводство го- родского населения Украинской ССР	225
Н. В. Догле. Территориальные особенности рождаемости Северо-Западного экономического района РСФСР	245
А. М. Мерков, Н. С. Махмутзянова. Воспроизводство населения Башкирской АССР (материалы по динамике смертности)	268

IV. ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ МНЕНИЙ О ВЕЛИЧИНЕ СЕМЬИ

В. А. Белова, Л. Е. Дарский. Обследование мнений как метод изучения планирования семьи	285
А. А. Петраков. Фактическое и желаемое число детей.	297
Г. П. Киселева. Из опыта конкретного социально-демо- графического обследования	307
В. С. Стещенко. Ю. А. Корчак-Чепурковский	317
Библиография основных опубликованных научных работ Ю. А. Корчака-Чепурковского	328

Изучение воспроизводства населения

Утверждено к печати

Центральным экономико-математическим институтом АН СССР

Редактор И. К. Кокошкина

Технические редакторы В. В. Волкова, Л. И. Куртиянова

Сдано в набор 11/XII 1967 г. Т-06345.

Подписано к печати 19/IV 1968 г.

Формат 84×108 $\frac{1}{32}$ Бумага типографская № 1

Печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 17,64 Уч.-изд. л. 16,9.

Тираж 6500 экз. Тип. зак. 3783.

Цена 1 р. 16 к.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Вниманию читателей

С 1965 г. «Ученые записки по статистике» АН СССР выходят в виде тематических томов с более узким проблемным содержанием, объемом 12—15 печ. листов каждый.

Вышли в свет:

Том IX. «Методологические вопросы санитарной и медицинской статистики».

Том X. «Проблемы демографической статистики».

Том XI. «Статистическое изучение спроса и потребления».

Том XII. «Методологические вопросы промышленной статистики».

Том XIII. «Методологические вопросы статистики труда».

Том XIV. «Изучение воспроизводства населения».

Готовятся к печати:

Том XV. «Методологические вопросы статистики».

Том XVI. «Методы корреляции в экономических исследованиях».

Предполагаемое содержание следующих томов:

«Советская статистика за полвека (1917—1967)».

«Вопросы методологии статистики в трудах В. И. Ленина (к 100-летию со дня рождения)».

«Промышленная статистика в связи с новой техникой».

«Статистика миграции населения».

«Медицинская и санитарная статистика».

«Статистика и экономическая реформа».

«Проблемы международной статистики».

«Статистика и социология».

«Проблемы статистики уровня жизни».

Ваши предложения и пожелания, а также заказы на книги можно направлять по адресу: Москва, Ленинский проспект, д. 14, корпус. 7. Ученому секретарю Редакционной коллегии «Ученых записок по статистике» АН СССР.

Редакционная коллегия